

Б. 1406
21

473

ССКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА

15

ВЛ. ЛАДЫЖЕНСКІЙ

ЗА РУБЕЖОМЪ

РАЗСКАЗЫ

БЕЛГРАДЪ

1930

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА

15

Вл. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

ЗА РУБЕЖОМЪ

РАЗСКАЗЫ

БЕЛГРАДЪ

1930

БЕОГРАД

У. Бр. 1418

СМѢШНАЯ ИСТОРИЯ.

За стаканомъ дешеваго вина маленькая бѣженская компанія повеселѣла. Такъ рѣдко доставался ей отдыхъ, что она обрадовалась ему какъ-то по дѣтски. И гусарскій офицеръ, попеременно работавшій то плотникомъ то огородникомъ, и нѣкогда очень богатая дама, теперь вязавшая накидки другимъ очень богатымъ дамамъ, и педагогъ, безнадежно цитировавшій Платона и Аристотеля, — всѣ были отлично настроены.

— Хотите, я расскажу вамъ смѣшную исторію? — предложилъ офицеръ.

— Ахъ, пожалуйста, — оживленно отвѣтила дама.

— Смѣхъ, — это настоящая гигиена души, — замѣтилъ педагогъ.

И, дополнивъ стаканы, компанія тѣсно сдвинулась за маленькимъ столомъ.

— Видите ли, — началъ офицеръ, — исторія будетъ смѣшная, это впрочемъ какъ кому покажется, но начатъ мнѣ приходится со шпіонства. Въ послѣднюю войну шпіонство процвѣтало повсюду и достигло большого совершенства. Это, если хотите, характерно для нашего времени. Само шпіонство, — а съ нимъ мнѣ часто приходилось возиться по службѣ, — всегда казалось мнѣ явленіемъ сложнымъ. Въ немъ не только любовь къ родинѣ, но часто встрѣчается какая-то глухая, затаенная ненависть къ людямъ наряду съ несомнѣннымъ характеромъ спорта. Сложное и довольно таки темное явленіе во всякомъ случаѣ. Такъ вотъ это шпіонство было поставлено у нѣмцевъ очень

хорошо. Было оно недурно и у насъ, хотя въ полкахъ держались обыкновенно противоположнаго мнѣнія. Дѣйствительно, когда въ нѣмецкихъ окопахъ появлялись плакаты, что нашу часть отводятъ на отдыхъ, могло казаться, что нѣмцы про насъ все знаютъ, а мы про нихъ ничего, но вѣдь это такъ только казалось. Въ дѣйствительности же и мы имѣли такія же свѣдѣнія о нѣмецкихъ частяхъ, только онѣ были въ корпусахъ и армейскихъ штабахъ, не доходя до окоповъ. Въ конечныхъ желѣзнодорожныхъ узлахъ съ обѣихъ сторонъ шпіонство, можно сказать, просто кипѣло. Такъ это было, на примѣръ, у насъ въ Маневичахъ, гдѣ вѣдалъ административную часть комендантъ желѣзной дороги.

Комендантъ этотъ былъ изъ старыхъ армейскихъ капитановъ, съ большой выпивкой, съ привычнымъ сквернословіемъ, но человѣкъ расторопный. Представьте себѣ рыжеватые волосы, лицо въ веснушкахъ и засаленный френчъ. Фигура, однимъ словомъ, самая заурядная, одна изъ тѣхъ, какія точно по штампу выковывались въ глубинахъ арміи. Теперь на этого капитана насѣдалъ штабъ. Дѣло шло о поимкѣ извѣстной шпіонки Эльзы Найдисъ. Эта молоденькая и очень хорошенькая не то эстонка, не то латышка пользовалась у насъ большой популярностью. Она часто появлялась около нашихъ окоповъ въ качествѣ сестры милосердія, часто ее видѣли въ пограничныхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ у нея были свои знакомства. И самымъ пикантнымъ въ ея популярности было то, что она уже два раза попадалась русскимъ властямъ и оба раза бѣжала. Разъ она бросилась въ неожиданно подкатившій автомобиль и скрылась подъ выстрѣлами конвойныхъ; въ другой разъ она исчезла ночью изъ подъ ареста совершенно таинственнымъ образомъ. Никто не зналъ хорошенько, какъ это произошло. Говорили, что она ушла въ офицерской шинели. Ея побѣгъ связывали съ чрезвычайно романическимъ приключеніемъ; рассказывали, что безумно влюбившійся въ нее поручикъ не то дезертировалъ, не то благодаря ей попалъ въ плѣнъ, но ни обстоятельство побѣга, ни его подробностей никто не зналъ достоверно.

Дѣло объ этомъ побѣгѣ какъ-то замаялось, перейдя въ одну изъ легендъ, бродившихъ по фронту...

Постепенно эта Эльза сдѣлалась какимъ-то кошмаромъ нашего коменданта. Ея имя постоянно упоминалось въ доносеніяхъ его агентовъ, оно уже встрѣчалось въ приказахъ и требованіяхъ штаба, о немъ открыто и громко говорили въ мѣстечкѣ. Капитанъ даже сталъ грустить и задумываться, такъ что случалось, что иногда за рюмкой водки кто-нибудь изъ товарищей ему говорилъ:

— А ты опять, Африканъ Петровичъ, раскисъ. Все объ Эльзѣ своей думаешь. Брось, братъ, это дѣло нестоющее.

— Однако же, — отвѣчалъ капитанъ увѣренно, — однако ее должно поймать.

И подумавъ немного, дообвлялъ злымъ и раздѣльнымъ шепотомъ:

— И по-вѣ-силь!

Дни шли за днями. Одни событія смѣняли другія, приготовлялись плацдармы, шли наступленія и отступленія, кровь лилась по всему фронту, а у насъ въ мѣстечкѣ все было по старому. Если спросятъ, бывало, про новости, то попросту отвѣчаютъ:

— Да ничего, все то же: Африканъ Эльзу ловить.

И, наконецъ, таки онъ ее поймалъ. Я видѣлъ, какъ ее вели три конвойныхъ солдата. Она была въ бѣдномъ, очень поношенномъ ситцевомъ платьѣ, но необыкновенно красива. Въ чемъ была ея красота? Ея фигура казалась гибкой и стройной, но привлекали, главнымъ образомъ, глаза и волосы. Глаза свѣтло сѣрые и огромные, словно сіяющіе, какіе изрѣдка встрѣчаются въ Польшѣ и вообще въ западномъ краѣ. Свѣтлые, волнистые волосы казались красивой рамкой, намѣренно оттѣняющей это странное сіяніе глазъ. И эту красивую дѣвушку вели теперь три солдата съ ружьями, грузно стуча по мостовой тяжелыми сапогами; Африканъ Петровичъ былъ очень доволенъ. Его веснучатое лицо сіяло, губы расплывались въ улыбку, онъ потиралъ руки и шепталъ, захлебываясь:

— Попалась, попалась. Наконецъ-то, голубушка!

Онъ отдѣлывался, наконецъ, и отъ своего кошмара, отъ непріятностей и насмѣшекъ. вмѣсто неуловимой химеры была теперь передъ нимъ живая женщина-преступница, имъ пойманная, которую оставалось только отослать въ штабъ. Въ благодарности начальства и наградъ онъ не могъ сомнѣваться. Вотъ только поѣзда были такъ плохо расположены, что уходилъ только одинъ поѣздъ въ сутки, разъ утромъ. Этотъ поѣздъ уже ушелъ, и приходилось караулить Эльзу весь день и всю ночь до слѣдующаго утра. Но на этотъ-то разъ ужъ онъ ее не упуститъ. И для большей вѣрности Африканъ Петровичъ приказалъ помѣстить Эльзу въ своей квартирѣ. Дверь затворилась за шпионкой и комендантомъ и часовые стали у двери.

О чемъ говорилъ Африканъ Петровичъ съ Эльзой, говорилъ ли онъ съ ней и какъ вообще проводилъ онъ время со своей плѣнницей—осталось, разумѣется, никому неизвѣстнымъ. Передъ вечеромъ Африканъ Петровичъ выходилъ не долго изъ квартиры, гулялъ по мѣстечку, заходилъ въ кофейню, но былъ задумчивъ и грустенъ и на вопросъ знакомыхъ объ Эльзѣ заговорилъ неожиданно о жестокости и ненужности войны вообще. Такъ отъ него и не добились какихъ нибудь болѣе или менѣе интересныхъ подробностей объ его плѣнницѣ. Потомъ онъ купилъ бутылку коньяку, ветчины и яицъ для ужина и ушелъ къ себѣ. Дверь онъ заперъ на ключъ. Два часовыхъ неподвижно стояли около нея. Темная, беззвѣздная ночь спустилась надъ мѣстечкомъ, и долго, до самаго блѣднаго разсвѣта свѣтился огонь въ окнахъ Африкана Петровича.

— Онъ конечно безумно влюбился въ нее, замѣтила дама.

— Но позвольте, въ такой обстановкѣ! — сказалъ педагогъ. — Вы забываете, что черезъ день, самое большее, ее ждетъ смерть.

— Точно не могу вамъ сказать, — подумавъ отвѣчалъ офицеръ. — Странно вообще должно быть челоѣкъ созданъ. Вотъ вы сказали — любовь. Ну это слово особое и понятіе въ немъ такое огромное, какъ бы это сказать, — разнообразно индивидуальное что ли. А вотъ странно, что

жажда наслажденія пробуждается особенно во время массовой опасности смерти. Помните, что никогда не бываетъ такого безудержу въ этомъ отношеніи, какъ во время войны и революцій.

— Пиръ во время чумы — несомнѣнная истина, сказалъ педагогъ.

— Повторяю однако, — продолжалъ офицеръ, — повторяю, что относительно ихъ образа жизни вдвоемъ взаперти никому ничего не извѣстно, и самые любопытные люди въ мѣстечкѣ рѣшительно ничего не могли по этому поводу дознаться. Утромъ, ровно за полчаса до отхода поѣзда, пришелъ конвой съ офицеромъ и двери квартиры тотчасъ же отворились. Комендантъ вышелъ безъ шапки и вручилъ сопровождавшему офицеру пакетъ. Тотчасъ же за нимъ показалась и арестантка. Очевидцы утверждали, что она была страшно блѣдна, и отъ этого глаза ея казались еще лучистѣе и больше. Отъ бессонной ли ночи, или отъ ожиданія смерти такъ поблѣднѣла она, — кто теперь объ этомъ узнаетъ?.. Раздалась команда, солдаты взяли ружья вольно, офицеръ пошелъ впереди, а кругомъ Эльзы вновь грузно застучали по мостовой тяжелые солдатскіе сапоги.

Офицеръ сдѣлалъ паузу. Медленно, по глоткамъ выпивъ стаканъ вина, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ-то и начинается самое смѣшное въ этой исторіи. Черезъ пять минутъ подошли къ станціи. Эти русскія захолустныя станціи всѣмъ вамъ, конечно, знакомы. Неуклюжее, длинное, пустое зданіе, сътъ разбѣгающихся во всѣ стороны рельсъ, товарные вагоны на запасныхъ путяхъ, снующія подъ вагонами безпріютныя куры, — что можетъ быть скучнѣе и однообразнѣе такой картины! А тутъ еще сѣрое осеннее утро и эта мрачная группа конвойныхъ съ преступницей по серединѣ. Все создавало самое тягостное и безнадежное настроеніе, какъ вдругъ Эльза остановилась и попросилась въ уборную. Эта самая естественная необходимость вызвала почему-то улыбку на лицахъ солдатъ. Конвой остановился. Рядомъ со станціей была небольшая, наспѣхъ сколоченная изъ досокъ уборная. Офицеръ вдругъ вспомнилъ прежніе побѣги преступ-

ницы и принялъ всѣ мѣры. Одного солдата онъ поставилъ сзади уборной, два другихъ стали у дверей. Эльза вошла, и потянулись одна за другой неловкія, томительныя минуты ожиданія. И вдругъ съ страшнымъ громомъ, какъ это бываетъ въ пустыхъ деревянныхъ постройкахъ, раздался выстрѣлъ. Офицеръ опѣшилъ въ первую минуту и не успѣлъ броситься къ уборной, какъ дверь ея растворилась, къ его ногамъ упала Эльза и выбѣжала другой, окровавленный офицеръ.

— Стой, убійца! — закричалъ конвойный офицеръ, хватая посторонняго офицера за воротникъ.

— Это меня убили, меня убили! — растерянно кричалъ схваченный офицеръ.

Солдатскій конвой улыбался все веселѣе и веселѣе. Дѣйствительно, выскочившій офицеръ представлялъ потѣшное зрѣлище. Растерянный, со спущенными штанами, съ окровавленнымъ задомъ, онъ бормоталъ что-то безсвязное. Дѣло, разумѣется, разъяснилось. Эльза застрѣлилась. Пуля, направленная вбокъ, пронизала тонкую перегородку и ранила случайнаго посѣтителя. Вотъ и вся смѣшная исторія, вызвавшая веселье конвоя.

— Но гдѣ же она взяла револьверъ? — спросилъ педагогъ?

— Револьверъ оказался принадлежащимъ коменданту, — отвѣтилъ рассказчикъ.

— А, вотъ видите, — сказала дама, — это послѣдній трагическій подарокъ влюбленнаго человѣка. Иначе въ подобныхъ обстоятельствахъ и не могло быть.

— Ну, какъ вамъ сказать, — замѣтилъ рассказчикъ. — Развѣ нельзя попросту стащить револьверъ у человѣка, особенно, если онъ неостороженъ и съ выпивкой? Повторяю, что въ этой исторіи многое осталось совсѣмъ неизвѣстнымъ. Слѣдствіе установило только, что револьверъ принадлежалъ коменданту, и Африканъ Петровичъ сильно поплатился за это: его разжаловали въ солдаты.

На этомъ и кончилъ офицеръ рассказывать свою смѣшную исторію. Но изъ слушателей никто не смѣялся. Дама грустно поникла головой въ какомъ-то раздумьи,

педагогъ заговорилъ было о ничтожности жизни, о томъ, что она только сонъ, а смерть пробужденіе. Но и онъ скоро замолкъ на сократовской цитатѣ:

— Принесите Эскулапу въ жертву пѣтуха за мое выздоровленіе.

И было совершенно очевидно, что пѣтухъ не имѣетъ никакого отношенія къ рассказанной офицеромъ смѣшной исторіи. Смѣялись надъ этой исторіей только солдаты-конвойные, да тѣ пріятели, которымъ они долго рассказывали о ней со всевозможными варьяціями. Самъ же герой послѣдняго приключенія, раненный офицеръ, отнюдь не смѣялся. Напротивъ онъ былъ совершенно убѣжденъ, что во всемъ дѣйствовала дьявольская сила, и Эльзу расцѣпывалъ по меньшей мѣрѣ какъ вѣдьму.

— Подумайте, — говорилъ онъ уныло, — какая же это дѣвушка? Такая молоденькая, почти что дитя, а сѣтъ кругомъ зло, одно только зло. Страшно подумать, сколько жизней загубила она своимъ предательствомъ и шпіонствомъ. И Африканъ Петровичъ разжалованъ черезъ нее въ солдаты. Согласитесь, что она по крайней мѣрѣ вѣдьма и орудіе какой-то темной, нездѣшной силы. Да и застрѣлиться-то она порядочно по-человѣчески не съумѣла: надо же было въ непристойномъ учрежденіи случайно ранить ни въ чемъ неповиннаго человѣка...

СМЕРТЬ ОТЦА ГРИГОРІЯ.

Въ Барсуковской станицѣ, на Кубани, проживалъ священникъ отецъ Григорій Златорунскій. Жизнь священническая извѣстно какая: тихая и однообразная. Службы чередуются съ уроками въ школахъ да съ заботами по хозяйству. Такъ идетъ день за днемъ незамѣтно, и остается только удивляться тому, какъ скоро идетъ время. Давно ли, кажется, былъ молодъ, кончалъ тяжелую семинарскую науку, а теперь свои дѣти подростаютъ. Да вѣдь и время: сорокъ лѣтъ на плечахъ, больше половины жизни прожито. Впереди тихая старость, если дѣти выйдутъ удачными. Это заранѣе заботитъ отца Григорія, и часто по вечерамъ, за амоваромъ, онъ въ раздумьи говоритъ матушкѣ:

— Какъ ты думаешь Марья Петровна? Ну, Тонюшку отвеземъ въ епархіальное. А мальчиковъ помѣститъ въ гимназію, или пуститъ по духовной части? Ноньче многіе дѣлаютъ такъ, потому что изъ гимназіи дорога въ доктора и чиновники разные. А изъ семинаріи путь одинъ, — въ дьяконы иль въ попы. Тоже не всѣ къ этому склонны. Да и не всѣмъ какъ намъ съ тобой счастье, бываетъ такіе приходы попадаются — бѣдные, а хлопотливые да заботливые.

— Ужъ и не знаю, — отвѣчаетъ Марья Петровна, дую на блюдечко. — Ужъ и не знаю. Тебѣ это дѣло виднѣе. Разсуди ужъ какъ лучше, да въ Екатеринодарѣ съ отцомъ протопопомъ посоветуйся.

И долго еще, прихлебывая остывшій чай, думаетъ отецъ Григорій о будущемъ, пока, наконецъ, не прерываетъ самъ своихъ думъ замѣчаніемъ:

— Вотъ думается все и такъ и этакъ. И всѣ такъ-то. А никто своей судьбы доподлинно знать не можетъ. Будетъ, какъ Богу угодно.

Жиль отецъ Григорій зажиточно, по положенію своему даже богато. Завель онъ себѣ и садъ за станицей, и пасѣку и крѣпкаго бураго мерина. Старые казаки любили лошадыю, когда вечеромъ или раннимъ лѣтнимъ утромъ ѣхалъ онъ съ дѣтьми на тачанкѣ. Въ саду было хорошо, особенно весной, и отецъ Григорій любилъ проводить время на своей пасѣкѣ. Весело ходить по саду въ разстегнутомъ подрясникѣ и слушаетъ, какъ кругомъ въ цвѣтахъ гудятъ пчелы. Да и кругомъ куда ни глянь, вездѣ благодать Божія. Далеко протянулись поля съ зеленѣющей пшеницей, а ужъ такой пшеницы, какъ здѣсь на Кубани, хоть весь свѣтъ обойди, пожалуй не скоро отыщешь. И приходитъ иногда на умъ отцу Григорію сравненіе своей родной стороны съ землей обѣтованной, гдѣ когда-то молокомъ и медомъ пѣнились рѣки. Чего въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на Кубани? Сказочное плодородіе ея земли, прекрасныя пастбища, фрукты всякіе и обиліе рыбы. Да и нѣдра земныя полны для людей и углемъ и нефтью. И тянется она на огромное пространство вплоть до Чернаго моря, теряясь въ горахъ, гдѣ гнѣздятся аулы черкесовъ.

И живутъ казачьи хутора и станицы не бѣдно. И скота и хлѣба довольно, и не малы запасы станичныхъ земель. Живутъ люди конечно по-разному. Есть и богачи и средняки и бѣдные, какъ и вездѣ. Вѣдь и деревьевъ, говоритъ пословица, не уравниалъ Богъ въ лѣсу: всякіе есть, — и низкіе и высокіе. Кто хочетъ работать да трезво и порядочно жить, плохо ли тому на Кубанскомъ привольѣ? Да и не одно старожилое казачество кормитъ это приволье, а еще и множество пришлыхъ людей, которыхъ здѣсь, въ казакахъ зовутъ иногородними. Рабочіе, батраки, торговцы, люди разныхъ занятій по нуждѣ и своимъ надобностямъ годъ за годомъ идутъ сюда съ сѣвера, осѣдаютъ и остаются навсегда на Дону и на Кубани. Бываетъ и такъ, что въ иномъ хуторѣ или станицѣ иногороднихъ больше, чѣмъ коренныхъ казаковъ. Бѣдняки и люди дур-

ные изъ иногороднихъ смотрятъ на казаковъ съ завистью. Они де здѣсь хозяева, и земля ихняя, а мы что? Извѣстно, что чѣмъ хуже человекъ, тѣмъ онъ больше завидуетъ. И всетаки всѣмъ хватаетъ мѣста на кубанскомъ привольѣ, и кормить оно всѣхъ до сыта...

Тяжелыя и страшныя настали на землѣ времена. Почти всѣ европейскіе народы втянулись въ войну. Третій уже годъ билась Россія съ нѣмцами, а все войнѣ конца-краю не видно. Наборы шли за наборами. Мобилизовали и казаковъ и иногороднихъ и партіями, одна за другой, гнали ихъ на западъ, туда, гдѣ кипѣла война. И многимъ, очень многимъ, не суждено было вернуться. Много народу и своего и чужого полегло на польскихъ поляхъ и на высокихъ карпатскихъ горахъ. А дома съ каждымъ днемъ жизнь становилась все тяжелѣе и хуже. И работниковъ стало мало, и пошла страшная дороговизна, ни къ чему приступу нѣтъ. Кто могъ, бросился наживать на торговлѣ, набирать денегъ, а деньги все дешевѣли. И стало расти недовольство. А тутъ еще калѣки и раненые. Въ каждомъ городѣ больницы и лазареты, и все переполнено. Не было никого, кто бы не жаловался на войну.

— И зачѣмъ эти войны?—говорила Марья Петровна.— Сдѣлали бы люди такъ, чтобы ихъ совсѣмъ не было.

— Терпѣть надобно,—отвѣчалъ отецъ Григорій.— Терпѣть и до конца стоять за свой народъ, за свое государство. А чтобы люди воевать перестали, не думаю. Сказано, что до самаго конца міра будутъ войны. Такъ значитъ и будетъ. Божіе попущеніе.

— Вотъ ужъ я съ вами, можно сказать, батюшка, совсѣмъ не согласна, — сказала бывшая въ гостяхъ хорошенькая учительница Клавдія Ивановна. — Совсѣмъ не согласна, потому что войны выдумали люди богатые. И все дѣло здѣсь только въ бур-жу-азіи.

Послѣднее слово выговорила она на-распѣвъ, съ ненавистью, призрительно надувъ губки. Отецъ Григорій не хотѣлъ спорить и сказалъ скучнымъ, точно уставшимъ голосомъ:

— Ну что спорить объ этомъ, Клавдія Ивановна. Вы

ничего не докажете, и васъ убѣдить ни въ чемъ невозможно. Тутъ дѣло въ вѣрѣ, а вы въ свои книжки вѣрите, какъ въ Божье ученье.

Клавдія Ивановна слегка обидѣлась, потому что думала, что ни во что не должна вѣрить, отошла къ окну и, барабаня по стеклу пальцами, стала напѣвать въ полголоса пѣсенку, слышанную въ городской опереткѣ:

Красотки, красотки,
Красотки кабарэ!

А возвращаясь къ чайному столу, подумала про себя:

— Удивительно неисправимые всѣ эти священники. Точно каста какая-то. Всѣ теперь заняты социализмомъ, а они точно о немъ никогда не слыхали.

Въ станицахъ только и разговору было, что про войну. Прежде газетъ почти не читали, а теперь появилось ихъ множество. Тревогу и страхъ вносили солдатскія письма съ фронта. А больше всего мучили народъ дезертиры. Сначала ихъ было немного и они прятались, ссылались на болѣзни, поддѣлывали себѣ отпуски. А потомъ съ фронта посыпались они цѣлыми тысячами. Теперь дезертиры открыто ругали войну, говорили, что ее выдумали богачи, что генералы измѣнники. Они требовали мира сейчасъ же, говорили, что теперь война должна быть въ ничью, что имъ объяснили, что это значитъ безъ какихъ-то анексій и контрибуцій, которыхъ требуютъ себѣ богачи.

И что-то тяжелое и страшное, какъ клубокъ перепутавшихся несчастій и горя, катилось, все увеличиваясь по дорогѣ, на страну съ фронта. Такой же клубокъ катился и съ сѣвера, отъ столицы. Ходили темные и страшные слухи. Царицу обвиняли въ измѣнѣ. Ходили грязные рассказы про царскій домъ. И какъ туманъ съ болота, по всей странѣ поднималась ненависть. Иногородніе начинали грозить казакамъ, бѣдные говорили, что пора добратся до богатыхъ и отнять у нихъ все, чтобы всѣ были богаты. Учитель, Петръ Григорьевичъ Меркуловъ, жадно прислушивался къ этимъ толкамъ и радостно потиралъ руки. Теперь у него не было ни минуты свободного времени.

Онъ писалъ письма въ Петербургъ и въ Москву, получалъ оттуда какіе-то листки, разбрасывалъ ихъ по станицѣ и раздавалъ знакомымъ въ пристаничномъ селѣ Богословкѣ. Больше всего занятъ онъ былъ отдѣленіемъ Кубани отъ Россіи, ѣздилъ для совѣщанія по этому поводу въ Екатеринодаръ и убѣждалъ въ этомъ своихъ товарищей.

— Намъ, господа, никакой Россіи не надо,—говорилъ онъ въ учительской комнатѣ. — У насъ можетъ быть вполнѣ свое государство съ демократической радой. Что намъ жить по русской самодержавной указкѣ? И хлѣбъ, и уголь и нефть — у насъ все свое. Россія насъ только обираетъ.

— Ну, какъ вамъ сказать, замѣтилъ одинъ изъ учителей. — У насъ хлѣбъ, а тамъ фабрики, промышленность всякая. Мы мѣняемся продуктами. Да и центровъ науки и искусства на каждомъ шагу не надѣлаешь. И вотъ вы опять говорите: государство. Значитъ отдѣльное правительство, министры, парламентъ или тамъ рада, отдѣльное войско. Дороже, пожалуй, все это обойдется народу-то здѣшнему.

— А ну его къ черту, государство-то ваше! — оборвалъ Меркуловъ. — Совѣты по хуторамъ и станицамъ, и пусть самъ народъ управляется.

Клавдія Ивановна не совсѣмъ понимала, какъ это самъ собою будетъ управляться народъ, но ласково посмотрѣла на Меркулова и улыбнулась ему своей красивой улыбкой. Ей показалось хорошо, что не будетъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ и что будетъ свое государство.

А между тѣмъ клубокъ всякихъ несчастій, пропитанный ненавистью, уже нависъ надъ цѣлой страной. Дѣлалось душно, какъ это бываетъ передъ грозой. И въ этой духотѣ одни торопились нажить больше денегъ, другіе, особенно бѣжавшіе съ войны, грабили по дорогамъ, въ городахъ и селахъ кинулись на зрѣлища, переполнили театры и кинематографы, открыто развратничали съ женщинами и дѣвушками-подростками... И вдругъ, какъ это почему-то бываетъ совсѣмъ неожиданно, разразилась гроза. Изъ Петербурга пришло извѣстіе, что убитъ изувѣръ, про кото-

раго ходили грязные толки. Потомъ вскорѣ пошелъ слухъ что царя выгнали. Черезъ нѣсколько дней газеты принесли извѣстіе объ отреченіи государя.

Когда отецъ Григорій вошелъ въ учительскую комнату, тамъ было веселье. Радовались всѣ, всѣмъ было весело — и учителямъ и учащимся. Точно гора съ плечъ свалилась у всѣхъ и всѣ повторяли:

— Нѣтъ царя. Теперь не будетъ царя, да и не надо.

Отецъ Григорій положилъ шляпу, отдышался и опустился на стулъ. Нѣкоторое время онъ молча разглядывалъ веселыхъ учителей и учительницъ, точно хотѣлъ понять чему они радуются.

— Что жъ вы насупились и сидите словно на панихидѣ, — сказала одна изъ учительницъ. — Развѣ газетъ сегодняшнихъ не читали? Вѣдь царь отъ престола отрекся, теперь все пойдетъ по другому.

Отецъ Григорій все сидѣлъ молча и только ниже наклонилъ голову. Тогда и въ учительской стало вдругъ тихо. Всѣ смотрѣли на него и ждали. Отецъ Григорій медленно всталъ, подошелъ къ столу и сталъ говорить:

— Чему же вы радуетесь? Да, государь отъ престола отрекся, и вы ждете свободы и заранѣе радуетесь. Но нечего теперь ждать хорошаго. Власти не будетъ, и права не будетъ. Вмѣсто свободы будетъ по всей землѣ литься кровь, составятся шайки, пойдетъ сплошной грабежъ.

Среди всеобщаго напряженнаго молчанія отецъ Григорій отошелъ отъ стола и сѣлъ.

— Что же это такое? — робко проговорилъ, наконецъ, чей-то голосъ. — У насъ теперь великая революція, а вы такъ-то...

— Товарищи! Товарищи! — закричалъ, сорвавшись съ мѣста Меркуловъ, — мы не можемъ и не должны допускать такую контръ-революцію въ нашей средѣ... Теперь совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ... временное правительство. Товарищи! Это измѣна. Я предлагаю сейчасъ же его арестовать и отправить въ Армавиръ для суда и пресѣченія контръ-революціи.

И такъ какъ никто на отвѣтилъ, то Меркуловъ прибавилъ вызывающимъ тономъ:

— Ну что же, товарищи, арестовать что-ли?

— Но позвольте,—замѣтила одна изъ учительницъ,—какая же это свобода?

— Конечно — свобода? кричалъ Меркуловъ. — Товарищи, свобода въ томъ, чтобы уничтожить контръ-революцію и всякихъ буржуевъ...

Отецъ Григорій всталъ, взялъ шляпу и, перебивая разгоравшійся споръ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Ну, я домой пойду. Если надо меня арестовать и въ Армавиръ посылать, такъ успѣете. Я никуда не убѣгу.

Революціонныя событія въ станицѣ, какъ и вездѣ шли съ удивительной быстротой. Появились изъ Сибири освобожденные преступники и держали себя гордо, какъ побѣдители. Осужденный за грабежъ, называлъ себя комиссаромъ и гдѣ-то на ближнемъ хуторѣ собиралъ бѣдноту и звалъ ее трибуналомъ. Какъ-то незамѣтно исчезло временное правительство и слышно было, что послѣ боя новая власть крѣпко засѣла въ Москвѣ. Отецъ Григорій затихъ, рѣдко просматривалъ газеты и совсѣмъ не показывался на сходкахъ и митингахъ, собиравшихся по всѣмъ угламъ станицы. Съ осени, въ погожіе дни, онъ еще ѣздилъ на пасѣку. И странной казалась ему эта тишина и эта вѣчная красота природы среди расходившейся кругомъ человѣческой ненависти. Потомъ, когда пасѣку неизвѣстно кто разгромилъ, поломалъ деревья и заборы, а улья увезъ,— онъ почти не выходилъ изъ дому никуда кромѣ церкви и школы. Въ школѣ учителя на него косились и мало съ нимъ разговаривали. Теперь всѣ и вездѣ раздѣлились и ненавидѣли другъ друга. Меньшая часть казаковъ и большинство иногороднихъ стояли за новую власть, отъ которой ждали хорошаго, другіе были противъ нихъ. Отецъ Григорій не принималъ участія въ этой борьбѣ и даже хотѣлъ бы не слышать о ней. Но это было невозможно. Слухи, одинъ страшнѣе другого, наполняли станицу. Въ домѣ священника ихъ съ раннего утра возвѣщала Арина. Сиротой взятая въ домъ отца Григорія, бойкая и любо-

пытная, семнадцатилѣтняя Ариша успѣвала все дѣлать. Она и на базарь бѣгала, и по хозяйству Марьѣ Петровнѣ помогала, и безъ умолку рассказывала про все, что знала. А знала она рѣшительно все. Знала и про борьбу донскихъ казаковъ, и про смерть атамана Каледина, про ледяной походъ Корнилова, и шагъ за шагомъ передавала перепетіи этой страшной борьбы. И смерть Корнилова, и избіеніе раненыхъ въ Елизаветинской,—все ей было извѣстно.

— Послѣднія времена настали, говорила она шопотомъ Марьѣ Петровнѣ. — Какъ есть послѣднія времена. Въ храмахъ кощунствуютъ. Церкви святыя разграбили. Въ Ново-Кавказскомъ, слыхатъ, плащаницу на лошадь нацѣпили. А въ Лабинской, говорятъ, отца Михаила водили по станицѣ съ петлей на шеѣ. Водятъ, а сами нагайками бьютъ. До того били, что онъ все на колѣни падалъ и смерти молилъ. Такъ и убили, разбойники.

— Хорошая, страдальческая смерть, — сказалъ прислушавшись отецъ Григорій.

— А вѣдь отецъ Кандауровъ, говорятъ, прислалъ сюда учителямъ письмо. Просится, батюшка, на ваше мѣсто, а васъ чтобы прогнали отсюда.

— Глупости говоришь ты, Ариша, — сказалъ отецъ Григорій. — Священниковъ смѣщать можетъ только архіерей.

Въ школахъ занятія шли теперь кое-какъ, прекращаясь иногда на нѣсколько дней. Не до ученія было въ такую страшную пору. Законъ Божій все еще преподавался, хотя Меркуловъ громко читалъ какую-то резолюцію учительскаго съѣзда, въ которой говорилось, что Законъ Божій не допустимъ въ школѣ, достойной великаго революціоннаго народа, передъ которымъ стоятъ огромныя задачи. Никто не понималъ, про какія задачи здѣсь говорится, а резолюціей большинство казаковъ возмущалось. Грабежи и насилія съ каждымъ днемъ разростались. Иногородніе поговаривали о дѣлежѣ казачьихъ земель. Жизнь станицы сдѣлалась тяжелой до невыносимости. Многіе казаки по веснѣ осѣдлали коней и собрались въ походъ на помощь Деникину.

— Все равно,— говорили они. — Какой ни на есть порядокъ надо добыть, а то отъ однихъ грабежей разоришься.

Передъ походомъ остановились они у церкви и послали за отцомъ Григоріемъ отслужить имъ молебенъ. Но отца Григорія дома не было, и такъ и уѣхали казаки безъ молебна, рѣшивъ отслужить его въ ближайшей станицѣ.

А весна, красивая и теплая, плыла надъ Кубанью и убирала цвѣтами ея сады и степи, словно ей и дѣла не было до того, что на смерть бились кругомъ родные братья, а разоренные хутора и станицы дымились пожарами и переходили изъ рукъ въ руки отъ красныхъ къ бѣлымъ и отъ бѣлыхъ къ краснымъ...

Въ жаркій іюньскій день Ариша прибѣжала съ базара испуганная и, задыхаясь, проговорила:

— Батюшки, нашихъ разбили! Красные, слыхатъ, подступаютъ къ станицѣ.

Къ вечеру, на закатѣ солнца, слышна была уже ружейная перестрѣлка и гдѣ-то вдали тяжело ухала пушка. Ночью станицу заняли красные.

Черезъ два дня пришли арестовать отца Григорія. Говорили, что иногородніе, особенно изъ Богословки, ходили на него съ жалобой къ самому комиссару. Пришелъ за нимъ какой-то черномазый господинъ, увелъ отца Григорія въ Богословку и заперъ въ подвалѣ пустого дома.

И Марья Петровна и Ариша долго плакали, а потомъ цѣлый день отыскивали начальство и умоляли разрѣшить имъ свиданіе съ заключеннымъ. Марья Петровна разрѣшили, а Аришѣ отказали и пригрозили отпоротъ шомполами, если еще будетъ беспокоить начальство.

Въ подвалѣ, куда втолкнулъ красноармеецъ Марью Петровну, было темно. Свѣтъ проходилъ только въ щель заложенаго кирпичемъ окошка. Отецъ Григорій сидѣлъ въ углу на какомъ-то обрубкѣ, и рассмотреть его можно было только приглядѣвшись въ темнотѣ. Марья Петровна опустилась съ нимъ рядомъ, погладила его по рукѣ и тихо заплакала.

— Ну полно, полно, — сказалъ отецъ Григорій. — Прожили мы съ тобой жизнь дружно и хорошо, и слава

Богу. Умирать надо, а ты не печалься. Моя смерть очень хорошая, я погибаю невинно и лучшей смерти мнѣ не надо. Не плачь же за этимъ. Вотъ еще что, Маша. Вѣдь они убитыхъ хоронить не даютъ. Можетъ быть, и меня убьютъ гдѣ нибудь за станицей и хоронить не дадутъ. И за этимъ не плачь. Такъ видно Богу угодно.

Но Марья Петровна не могла удержать слезъ. Неудержимо лились онѣ и тогда, когда, наконецъ, красноармеецъ выводилъ ее за руку изъ подвала.

Утромъ, въ жаркій юньскій день собрался военно-революціонный трибуналъ въ станичномъ правленіи. Предсѣдательствовалъ черномазый господинъ, арестовавшій отца Григорія, а теперь оказавшійся начальникомъ Чрезвычайки. Половина членовъ трибунала была изъ мѣстныхъ, преимущественно иногороднихъ, а остальные — матросы и красноармейцы. Дѣлъ было много. Надо было судить кого за богатство, кого за помощь бѣжавшему атаману, кого за помощь Деникину. Да вотъ еще отца Григорія.

За нимъ послали конныхъ казаковъ съ приказомъ доставить его къ трибуналу.

Но еще задолго, съ раннего утра, собралась передъ подваломъ толпа богословскихъ бабъ и все увеличивалась. Конные оттѣсняли толпу отъ подвала, а въ ней слышались визги и выкрики.

— Давайте его сюда, деникинца окаяннаго! Мы сами его разсудимъ! Чортъ волохатый! Будешь казакамъ молебны служить!

Отца Григорія вывели и онъ пошелъ, опустивъ голову, между двумя рядами всадниковъ. А бабы не унимались. Визгъ и стонъ отъ ругательствъ стоялъ на всю улицу. Одна баба, пробравшись межъ конныхъ, дергала узника за волосы, другая плевалась. Третья, забѣжавъ впередъ, кричала пахабщину и высоко задирала подоль юбки.

— Тьфу, стерва! — сказалъ одинъ изъ конвойныхъ. — Нѣтъ хуже на свѣтѣ бабы, если она разъярится! И онъ началъ направо и налево работать нагайкой.

Толпа проводила отца Григорія до самаго трибунала. Въ числѣ судей сидѣлъ и Меркуловъ.

Вы обвиняетесь въ томъ, — сказалъ отцу Григорію предсѣдатель, посмотрѣвъ на него поверхъ очковъ, — что служили молебень и давали деньги деникинскимъ казакамъ.

— Ну ужъ это напрасно, — сказалъ одинъ изъ мѣстныхъ судей. — Самъ видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ въ этотъ день куда-то съ утра на тачанкѣ. Его и дома-то не было.

— Такимъ образомъ обвиненіе ану-ли-руется, — произнесъ предсѣдатель.

— Но позвольте, я представлю нѣкоторыя доказательства... черезъ нѣсколько минутъ. Займитесь пока другими дѣлами, — сказалъ Меркуловъ и быстро написалъ нѣсколько словъ на запискѣ.

Трибуналъ принялся судить казаковъ, а красноармеецъ побѣждалъ съ запиской Меркулова. Успѣли только приговорить стараго казака къ смерти за то, что сынъ его ушелъ къ Деникину, какъ пришелъ одинъ изъ учителей, за которымъ посылалъ Меркуловъ. Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ. Видно было, что итти ему не хотѣлось, а не притти онъ боялся.

— Я прошу васъ подтвердить то, что говорилъ гражданинъ Златорунскій при отреченіи царя.

Запинаясь и краснѣя учитель рассказалъ, какъ было дѣло.

— И еще я писалъ вамъ, чтобы вы захватили письмо товарища Кондаурова. Потрудитесь прочесть.

Учитель прочиталъ:

„Господа, вашъ священникъ контръ-революціонеръ. Вы не должны терпѣть у себя такихъ особъ въ станицѣ, такъ какъ онъ пойдетъ противъ совѣтской власти. Вы думаете, его некому будетъ замѣстить. О, я съ радостью пойду въ родное гнѣздо, гдѣ я выросъ. Я буду вамъ хорошимъ пастыремъ и не буду брать денегъ за требы“.

— Какъ же, товарищи, ясное дѣло, или нѣтъ? — спросилъ предсѣдатель.

Поднялись споры и шумъ. Кто кричалъ — виновать, кто кричалъ — нѣтъ. Спорили долго и, наконецъ, начали считать голоса. Считали три раза, потому что все въ шумѣ сбивались. Наконецъ — сосчитали. Однимъ лишнимъ голосомъ отецъ Григорій приговоренъ былъ къ смерти. Го-

лось этотъ былъ молоденькаго матроса, который все время повторялъ только одно:

— Ну чего тамъ? Въ расходъ!

На казнь повели отца Григорія за станицу вмѣстѣ съ приговоренными пятью казаками. Народъ отгоняли, но многіе шли сзади, чтобы издали посмотрѣть на казнь, а нѣкоторые забѣжали впередъ. Долго пришлось ждать любопытнымъ и большинство разошлось, потому что красноармейцы, уходя на обѣдъ, заперли осужденныхъ въ пустую избу.

Только къ вечеру, когда солнце было въ полдерева, прибѣжала Ариша домой, повалилась на лавку и заговорила, прерывая рыданьями рѣчь:

— Убили... Сама видѣла, своими глазами... Сначала рубили стараго казака, а онъ все головой моталъ, точно кланялся. Потомъ матросъ бросился съ шашкой на отца Григорія и вдругъ закричалъ: не могу я его рубить, не могу... Смотрите!.. А чего глядѣть не сказалъ и повалился на землю. И руки и ноги у него отнялись, мычитъ только... Сама видѣла... Положили его на тачанку и повезли въ Бекетовскую. А отца Григорія и шашками кололи и штыками.

На другой день, наплакавшись, Марья Петровна собрала дѣтей и пошла съ ними вмѣстѣ искать самаго главнаго комиссара. Онъ принялъ ее любезно, хмурился на дѣтскій плачь, но въ просьбѣ похоронить казненнаго отказалъ.

— У насъ ужъ правило такое, — сказалъ онъ. — Казненныхъ контръ-революціонеровъ надо зарывать безъ всякихъ почестей на мѣстѣ казни. А религіи ваши всякія — вздоръ.

Силы оставили Марью Петровну. На похороны она итти не могла и только просила Аришу отнести туда простыни да большой персидскій коверъ, ея приданное, который любилъ покойный отецъ Григорій.

Вырыли неглубокую яму, разостлали коверъ, покрыли его простынями, положили рядомъ шесть труповъ казненныхъ, засыпали навозомъ, а сверху прикрыли землей.

Такъ кончилась, словно оборвалась, жизнь отца Григорія Златорунскаго.

МЕЧЪ МАГОМЕТА.

I.

Я любилъ коротать свободное время въ Эюбъ-Паша. Это — маленькій поселокъ въ самомъ концѣ Золотого Рога, послѣдній отростокъ Константинополя. Двѣ-три крошечныя улицы, какъ бесѣдки перевитыя виноградомъ и глициніей, двѣ-три кофейни, гдѣ по цѣлымъ днямъ сидятъ за чашками кофе задумчивые турки, да суетливые греки играютъ въ неизбежное домино. Грековъ впрочемъ здѣсь мало. Это настоящее турецкое гнѣздо, точно случаемъ уцѣлевшее отъ побѣдоносной европеизаціи. Надолго ли? Но одинъ Аллахъ знаетъ все. А покуда, — здѣсь своеобразная, тихая и мирная, неторопливая жизнь. Маленькіе домики съ частыми деревянными рѣшетками на окнахъ, сквозь которыя не увидитъ женщинъ похотливый глазъ мужчины, живутъ своей, въ глубинѣ вѣковъ построенной жизнью.

И все, — и эти домики, и кофейни, и миниатюрный базаръ, — все тѣснится около мечети. Огромная мечеть Эюба — красота и гордость не только державнаго Константинополя, но и всего мусульманскаго міра. Здѣсь спитъ вѣчнымъ сномъ Эюбъ, вѣрный оруженосецъ пророка. Правовѣрные сквозь маленькое стеклышко въ стѣнѣ стараются разглядѣть мечъ Магомета на его гробницѣ. Все кругомъ заперто въ стѣнахъ, покрытыхъ драгоценными изразцами, и крѣпко сторожитъ мертвый оруженосецъ мечъ повелителя. Рѣдко-рѣдко отворяются двери передъ гробницей. Это тогда, когда вступая на престолъ, новый султанъ въ

торжественной процессіи посѣщаетъ мечеть, чтобы опоясать себя мечемъ Магомета и въ свою очередь сдѣлаться повелителемъ правовѣрныхъ. А затѣмъ все опять погружается въ дрему. Дремлютъ ручные аисты въ великолѣпномъ дворѣ мечети, дремлютъ огромные платаны, дремлетъ продавецъ четокъ. И словно въ дремѣ въ положенные часы мулла произноситъ молитвы въ мечети, и точно въ полубреду слышатся тихіе вздохи молящихся. И сейчасъ же за мечетью, уходя въ гору, тянется кладбище. Огромное, древнее кладбище, съ безчисленными могильными камнями, разсѣянными въ кипарисахъ. Сколько ихъ? Какое множество правовѣрныхъ собралось и все еще собирается около мечети? Недоступенъ этотъ счетъ человѣку, и одиень Аллахъ знаетъ все.

Но какъ тихо на этомъ кладбищѣ. Какъ хорошо сидѣть на могильномъ камнѣ, глядя на золотистыя волны залива и думать о прошломъ, или ни о чемъ не думать. Уставшему сердцу кажется тогда, что оно близко къ забвенію. Если бы можно было забыть. Забыть выстраданное и пережитое... И здѣсь, гдѣ все окутано дремой, гдѣ даже коршуны, налетавшій надъ Золотымъ Рогомъ, дремлютъ на кипарисахъ, кажется, что забвеніе близко. И я любилъ коротать здѣсь рѣдкіе досуги изгнанника. Обычно здѣсь нѣтъ никого, и кладбище совершенно пустынно. Но однажды, на отдаленномъ могильномъ камнѣ я замѣтилъ женщину. Вся въ черномъ, она сидѣла въ неподвижной и грустной позѣ, какъ настоящее олицетвореніе скорби. Можетъ быть, она также пришла сюда за забвеніемъ. Въ то время, когда потоками льется кровь, когда торжествуетъ звѣриная жестокость и попрана человѣчность, — это вѣдь такъ естественно. А можетъ быть, она просто пришла погоревать надъ прахомъ мужа или ребенка. И безъ переживаемыхъ нами ужасовъ на свѣтѣ довольно поводовъ для человѣческаго горя. Но проходя мимо меня на грязный и переполненный пароходикъ, отходившій въ городъ, женщина мнѣ поклонилась. И лицо и фигура ея мнѣ показались знакомы. Но гдѣ и когда я ее видѣлъ? Я не могъ этого припомнить и сталъ думать, что ея поклонъ могъ

быть простымъ знакомъ вѣжливости передъ иностранцемъ посѣтившемъ кладбище.

II.

Нѣсколько дней спустя я шелъ по Галатѣ. Попробуйте-ка въ этихъ кривыхъ закоулкахъ и тупикахъ отыскать занесеннаго судьбой бѣженца. Стоялъ жаркій день, и потъ лилъ съ меня градомъ. А я все бродилъ по Галатѣ, нѣсколько разъ выходилъ на набережную и терялся опять въ переулкахъ. И всякій разъ, когда я выходилъ къ морю, я поражался блескомъ и красотой. Въ самомъ дѣлѣ этотъ голубой Босфоръ, переполненный судами всего міра и залитый солнцемъ, его причудливые берега съ бѣлѣющими вдали мраморными кружевами дворца Долма-Бахче, съ безчисленными лодками, съ его береговой и водяной суетой, — какое это изумительное зрѣлище. И какая всякій разъ мѣняющаяся, новая и неожиданная красота! И тутъ же рядомъ, точно нарочно, замѣчательное однообразіе придуманное человѣкомъ. Всѣ до одного переулка похожи одинъ на другой. Вездѣ такая же грязь и объѣдки пищи на мостовой, одинаковые кабаки и кафе, трескучіе звуки шарманки, одинаковые притоны и полуголыя женщины. Женщины съ преобладающимъ восточнымъ типомъ всетаки хоть нѣсколько разнообразны. Кажется, что весь міръ принесъ сюда свою дань. Только турчанокъ здѣсь нѣтъ, и передаютъ удивленнымъ шепотомъ, что онѣ попадаютъ здѣсь какъ случайная рѣдкость. Публичный домъ для моряковъ всего міра обходится какъ-то безъ нихъ. Аллахъ еще хранитъ чистоту своихъ дочерей, и вотъ, можетъ быть, почему жизнь Стамбула на противоположномъ берегу такъ не похожа на шумную жизнь развращеннаго порта... Въ концѣ концовъ нѣтъ ничего утомительнѣе однообразія такихъ переулковъ. Я все бродилъ и искалъ и, наконецъ, въ сотый разъ повернулъ къ морю, рѣшивъ до завтра отложить поиски. Въ одномъ изъ переулковъ у самого моря я столкнулся съ ней, съ этой женщиной съ кладбища. На этотъ разъ я ее узналъ, да и она сама подошла ко мнѣ и проговорила:

— Развѣ не узнаете? Вѣдь мы съ вами вмѣстѣ бѣжали изъ Новороссійска.

— Ну конечно, конечно. Я брожу здѣсь по переулкамъ и все не могу найти адресъ знакомаго.

— А я здѣсь живу. Знаете, что я дѣлаю? Служу въ „Кафе Марны“. Это совсѣмъ недалеко отъ порта. Заходите какъ нибудь выпить пива и потолкуемъ. Я помогу вамъ найти знакомаго. Скверно, знаете, здѣсь. Тоскливо очень. Ну заходите же.

Я обѣщаль. И подымаясь въ гору среди согнутыхъ и обливающихся потомъ гамаловъ — носильщиковъ, среди залитыхъ солнцемъ улицъ, я вдругъ вспомнилъ холодную, темную ночь.

III.

Въ холодномъ мракѣ декабрьскихъ дней, въ безпросвѣтной тѣмѣ долгихъ зимнихъ ночей, вторую недѣлю катились наши вагоны въ Новороссійскъ. Прижатые другъ къ другу въ товарныхъ вагонахъ, полубольные и полуголодные, мы ждали только одного, — моря и избавленія. А поѣздъ часами стоялъ въ снѣжной степи, уходилъ на станціяхъ на запасные пути, чтобы пропустить другіе, переполненные иностранцами или вооруженіемъ, теперь уже, можетъ быть, бесполезнымъ. На буферахъ и платформахъ — всюду висѣли люди, похожіе на испуганныя, отчаянныя тѣни, и странно было видѣть подъ пушкой прикурнувшего мирно ребенка. Мы рѣдко говорили другъ съ другомъ, да и говорить было не о чемъ. Какъ животныя, загнанныя въ тѣсныя и холодныя клѣтки, мужчины и женщины жевали корки хлѣба или спали, прижавшись другъ къ другу и выскакивали изъ клѣтокъ на остановкахъ, не стѣсняясь другъ друга ни въ чемъ. Изрѣдка произносилъ кто нибудь съ невыразимой тоской:

— Господи, хоть бы доѣхать.

И опять наступало молчаніе. Жуткое молчаніе, во время котораго животный страхъ смерти сверлилъ мозги.

Черезъ нѣсколько минутъ чей-то глухой голосъ звучалъ изъ угла:

— Нѣтъ, не доѣдемъ. Подъ Новороссійскомъ, говорили, вся линія оцѣплена зелеными. Грабятъ и убиваютъ. Убиваютъ и грабятъ.

Чей-то вздохъ, чей-то молитвенный шопоть и вой вѣтра, холоднаго и надоѣдливаго, пронизывающаго всѣ щели вагона.

Итакъ цѣлые дни. Дни и ночи голода, холода и животнаго страха. Они такъ похожи другъ на друга, что мы перестали ихъ замѣчать. Унылый разсвѣтъ темнаго дня точно сливался съ закатомъ унылаго вечера, дни перепутались, и ихъ перестали считать. Казалось, что прекращается самое время, обращаясь въ вѣчность, свою настоящую сущность... Подъ Новороссійскомъ стало тепло, крупный дождь хлесталъ по вагонамъ и чей-то веселый голосъ вдругъ произнесъ:

— Былъ я на станціи. Зеленыхъ никакихъ нѣтъ. Слава Богу, доѣдемъ.

И въ вагонахъ стало вдругъ весело. Близость города и увѣренность въ безопасности оживили людей, ѣхавшихъ на другія страданія. Даже шутка, давно позабытая шутка, звучала иногда въ нашей клѣткѣ, а разговоры тянулись до ночи. И вдругъ, въ самую полночь, разразилась гроза. Удары грома отдавались эхомъ въ ближайшихъ горахъ и яркія молніи освѣщали безобразный поѣздъ, медленно подвигавшійся къ городу.

— Что значитъ эта гроза въ серединѣ зимы? Вѣдь завтра Новый Годъ. Гроза подъ самый Новый Годъ. — Что это значитъ? — спрашивалъ кто-то встревоженнымъ голосомъ.

— Это къ счастью, навѣрное къ счастью! — отвѣтили другіе.

IV.

Слово было произнесено хорошее, давно было позабытое нами слово, которымъ однако живетъ человѣчество.

И если бы когда-нибудь вдруг и навсегда угасла надежда, жить невозможно было-бы ни при какихъ обстоятельствахъ... И особенно въ этомъ городѣ, гдѣ спать приходилось вповалку съ тифозными и тратить все время на хлопоты о посадкѣ на чужой пароходъ. И вотъ, наконецъ, глубокіе трюмы до краевъ наполнены людьми и ихъ скарбомъ. Огромный „Ганноверъ“, недавно еще военное госпитальное судно у нѣмцевъ, а теперь добыча побѣдителей — англичанъ, раскачиваясь подъ нордъ-вестомъ, медленно пошелъ въ море. Провожатыхъ не было, потому что некому было провожать, но всѣ грустно толпились на палубѣ со взорами, обращенными къ берегу. Прощались. Многие, разумѣется, навсегда, а остальные — надолго-ли? И казалось, что это очень хорошо, что человѣкъ не знаетъ будущаго, даже ближайшаго. По крайней мѣрѣ можно было унести въ глубокіе трюмы теплый огонекъ неистребимой надежды.

Отъ духоты и безсонницы ночью я вышелъ на палубу. Надо мной раскачивались мачты съ сигнальными огнями, неподвижнымъ силуэтомъ казался на мостикѣ офицеръ, а за кормой, гдѣ бѣлой пѣной сверлилъ винтъ черную воду, оставалась она, вѣчно любимая, изгнавшая меня, страна... На палубѣ никого не было въ этотъ часъ, и было пріятно бродить одному съ черными думами, похожими на эту темную, беззвѣздную ночь въ глухомъ морѣ. И вотъ здѣсь-то неожиданно я натолкнулся на ту женщину, которую только что встрѣтилъ въ Галатѣ. Она сидѣла на свернутомъ якорномъ канатѣ и когда я подошелъ, заговорила первая.

— Вотъ ѣдемъ. Зачѣмъ? Если бы можно было уйти отъ насилія.

— Будемъ надѣяться. Вѣдь это величайшее насиліе, которое насъ изгоняетъ.

— О, когда убиваютъ родныхъ на вашихъ глазахъ, тогда понимаешь, какъ надо его ненавидѣть. Начинаешь думать, что надо убить насиліе во всѣхъ, даже самыхъ его незначительныхъ формахъ.

Только этими словами мы и успѣли съ ней обмѣняться тогда. Разговору помѣшала какая-то старушка, вне-

запно, какъ тѣнь, вынырнувшая изъ трюма на палубу. Тѣнь нѣкоторое время качалась рядомъ съ нами, ища равновѣсія, и, наконецъ, заговорила быстро и безтолково:

— Везуть. На Принцевы острова. Тамъ, говорятъ, жарко и растутъ пальмы. Ну хорошо. Привезуть. Что-же меня всю жизнь на этомъ островѣ кормить будутъ? А прежній пароходъ увезъ мою дочь. Увезъ и увезъ, а куда — неизвѣстно. У капитана стала спрашивать, а онъ только головой мотаетъ. Завезли и завезли. Такъ-то вотъ. О, Господи — Батюшка... Что съ нами, грѣшными, будетъ?

V.

Многочисленные кабачки и кофейни Галаты назойливо и нѣсколько нагло твердятъ о побѣдѣ въ побѣжденномъ центрѣ Ислама. „Кафе Антанты“, „Верденъ“, „Свиданіе Союзниковъ“, „Кафе Марны“, — вотъ названія, полныя крови и славы для однихъ, а для другихъ — крови и униженія. И всѣ эти кабачки, грязные и похожіе другъ на друга, украшены внутри по стѣнамъ союзными флагами. Только одного флага нѣтъ среди нихъ. Нѣтъ флага страны, потерявшей больше другихъ во всеобщемъ пожарѣ. И почему-то кажется, что именно здѣсь онъ не былъ бы на своемъ мѣстѣ...

Я долго бродилъ разыскивая „Кафе Марны“. Два раза я выходилъ къ морю и возвращался назадъ. И въ третій разъ я чуть было не проглядѣлъ его, — до того онъ былъ незамѣтенъ, прижавшись къ сапожной лавочкѣ съ своими тусклыми стеклами и темной, словно захватанной вывѣской. Я пріоткрылъ дверь и не сразу замѣтилъ своей знакомой. Нѣсколько грязныхъ столовъ тянулось вдоль стѣны. На прилавкѣ стоялъ боченокъ пива съ строемъ разноцвѣтныхъ бутылокъ надъ нимъ, рядомъ какая-то мелкая рыбешка жарилась на угольяхъ, наполняя комнату чадомъ. И въ этомъ чаду за столами я разобралъ нѣсколькихъ матросовъ. Пили пиво и дузико, — мѣстную водку. Черноволосая, смуглая женщина сидѣла съ ними. Она широко улыбалась, оживленно жестикулируя. Это все, что я успѣлъ

замѣтитъ, остановясь въ чаду посреди комнаты. Со столика въ самомъ концѣ комнаты поднялась моя знакомая и быстро подошла ко мнѣ.

— Ну вотъ вы. Я рада, очень рада. Садитесь вотъ тамъ, въ углу. Я подамъ вамъ пива и приду къ вамъ. Это недолго. Теперь я занимаю солдата.

У меня было достаточно времени оглядѣться. Я разглядѣлъ и матросовъ, большая часть которыхъ была итальянцы, и солдата моей знакомой. Солдатъ былъ совсѣмъ молодой и тщедушный парень, французъ, неожиданно попавшій въ восточныя страны.

— Видите ли, — заговорила, наконецъ, усѣвшись рядомъ со мной моя знакомая, — видите ли, мы вѣдь совсѣмъ въ сущности съ вами и не знакомы. Видѣлись всего одинъ разъ мелькомъ въ глухую полночь на палубѣ среди моря. Но скитальчество сближаетъ людей, особенно на чужбинѣ. Ну такъ вотъ, зовутъ меня Маша, и біографіи у меня нѣтъ, потому что она такая же приблизительно, какъ и у большинства. Да и могутъ ли помочь узнать душу свѣдѣнія о томъ, что я училась въ симбирской гимназіи, что я люблю рисовать, что живопись — моя мечта и что моего отца, пѣхотнаго капитана, разстрѣляли на моихъ глазахъ за то, что онъ офицеръ и что въ Берлинѣ убили Розу Люксембургъ, о которой онъ никогда и не слышалъ. Отъ этого я, какъ и другія, только сильнѣе чувствую гнусность насилія, которое, хоть и не въ такихъ безумныхъ формахъ, но вездѣ просачивается въ жизнь. Есть оно и въ нашемъ кабачкѣ, гдѣ насъ заставляютъ нравиться мужчинамъ, чтобы ихъ привлечь. Не такъ, какъ въ сосѣднихъ, гдѣ женщины должны отдаваться, а все таки мы должны нравиться, а не то прогонить хозяйка. А жить между тѣмъ надо, вѣсть каждый день хочется. Какъ все это просто.

— Но вѣдь, можетъ быть...

— Знаю, знаю. Конечно, вы скажете, что слѣдовало бы поискать другого занятія. Я и ищу. Но вѣдь это рѣдкость — найти разумную и подходящую работу въ чужой странѣ. Немногимъ выпадаетъ такое счастье, а жить все-

таки надо. О, какія неожиданныя и тяжелыя приключенія будутъ вспоминать бѣженцы, если только имъ удастся вернуться на родину.

VI.

Тщедушный французскій солдатикъ неожиданно взбунтовался, соскучившись своимъ одиночествомъ, и Маша ушла его занимать. Я медленно пилъ холодное пиво, разглядывая другую женщину въ компаніи итальянскихъ матросовъ. Здѣсь шло веселье. Женщина была изъ мѣстныхъ, вѣроятно гречанка, свободно на разныхъ языкахъ объяснявшаяся съ гостями. Она была на-веселѣ и ея черные глаза вспыхивали полупьяною страстью. Матросы пили звѣрски, какъ только могутъ пить моряки торговыхъ судовъ, добравшіеся, наконецъ, до берега. Они пили и беспорядочно говорили обо всемъ, даже о политикѣ. Кто-то восхвалялъ коммунизмъ, грозя его невидимому врагу кулаками, другой просто ругался, а третій, обнимая женщину, говорилъ ласковыя слова, такъ нѣжно звучащія на его южномъ неаполитанскомъ нарѣчій.

Глядя на эту сцену, мнѣ жаль было Маши, которая очевидно должна была бы внести сюда и русскій надрывъ и нашу тоску безысходную. Она подошла ко мнѣ не скоро. Подошла тогда, когда французъ, довольный и улыбающійся, собрался уходить.

— Ну вотъ видите, здѣсь и поговорить какъ слѣдуетъ некогда, — сказала она улыбаясь. — Надо всѣмъ угождать, таковы условія службы.

Мы усѣлись вновь и, конечно, принялись вспоминать родину.

— Да, — сказала Маша, — главное это всетаки вернуться на родину. Какая это ложь, когда пытаются отрицать родину. Даже умереть хотѣлось бы не на чужбинѣ, а дома. Кстати, помните старушку, которая вступилась въ нашъ первый разговоръ на кораблѣ. Она умерла, бѣдная. Умерла, такъ и не узнавъ, гдѣ ея дочь. Привезли насъ на

Принкипо, размѣстили по невыносимо холоднымъ комнатамъ и посадили на англійскій паекъ. Дѣло, вы знаете, не всегда обходилось безъ униженія. Мнѣ пришлось жить вмѣстѣ съ ней. Недолго. Недѣли черезъ три заболѣла она тифомъ и умерла на моихъ рукахъ. Тутъ началась мука. Насилу достали какой то маленькій гробикъ, втиснули туда умершую и отнесли въ пустой повильонъ при клубѣ, на которомъ было написано „coiffeur“. На другой день священникъ-бѣженецъ отпѣлъ покойницу, и я одна провожала ее въ гору къ монастырю св. Николая. Дулъ холодный вѣтеръ и хлесталъ дождь. Кое-какъ закопали старушку въ грязи. Недавно, уже отсюда, я ѣздила навѣстить ея могилу. Теперь Принкипо въ цвѣтахъ и лѣтнемъ уборѣ. Какая красота подниматься въ гору къ монастырскому кладбищу. Блестящей каймой лежитъ подъ ногами ласковое Мраморное море и въ розовой дымкѣ рисуются берега Малой Азіи. Здѣсь, среди этой феерической красоты нашла себѣ неожиданно послѣдній пріютъ наша старушка, до послѣдней минуты тосковавшая по полямъ Тамбовской губерніи. Да и она ли одна? Сколько русскихъ костей разбросано на чужбинѣ? Но красота, вѣчная красота природы имѣетъ власть смягчать человѣческое горе. Не правда ли? Въ четвергъ я свободна. Поѣдемте въ Эюбъ-Паша. Хотите?

— Разумѣется.

VII.

Случайнымъ и мимолетнымъ было наше знакомство. Скоро я навсегда потерялъ изъ виду Машу, потому что долженъ былъ уѣхать изъ Константинополя. Но его очаровательный уголокъ, Эюбъ-Пашу, мы успѣли навѣстить вмѣстѣ. Въ жаркое послѣобѣденное время я взялъ лодку на пристани и, пробираясь между судовъ, мы поплыли по Золотому Рогу. И чудный лѣтній день, и прохлада морской волны, и окружающая красота, — все навѣвало на душу неодолимое веселье. Мы были веселы всѣ, даже и лодочникъ-турокъ, который улыбаясь и весело говорилъ совсѣмъ не веселыя вещи.

— Урусъ карошъ,—говорилъ онъ, уморительно морщась, чтобы выговорить трудное слово, — а грекъ...

И онъ весело чертилъ себя пальцемъ по шеѣ, стараясь показать, какимъ образомъ слѣдуетъ рѣзать голову греку.

Маша оказалась настоящей художницей. Она точно впитывала въ себя красоту. Теперь ее поочередно восхищало все, — и стройная мечеть, словно подошедшая съ своей колонадой къ самой водѣ, и проходившій мимо насъ Фанаръ съ старинными патриаршими постройками и шедшая навстрѣчу барка съ косымъ парусомъ. Какъ-то подѣтски умѣла она радоваться всему, и странно было думать о ея службѣ въ Кафе.

Въ Эюбъ-Паша нагулялись мы вдосталь. Мы восхищались дворомъ мечети съ его невѣроятными платанами, смотрѣли сквозь стеклышко мечъ Магомета на могилѣ оруженосца, бродили по крошечному базару, пили турецкое кофе и взобрались, наконецъ, на могильные камни подъ кипарисами. Оттуда долго и молча смотрѣли мы на городъ, тонувшій въ лучахъ заходившаго солнца.

— Я люблю этотъ городъ, — сказала мнѣ Маша. — Люблю собственно красивый, тихій и мирный Стамбуль. Онъ хорошъ, вѣроятно, отъ того, что имъ править исламъ, отказавшійся теперь отъ насилія. А вѣдь прежде было не такъ. Вы видѣли на стѣнѣ Ай-Софіи отпечатокъ руки Магомета, не пророка, а султана-завоевателя? По преданію онъ вѣхалъ верхомъ по тѣламъ молящихся христіанъ, облокотился о стѣну и крикнулъ: „Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета пророка его“. Это было началомъ убійствъ. А здѣсь рядомъ съ нами мечъ самого пророка. Я все вспоминаю стихи Пушкина на мотивъ изъ Корана. Помните?

Люби сиротъ, и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй!

Дрожащая тварь, что можетъ быть ужаснѣе этого?
А кто теперь не дрожитъ?

Я постарался переменить тему нашего разговора. Мнѣ такъ хотѣлось отдыха и радости для моей собесѣдницы, мнѣ не хотѣлось касаться тѣхъ ранъ, которыя мучатъ насъ всѣхъ...

Назадъ мы возвращались при полной лунѣ. И отдѣльные дворцы, и минареты, и Стамбуль въ голубомъ сіяніи, словно залитые расплавленнымъ изумрудомъ, казались мнѣ не дѣйствительностью, а сномъ, капризно оживившимъ маловѣроятную, но прелестную восточную сказку.

Черезъ нѣсколько дней я уѣзжалъ. Я уѣзжалъ во Францію черезъ Средиземное море. На пароходѣ была обычная суета и необычные споры. Провѣряли и требовали визы, — французскія и англійскія, провѣряли право людей на передвиженіе. Маша пришла меня проводить. Мы мало, какъ это бываетъ при проводахъ, разговаривали съ нею. Да и о чемъ было говорить? Но когда, наконецъ, гремя якорными цѣпями, пароходъ началъ отваливать, Маша сказала мнѣ, какъ-то особенно пристально смотря мнѣ въ глаза:

— Помните, только въ смиреніи счастье... Не надо меча Магомета и твари дрожащей.

Я долго видѣлъ, какъ она мнѣ махала платочкомъ въ знакъ привѣта. Потомъ она пропала въ толпѣ, а черезъ нѣсколько времени носъ парохода заворчивалъ въ Мраморное море, огибая Стамбуль съ его постепенно исчезающими минаретами. Я стоялъ на палубѣ, смотрѣлъ на отдалявшійся городъ и думалъ о Машѣ. Мнѣ не казалось страннымъ, что дѣвушка съ дѣтской душой, у которой на глазахъ разстрѣляли отца, дѣвушка, которая изъ-за куска хлѣба служить въ галатскомъ притонѣ, только что проповѣдывала мнѣ смиреніе. Я думалъ о томъ, что духа угасить невозможно, что онъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и обездоленнымъ судьбой говоритъ языкомъ болѣе внятнымъ, чѣмъ остальнымъ.

ЭЮБЪ-ОРУЖЕНОСЕЦЪ

Десять коршуновъ кружились
Надъ задумчивымъ Стамбуломъ,
А къ закату улетѣли
Къ отдаленнымъ кипарисамъ
Надъ могилою Эюба.

А Стамбуль огни Байрама
Зажигаль на минаретахъ,
Слушалъ гулы звонкихъ пушекъ
Въ честь великаго пророка,
Основателя ислама.

Но былъ тихъ и грустенъ праздникъ.
Лишь гяуры на Галатѣ
Въ пьяной оргіи шумѣли,
Торжествуя надъ исламомъ
И османами побѣду.

Лишь мулла сѣдобородый
На дворѣ Эюбъ-мечети
Весель былъ. Онъ улыбался
И уста его шептали:
Погодите вы, гяуры.

Здѣсь хранится мечъ Пророка,
Спитъ его оруженосецъ,
И въ назначенное время

Онъ проснется вамъ на горе,
Въ славу вѣчнаго ислама.

Все судьба опредѣлила,
Все Аллахъ заранѣ взвѣсилъ:
Наше горе и несчастье,
И въ предвѣчномъ милосердьи
Царство правды и закона.

НА ОСТРОВѢ.

I.

Погода сдѣлалась лучше. Потеплѣло какъ-то сразу, какъ это бываетъ на югѣ, гдѣ весна приходитъ крадучись, незамѣтно. И подъ холоднымъ дождемъ съ рѣдко падающими снѣжинками все такъ же зеленѣютъ деревья, все такъ же дрожатъ озябшіе отъ холода бутоны розъ, пережидая невзгону, чтобы вдругъ распуститься. А турки и греки въ такую холодную пору грѣются у мангаловъ. Въ плохо сколоченныхъ деревянныхъ домахъ дуетъ не только отъ оконъ, но и отъ стѣнъ, а они поставятъ мангалъ посреди комнаты, наложатъ на него горячихъ углей, усядутся вокругъ него поджавъ ноги и пьютъ кофе, изрѣдка перекидываясь словами. Пережидаютъ. Холодъ — бѣда временная, скоро пройдетъ.

Грѣлись такимъ же нехитрымъ способомъ и мы. Въ широкомъ корридорѣ, изъ котораго въ этомъ маленькомъ греческомъ домикѣ шло по три комнаты направо и налево, словно въ гостинницѣ, ставили мы мангалъ и поочередно подходили къ нему, присаживались на низенькія табуретки и протягивали надъ огнемъ руки. Тутъ же въ этомъ корридорѣ было наше общественное управленіе вродѣ маленькаго вѣча, и рѣшались дѣла. Дѣла впрочемъ были несложныя. Надо было только установить очередь, кому ходить отъ имени общежитія за провизіей, убирать нейтральную территорію коридора, да натаскать со двора изъ колодца нѣсколько ведеръ воды для общественнаго умывальника.

Комнатки же наши были густо населены. Въ одной

жили дамы, собравшіяся съ разныхъ концовъ необъятной Россіи, въ другой — тихая и грустная помѣщица съ десятилѣтней дочкой, нашей общей любимицей, — Вѣрочкой, въ третьей—больной отставной генераль съ ухаживающей за нимъ старухой женой. Остальныя были набиты мужчинами. Спали на диванахъ и на полу. Два офицера разныхъ родовъ оружія, оба раненыя и спорившіе о тактикѣ наступленія, гимназистъ, въ суматохѣ оторвавшійся отъ семьи, угрюмый хохоль, надѣявшійся на французскую помощь, потому что терпѣть не могъ нѣмцевъ и еще бывшій семинаристъ, пѣшкомъ бѣжавшій изъ Курска на Донъ. Компания была случайная и совсѣмъ разнородная, но очень сжившаяся и дружная между собою. И, можетъ быть, нѣтъ ничего, что сближало бы людей больше, чѣмъ общее несчастье и горе. А тутъ у cadaго было свое личное горе, разразившееся надъ нимъ тамъ, въ далекой теперь Россіи, а ея потеря покрыла насъ и тутъ общимъ, роднившимъ насъ между собою несчастьемъ.

II.

Погода сдѣлалась лучше. Да и пора было, потому что страстная недѣля подходила къ концу и всѣмъ хотѣлось теплаго и свѣтлаго праздника. А пока мы ходили въ маленькую греческую церковь на набережной, у самага моря, церковь, данную для нашихъ духовныхъ потребностей англичанами. И когда мы шли туда, посторонній наблюдатель могъ бы замѣтить нѣкоторую разницу въ характерѣ нашихъ паломниковъ. Вѣрочка въ своихъ разорванныхъ башмакахъ старалась перепрыгивать по лужамъ съ камня на камень, вѣрившій во французскую помощь малороссъ грузно ступалъ по грязи, не разбирая гдѣ лужи, а семинаристъ разставался съ нами на перекресткѣ, чтобы сдѣлать большой обходъ по верхнимъ улицамъ. Это казалось ему необходимымъ въ интересахъ сохраненія обуви.

— Сапоги-то у меня, господа, послѣдніе. Гдѣ же другіе возьмешь.

Возразить въ сущности было нечего, но шлепая по

лужамъ, малороссъ всетаки выражалъ что-то вродѣ протеста, въ которомъ можно было иногда уловить:

— У Франціи дуже гарнихъ чоботівъ...

Такъ мы и ходили, оставляя дома дежурнаго, да больного генерала съ женой.

Церковь была маленькая и темная даже днемъ. Темные лики иконъ въ серебряныхъ окладахъ глядѣли на бѣженцевъ со стариннаго иконостаса и озарялись яркимъ огнемъ свѣчей, бликами игравшаго на серебрѣ. Служилъ пожилой священникъ, такой же бездомный какъ и всѣ, а пѣлъ хоръ любителей, сразу какъ-то самъ собой организовавшійся. Народу было много съ самага начала и все прибывало съ дальнихъ концовъ острова. Тѣсной толпой стояли мы въ церкви, слышались вздохи и шопотъ молитвъ, на глазахъ у многихъ блестѣли слезы. Службы шли долгія, великопостныя, но никто не стремился уйти, словно и не подозрѣвалъ, что существуетъ усталость. И всѣ чувствовали себя другъ къ другу близкими, точно какая-то огромная, фантастическая разросшаяся семья, всѣ расходясь, старались сказать чтонибудь другъ другу пріятное, чѣмънибудь другъ друга порадовать. А вѣдь люди были другъ другу чужіе и мало знакомые. А какихъ различныхъ классовъ общества, разнаго быта и образованія были мы всѣ. Какихъ различныхъ политическихъ убѣжденій и политическаго прошлаго — были всѣ, собравшіеся здѣсь люди. О политическихъ партіяхъ я уже не говорю. Кажалось, напомни лишь о нихъ ктонибудь, и вдругъ начнутся споры, свары и ссоры и улетитъ та радость, о которой Вѣрочка говоритъ:

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо. Я такъ молилась, такъ молилась, а о чемъ — не знаю сама.

III.

Въ пятницу въ нашемъ корридорѣ было дѣловое собраніе. Обсуждался вопросъ — кому ѣхать за покупками въ городъ. Для этого надо было припомнить наши предыдущія поѣздки. И это потому, что строгій англійскій пол-

ковникъ въ пестрой шотландской шапочкѣ пускалъ насъ въ городъ по очереди. Дѣлалъ онъ это для того, чтобы мы не шатались въ городъ для развлечения, а мы шатались туда въ безнадежныхъ поискахъ за работой. Кандидатура большинства поэтому отпала и оставалась надежда на угрюмаго малоросса, который, дѣйствительно, могъ донести любую корзину.

— Вамъ вѣдь это пустяки, Хрисанфъ Потапычъ. Вы и такъ все время на одномъ мѣстѣ сидите, а тутъ по крайней мѣрѣ по городу прогуляетесь.

Въ помощь ему былъ приданъ я; я собралъ цѣлую кучу записочекъ съ порученіями, попавшими къ намъ даже и изъ сосѣдняго дома. Какъ же не приготовить къ празднику, какъ не почтить его и не позволить себѣ чегонибудь лишняго противъ сѣрой нитью тянувшихся будней.

Мы усѣлись на кормѣ маленькаго парохода, и я занялся приведеніемъ въ порядокъ этихъ записочекъ, систематизируя ихъ для посѣщенія магазиновъ и торопясь съ этимъ дѣломъ, потому что зналъ, что Хрисанфъ Потапычъ поведетъ со мной политическій разговоръ, что онъ дѣлалъ почему-то всегда, оставаясь со мною вдвоемъ.

Случалось ли вамъ когданибудь читать праздничныя дѣловыя записочки нищеты. Я ихъ теперь подбиралъ одну за другой, раскладывалъ по порядку и читалъ:

— Манечкѣ палку рахатъ лукуму, — фунтъ или полтора творогу. — Плитку шоколаду. — Пакетикъ краски для яиць. — Четверть фунта чаю. — Кренделей на два піастра.

И много, много еще другихъ мелочей, сладкихъ, но дешевыхъ и необходимыхъ.

Море было веселымъ и тихимъ. Мы огибали, на минуту останавливаясь и принимая пассажировъ, острова одинъ за другимъ и любовались пейзажами, съ моря казавшимися грандіозными. И только уже за послѣднимъ, менѣе красивымъ островомъ Проти настигъ меня Хрисанфъ Потапычъ съ своимъ политическимъ разговоромъ. Разговоръ шелъ долго и горячо.

— Я же вамъ говорю, что Франція разгонитъ у насъ

коммунизмъ, потому что съ этимъ никогда не сможетъ примириться ни она, ни Клемансо.

— Но почему же вы думаете, что ктонибудь можетъ и долженъ спасти Россію, если она сама не очнется отъ своего безумія, сама не свергнетъ своихъ насильниковъ и при чемъ тутъ въ концѣ концовъ Клемансо.

Хрисанфъ Потапычъ задумался на минутку, а потомъ сказалъ торжествующе и увѣренно:

— А какъ же. Вінъ — тигръ.

Но и такой аргументъ показался мнѣ недостаточно убѣдительнымъ. А для дальнѣйшаго политическаго спора не было времени. Слѣва отъ насъ красивыми и величественными силуэтами вставали мечети и стройные минареты... Мы огибали Стамбуль и входили въ Босфоръ.

IV.

Я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что раскрашиваніе пасхальныхъ яицъ является настоящимъ искусствомъ. Если бы мнѣ сказали, что тутъ не требуется вдохновенія, рождающаго иногда интуицію, я бы отвѣтилъ, что за то здѣсь всегда есть любовь, это основа всякаго творчества. Съ любовью, доходящей иногда до настоящаго умиленія, дѣлаютъ это по всѣмъ деревнямъ и селамъ Россіи, съ любовью дѣлалось это и у насъ. Наша молодежь была вся поглощена этимъ занятіемъ. Вѣрочка вымазала красками не только руки, но и лицо, но зато при помощи гдѣ-то добытыхъ шелковыхъ лоскутковъ яйца запестрѣли неожиданными переливами цвѣтовъ. Офицеры разныхъ родовъ оружія вооружились теперь одинаковыми ножичками и выцарапывали самыя замысловатыя фигуры вокругъ вензеля „X. В“.

— Помнишь, какъ такіе же вензеля только другого масштаба выкладывались изъ дерна и разноцвѣтныхъ камешковъ на позиціяхъ на Бзурѣ и Равкѣ.

— Да. Мы тогда еще вѣрили въ нашу побѣду, въ побѣду народа. Кажется, — какъ давно это было. И все—временное, а смыслъ вензеля вѣченъ.

Только передъ вечеромъ прекратились наши занятія

искусствомъ. Но зато теперь въ корридорѣ сооруженъ былъ изъ досокъ на подставкахъ длинный столъ и великолѣпно украшенъ. Чей-то кривобокій, по случаю морскихъ путешествій самоваръ занялъ подобающее ему мѣсто въ концѣ стола, чтобы прибыть на него же въ свое время кипящимъ. Куличи, пасхи, консервы и сласти потянулись отъ него длинной полосой въ перемежку съ цвѣтами. Появились и двѣ-три бутылки съ кипрскимъ виномъ къ великому удовольствію курскаго семинариста, увѣрявшаго, что только такую марку и пили герои Гомера. Онъ даже продекламировалъ намъ что-то о „Золотистомъ кипрскомъ винѣ“, которое впрочемъ потомъ оказалось не золотистымъ, а слегка кисловатымъ и пахнувшимъ пробкой.

Наконецъ, все было готово и все успокоилось. Наступила тишина, та тишина, которая бываетъ всегда накануне великаго праздника. Дверь въ комнату больного генерала была открыта. Онъ лежалъ на кушеткѣ, облокотившись на столъ и внимательно слушалъ. Мать Вѣрочки читала ему вслухъ и ея голосъ звонко доносился до корридора.

„И возвратившись отъ гроба, возвѣстили все это одиннадцати и прочимъ“. „И показались имъ слова ихъ пустыми, и не вѣрили имъ“.

Одинъ изъ офицеровъ спросилъ меня шопотомъ.

— Скажите, отчего около двухъ тысячъ лѣтъ люди знаютъ о событіи величайшей радости и всетаки сомнѣваются и многимъ кажутся пустыми слова благовѣстія. Отчего такъ трудно повѣрить въ радость, а въ злѣ и несчастіи не сомнѣвается никто.

Я не сумѣлъ ему отвѣтить, потому что не зналъ.

V.

Въ темнотѣ шла наша процессія крестнаго хода. Пасхальнымъ пѣснопѣніямъ аккомпанировалъ шумъ моря, и было что-то необычайно трогательно въ этой толпѣ русскихъ, христосовавшихся на чужомъ островѣ. Другія, болѣе многолюдныя греческія процессіи свѣтились вдали разно-

цвѣтными фонарями. Въ окнахъ свѣтились огни, и только турецкіе дома были темными. А потомъ, до самаго разсвѣта расходились люди въ разные концы острова толпами и въ одиночку, и до разсвѣта слышался радостный говоръ...

На другой день я гулялъ съ Вѣрочкой по набережной, залитой солнцемъ. Вѣрочка была хотя и въ разорванныхъ башмакахъ, но въ розовомъ платицѣ. Знакомые привѣтствовали другъ друга и христосовались, и всѣмъ было весело, словно весь островъ пропитался на цѣлый день радостью. Нашъ строгій англійскій полковникъ гулялъ вмѣстѣ съ толпой по случаю праздника не только въ своей пестрой шапочкѣ, но и въ необычайной клѣтчатою юбкѣ. И совершенно одинаково всѣмъ улыбалось его бритое лицо, и съ одинаковой серьезностью пожималъ онъ всѣмъ руки.

Я пошелъ вверхъ, къ монастырю Св. Николая, чтобы навѣстить могилу русскаго, нашедшаго тамъ недавно свой послѣдній пріютъ. Вѣрочка не хотѣла отстать отъ меня и въ доказательство того, что не устанетъ принялась прыгать. Мы шли вверхъ по шоссеиной дорогѣ, огибающей островъ. Съ каждой минутой и на каждомъ поворотѣ горизонтъ расширялся. Теперь видны были дали моря дѣйствительно мраморнаго, игравшаго на солнцѣ какими-то перламутровыми тонами. А передъ нами небольшой и красивой цѣпью тянулись знакомые острова, — и Халки, и Антигона, и Проти, а еще дальше — въ розовомъ туманѣ купался Стамбуль. Зачарованные картиной мы остановились и присѣли отдохнуть подъ корявой южной сосной. Передъ нами яркой полосой тянулся малоазіатскій берегъ, а передъ нимъ, словно отдыхающія на водѣ чудовища, маячили темными силуэтами огромные и низкіе англійскіе броненосцы.

Долго сидѣли мы молча, любуясь кругомъ. Вдругъ Вѣрочка встала и спросила меня.

— А вѣдь тамъ, за тѣмъ берегомъ Черное море, а за нимъ наша Россія. Какъ жаль, что нельзя туда закричать, а я всетаки попробую.

И не дожидаясь отвѣта, она вскочила на камень, при-

ставила ко рту руки и закричала пискливымъ голосомъ молодого пѣтушка.

— Христось Воскресе-е-е.

И отвѣтило намъ только ближайшее эхо на островѣ Принкипо.

* * *

Я записалъ это для того, чтобы припомнить одинъ изъ этаповъ бѣженскаго скитальчества и для того, чтобы мысленно похристосоваться съ Вѣрочкой и тѣми другими, съ которыми меня разъединила судьба. И еще для того, чтобы похристосоваться со всѣми кому попадутся на глаза эти строки. Какъ бы тяжело вамъ не жилось, — все равно будьте счастливы и радуйтесь.

— Христось Воскресе.

„ДЖАВИДЪ“.

(Посвящается А. И. Куприну).

„Джавидъ“ — это конь свѣтло-караковой масти, и мелькнулъ онъ передо мной на минуту, не болѣе. Дѣло было въ самомъ началѣ весны, которая съ незапамятныхъ временъ вливаетъ въ человѣческія души безотчетную радость. Особенно если озаритъ все кругомъ яркое, но неожиданно жаркое солнце. Здѣсь, въ Парижѣ, такъ это и бываетъ. Весна не то чтобы крадется, а приходитъ вдругъ неожиданно, вродѣ смѣны палатой депутатовъ министерства. Такъ это для насъ, а не для календаря, который водворяетъ ее своевременно съ самаго сотворенія міра. Еще недѣлю тому назадъ дрожали голые кусты подъ холоднымъ дождемъ, уныло мокли вѣчно-зеленыя растенія, а нынче, смотрите, распустились листочки сирени и осыпаются бѣлымъ цвѣтомъ черешни и груши.

Эхъ, весна! Не забыть никогда, какъ умѣешь ты приходиться по другому. Лежитъ кругомъ закутанная снѣгомъ и закованная морозомъ земля, а съ крышъ на пригрѣвѣ звенить капель, застывающая длинными стеклянными сосульками. Маслянится дорога, въ ноздреватомъ снѣгу пробиваются проталины и ворчатъ ручьи, эта завѣтная радость мальчишекъ. А потомъ разливъ рѣкъ и набухающія почки березы, — твоя побѣда, за которой шагъ за шагомъ радостно слѣдили всѣ въ твоей битвѣ съ зимой, словно за сказочнымъ боемъ царевича съ Кашеемъ-безсмертнымъ... Развѣ такую весну позабудешь?

Вотъ такую весну и вспоминали мы, завтракая съ

старымъ другомъ въ маленькомъ кабачкѣ „Veu d'Auvergne“. Кабачекъ удивительный и, кажется, самый демократичный изъ всѣхъ кабачковъ и бистро Парижа, торчащихъ на каждомъ углу. Заходятъ каменьщики да маляры выпить стаканчикъ краснаго или бѣлаго вина, иногда коньяку, да перекинуться двумя-тремя словами съ хозяиномъ. А хозяинъ важный и толстый стоитъ за блестящимъ прилавкомъ, важно прибавляетъ разныхъ цвѣтовъ напитки въ спрошенный аперетивъ, и похожъ онъ тогда на алхимика. А кругомъ — на подоконникѣ и на полу, вертясь подъ ногами, разгуливаютъ собаки и кошки. И хозяинъ и его старуха жена большіе любители животныхъ, и собаки и кошки у нихъ хороши. Его окрика они слушаются словно диктатора, а старухина — не всегда, какъ палата своего президента.

Да и мой старый другъ большой любитель животныхъ: онъ чутко подмѣчаетъ ихъ нравы, иногда говоритъ съ ними, и если ужъ рассказываетъ о животныхъ, то они встаютъ передъ слушателемъ въ живыхъ и яркихъ художественныхъ образахъ.

Въ ресторанѣ этомъ обѣдаютъ мало. Даже и меню никакого не полагается. Можно спросить у хозяйки, что у нея есть на сегодня: рагу изъ баранины, телятина или кроликъ сотэ? А кусокъ хорошаго сыру всегда найдется. Что есть, то и дадутъ, но зато дадутъ хорошо, по-домашнему, а если сказать хозяину, чтобы онъ далъ хорошаго вина, то онъ спустится въ подвалъ, побряхтитъ тамъ немного и вернется съ такой бутылкой, что потомъ въ стаканахъ будетъ играть и переливаться настоящее солнце Жиронды.

Такъ и завтракали мы въ весенній день, вспоминая далекое... Чужая жизнь кипѣла вокругъ, пробѣгали мимо автомобили, шла праздничная толпа, направляясь къ недалекому отъ насъ Булонскому лѣсу. Веселье бываетъ иногда заразительнымъ. Вѣроятно, оно было такимъ и на этотъ разъ, потому что мой другъ сказалъ мнѣ неожиданно:

— Пойдемъ въ Булонскій лѣсъ. А если не жаль пяти франковъ, сложимся и поиграемъ. Тамъ сегодня скачки.

— Пойдемъ.

Прогулка, конечно, прогулкой. Но вѣдь вотъ, — еще и скачки. Вѣдь онъ, мой другъ, такъ любитъ лошадей, такъ хорошо умѣетъ объ нихъ рассказывать.

И мы шли, медленно двигаясь, вмѣстѣ съ густѣвшей и нараставшей толпой, перекидываясь отрывочными замѣчаніями. Я толпы не люблю: въ ней какъ-то теряются отдѣльные лица, стирается ихъ духовная особенность, все сливается во что-то однообразное, не яркое, словно сѣрое. И это сѣрое, заражаясь другъ отъ друга, вдругъ вспыхиваетъ иногда одной волей и однимъ чувствомъ — радости или страха, какого-то оупѣнія или бессмысленной злобы. О, — мы оба, — я и мой другъ, мы видѣли ее, эту страшную толпу, въ бессмысленной злобѣ...

Теперь передъ нами шла разношерстная толпа людей, стремившихся къ отдыху. Конторщики и мелкіе торговцы, мидинетки, мелкіе чиновники и приказчики — все то, что приковано къ прилавку и рвется къ природѣ, заслоненной отъ нихъ рабствомъ передъ нуждой. Праздничная толпа не страшна, а слегка весела и всегда легкомыслена: принарядиться да пококлетничать, людей посмотреть и себя показать, — въ этомъ вся задача и все удовольствіе.

Вотъ и Булонскій лѣсъ, такой оригинальный въ первый моментъ своего пробужденія. Позеленѣлыя, обросшія за зиму мохомъ деревья расходятся далеко величественными коллонами аллей. Они еще голы, но въ набухающихъ почкахъ чувствуется трепеть весны. Подъ яркимъ лучомъ солнца они словно смѣются и обѣщаютъ: погодите, вотъ завтра выкинуть каштаны свои свѣчи-цвѣты. А тамъ, въ чащѣ, а то и въ стройныхъ рядахъ аллей уже бѣлѣются нѣжнымъ пухомъ цвѣты. Это полудикіе фруктовыя деревья страны первыми привѣтствуютъ родную весну.

Свертываемъ налѣво, тамъ толпа гуще и похожа на муравейникъ. Среди нея надо ждать очереди или проталкиваться, чтобы взять билетъ, пропускающій къ ипподрому и пройти черезъ счетчикъ. Тамъ толпа нѣсколько рѣже и медленно движется мимо будокъ, гдѣ продаютъ билеты на выигрышъ приза. И цѣны риска разныя, и будки

поэтому разные. Тамъ вы и получите выигрышъ, или уныло пройдете мимо въ случаѣ неуспѣха.

— Ну, чтожъ, на какую лошадь поставимъ?

Все равно. Мы не знаемъ ни лошадей, ни жокеевъ. Быстро проглядываю афишу, стараясь отыскать покрасивѣе и пооригинальнѣе лошадиное имя.

— Ну вотъ, бери на „Джавида“.

— Хорошо. Возьму. Можетъ быть выручить.

И съ билетомъ номера будки проходимъ мы къ легкой изгороди ипподрома. Сейчасъ начнутся скачки и лошадей будетъ видно, а „Джавида“ узнаемъ мы по костюму жокея: голубой съ розовымъ, въ голубой каскеткѣ. Изгородь уже вся облѣплена толпой, какъ разсыпавшимся роємъ, но мѣсто еще есть, мы пришли во время. Можно, конечно, взять мѣста на эстрадахъ бесѣдки, но вѣдь это для тѣхъ, у кого карманъ похожъ на отдѣленіе банка. Пришельцы, мечтающіе о русской веснѣ, смущаются обыкновенно тамъ, гдѣ каждое движеніе расцѣнено франками. Да и все равно, видно. Вотъ тутъ, налѣво, можно подойти къ самой изгороди.

Стоимъ и ждемъ. Кругомъ отрывочныя замѣчанія о лошадяхъ и жокеяхъ. Это — любители. А надежды и мечты, это украшеніе бѣдной человѣческой жизни, — это для большинства, уставшаго въ сѣрой и однообразной работѣ, а для иныхъ, — просто отдыхъ и радость весны, случайно связанныхъ съ спортомъ. И всѣ ждутъ. Ждемъ и мы, оба приглядываясь къ окружающему. Вотъ направо тѣснится къ изгороди молодежь, перекидываясь веселыми замѣчаніями, похожими, особенно издали, на щебетаніе птицъ. Ближе ко мнѣ — какой-то приказчикъ и совсѣмъ молодая, некрасивая дѣвушка. Она держитъ и нервно пожимаетъ его руку, а онъ говоритъ что-то отрывочно и некстати о лошадяхъ и погодѣ. Но вотъ она не выдерживаетъ, тянется къ нему и „губы ихъ сливаются въ поцѣлуѣ“, какъ говорилось въ старинныхъ романахъ. Городская ненормальная жизнь ненормально выноситъ это на улицу. И въ трамваяхъ и мѣтро звучатъ поцѣлуи. Разру-

шается красивое и нѣжное чувство стыда. Не размышляйте однако на философскія темы: не мѣсто здѣсь и не время.

Звонокъ. Пускаютъ лошадей. Ихъ еще не видно, но они сейчасъ промелькнутъ мимо насъ, взявъ четыре барьера. Толпа смолкла и замерла. Идутъ... Ихъ шесть лошадей съ разноцвѣтными жокеями, похожими на попугаевъ. Прыжки черезъ барьеръ одинъ за другимъ. Вотъ тутъ-то и промелькнулъ передо мной жеребецъ свѣтло-караковой масти. Онъ легко поднялъ могучую грудь, словно шутя перепрыгнулъ черезъ препятствіе и весело подался впередъ, опережая другихъ.

— „Джавидъ,“ „Джавидъ!“ Отстаетъ... Нѣтъ придетъ. Смотрите, смотрите! — Слышались въ толпѣ возбужденные голоса.

А налѣво отъ насъ два человѣка въ потертыхъ пальто, точно позабывъ все на свѣтѣ, впились въ лошадей внимательнымъ и любящимъ взглядомъ. „Джавидъ“ былъ впереди и на финишѣ уходилъ отъ соперника, какъ отъ стоячаго. Наконецъ, два человѣка перевели духъ и заговорили:

— Придетъ. Здорово? А помнишь, какъ у насъ въ Коломягахъ „Могучій“... Вотъ это былъ конь. Сколько призовъ побралъ, сколько разъ пытались его побить англичане...

Родная рѣчь въ Булонскомъ лѣсу. Земляки, пришедшіе съ работы на любимое зрѣлище... Она далека, наша родная весна, и „Могучій“ и Коломяги. И близко вмѣстѣ съ тѣмъ, потому что живетъ въ сердцѣ и оживаетъ радостно подъ первымъ солнечнымъ лучемъ. И пусть радость мелькаетъ лишь на минуту, какъ „Джавидъ“, свѣтло-караковый конь. Не такъ ли это для всѣхъ, и не свѣтитъ ли она потомъ долго тихимъ свѣтомъ въ сумеркахъ жизни?

ЖЕРТВА ПОЭТА.

(ИЗЪ СКАЗАНІЙ IV-го ВѢКА).

Понтій Меропій Павлинъ принадлежалъ къ старинной и богатой семьѣ, Сенаторы и консулы были его предками, и по всей Галліи были разбросаны ихъ имѣнія. Отецъ Павлина былъ префектомъ Галліи, ушелъ на покой, поселился въ Бордо, тамъ у него и родился сынъ въ царствованіе Констанція. Разсказываютъ, что многіе члены этой семьи были уже христіанами, но Павлинъ креститься не торопился, а учился грамматикѣ и риторикѣ въ школѣ знаменитаго ритора и поэта Авзонія.

Авзоній не мало гордился своимъ ученикомъ и искренно его полюбилъ. Быстро прошелъ онъ съ нимъ всю философскую мудрость, и стали они переписываться другъ съ другомъ стихами. Павлинъ въ своемъ имѣніи перекладывалъ въ стихи трактатъ Светонія, а Авзоній прислалъ ему смѣсь латинскихъ стиховъ съ греческими, мудреные акростиhi и всяческія чудеса поэтической выдумки. Знаменитый учитель любилъ это дѣлать въ своемъ подгороднемъ имѣньицѣ.

Имѣньице впрочемъ было не очень мало, всего десятинъ на двѣсти пятьдесятъ. Въ немъ были и виноградники, и луга, и лѣса, и большой домъ со слугами и съ запасами продовольствія на два года. Такъ и жили въ довольствѣ и весельи, переписываясь стихами, учитель и ученикъ. Павлинъ за это время быстро проходилъ общественныя должности. Знатность, образованіе и знакомства этому помогали. Помогло и то, что знаменитый Авзоній вызванъ былъ учи-

телемъ молодого Граціана, наслѣдника престола. Неудивительно поэтому, что Павлинъ скоро достигъ званія сенатора и намѣченъ былъ въ консулы. Но общественная служба не занимала поэта. Не умѣлъ и не хотѣлъ онъ льстить при дворѣ, не хотѣлъ льстить и народу, который ничего не требовалъ кромѣ хлѣба и зрѣлищъ. А до зрѣлищъ народъ былъ охотникомъ, и не легко было ему угодить.

Префектъ Рима, Аврелій Симмахъ, на что ужъ самъ былъ любителемъ зрѣлищъ, и то съ ними замучился. Хотѣлъ онъ зрѣлищами угостить Римъ по случаю назначенія преторомъ сына. Готовился онъ къ этому болѣе года и затратилъ огромныя деньги. Изъ Испаніи знаменитый коннозаводчикъ Ефразій прислалъ ему бѣговыхъ лошадей, и какъ не берегли ихъ, по дорогѣ все же четыре четверика захворало. Со звѣрями тоже хлопотъ было не мало. Привезли изъ Африки крокодиловъ, а они такъ дорогой замучились, что ѣсть перестали, и боялся Симмахъ, кабы они до представленія съ голоду не подошли. А передъ самымъ представленіемъ актеры, скоморохи и мимы запьянствовали и разбѣжались куда-то, надо было ихъ собирать по всему городу. Крѣпко надѣялся Симмахъ на однихъ гладіаторовъ: плѣнные Саксы народъ храбрый и сильный, эти не выдадутъ, народъ увидитъ бой настоящій. Но и плѣнные какъ на грѣхъ взбунтовались, не хотятъ убивать другъ друга для потѣхи народа, и до такого упорства дошли, что накануне представленія двадцать девять изъ нихъ нарочно въ тюрьмѣ другъ друга передушили. Такъ всѣмъ этимъ измучился и огорчился Симмахъ, что заперся дома и сталъ для утѣшенія Сократа и Цицерона читать. Потомъ, успокоившись, сказалъ про Саксовъ: Я не желаю болѣе и слышать объ этихъ негодяхъ, которые злостью превзошли Спартака. Съ такимъ трудомъ налаживались зрѣлища. И чужды онѣ были поэту Павлину. Да и службу онъ считалъ за бремя, особенно когда узурпаторъ Максимъ собирался казнить сторонниковъ императора. Тяжелыя то были времена, среди которыхъ душа человѣка искала покоя.

Павлинъ нашелъ этотъ покой въ христіанствѣ. Самъ ли онъ погрузился въ это ученіе, или помогла ему въ

этомъ пламенная христіанка испанка Терезія, на которой онъ женился, но ему тяжелы стали окрестности Бордо и широкая Гаронна, вздыхающая океанскимъ приливомъ. По-немногу сталъ онъ продавать свои имѣнія, чтобы помогать бѣднымъ и, наконецъ, съ женой и нѣсколькими слугами, навсегда оставивъ Галлію, переселился въ Барселону. Туда не долеталъ шопоть придворныхъ интригъ, шумъ военныхъ бунтовъ и ропоть надвигавшихся варваровъ. Можно было жить въ тишинѣ скромнымъ священникомъ, прислушиваясь по привычкѣ къ неотвязнымъ голосамъ великихъ тѣней Виргилія и Горація, Сенеки и Цицерона.

Слухъ о такой перемѣнѣ въ жизни сенатора быстро разнесся по всей имперіи. Однихъ онъ обрадовалъ, а другихъ разсердилъ. Обрадовалъ онъ тогдашнихъ учителей церкви—Амвросія миланскаго, Августина, Іеронима и Мартина турскаго. Мартинъ былъ дѣятельнымъ человекомъ и обходилъ тогда бѣдныя села Галліи, обращая язычниковъ въ христіанство и разбивая идоловъ въ капищахъ. Но идолы со зла обращались въ бѣсовъ и вселялись въ людей. Мартинъ изгонялъ ихъ и изъ людей, и Сульпицій Северъ утверждалъ, что замѣтилъ Мартинъ, что только Меркурій ему не поддается, а Юпитеръ совсѣмъ обратился въ скота. Теперь всѣ радовались перемѣнѣ въ жизни Павлина, и писалъ ему Іеронимъ: ты былъ бы первымъ между насъ, если бы къ риторикѣ присоединилъ знаніе священныхъ писаній. Прилежно читалъ ихъ Павлинъ, но стиховъ не бросалъ, думая, что надо взять у прежнихъ мудрецовъ красоту языка, какъ сохраняютъ сокровища, отнятыя у врага. А его знаменитый учитель, Авзоній, сердился совсѣмъ не на шутку. „Тебя погубили берега Тахо, карфагенянка Барселона, вершины горъ, омываемыя двумя морями“, писалъ онъ Павлину и звалъ назадъ къ берегамъ широкой Гаронны, къ литературѣ и жизни буйной имперіи. Павлинъ наотрѣзъ отказался въ длинномъ письмѣ. „Сердца, посвященныя Христу, закрыты для Аполлона и навсегда изгнали отъ себя музъ“, писалъ онъ Авзонію. А музы всетаки отъ него не отстали. Поэтому раздѣлилъ онъ письмо Авзонію на три рода стиховъ: элегическій для

привѣтствія, ямбическій — въ отвѣтъ на упреки и героическій для своихъ доводовъ. Но и Барселона не приковала къ себѣ Павлина. Потеря ребенка огорчила его, а шумная жизнь торговаго города мѣшала покою. Переселиться въ Италію, въ маленькій городокъ Нолу, стало его мечтой. Поселиться тамъ около храма св. Феликса, каждое утро мести порогъ храма и умереть близъ могилы святого, — вотъ что задумалъ поэтъ. Съ женой и нѣсколькими слугами оставилъ Павлинъ Барселону, переселился въ Нолу и въ стихахъ обратился къ святому: „Здѣсь я останавливаю судно и привязываю его къ твоему берегу: пусть якорь моей жизни останется тутъ навсегда“.

Такъ и случилось.

* * *

Нола — маленькій городокъ въ Кампаніи, окруженный земледѣльческимъ населеніемъ. Сѣютъ пшеницу, разводятъ скотъ и откармливаютъ свиней для рынковъ Италіи. Тянется тихая и мирная, трудовая и незамѣтная жизнь. Но разъ въ годъ, въ день памяти святого Феликса, маленькій городокъ оживаетъ. Толпами тянутся къ нему паломники изъ Апуліи и Калабріи, изъ Капуи, Лаціума и Рима. И городъ къ этому дню наполняется народомъ. Старая ноланская базилика украшается великолѣпно: золоченый сводъ блещетъ бѣлыми покрывалами, сіяютъ лампы и факелы, зажженные въ честь святого. Огни наканунѣ праздника горятъ всю ночь и въ городѣ и въ расположенныхъ кругомъ него станахъ народа. Тѣсно придвинулись они къ городу съ семьями, женами и дѣтьми и со стадами скота, котораго не на кого оставить дома. Всю ночь раздается шумъ въ этихъ станахъ, звонъ стакановъ, и пѣсни. Такъ празднуетъ народъ память святого, какъ недавно еще праздновалъ онъ дни Марса или Меркурія. Тогда приносилъ онъ жертву богамъ, а теперь приноситъ святому. Попрежнему рѣжутъ свиней и барановъ, но теперь въ честь св. Феликса отдаютъ мясо священникамъ для раздачи больнымъ, убогимъ и бѣднымъ. И Павлинъ тоже готовитъ къ этому дню свою жертву. Это стихи,

прославляющіе святого, рассказывавшіе объ его чудесахъ, украшенные тихой молитвой.

А какъ жилъ св. Феликсъ, не сохранила народная память. Знали только, что былъ онъ священникомъ въ Нолѣ и погибъ въ одно изъ гоненій. Много ихъ было, и не все ли равно въ которое по счету прибавилось однимъ изъ замученныхъ больше. Знали о жизни Феликса мало, но зато знали, что вѣрующіе получаютъ помощь въ молитвахъ къ нему. И еще знали, что любилъ помогать онъ народу, бѣднымъ въ ихъ хозяйствахъ и нуждахъ и исцѣлять одержимыхъ бѣсами. И благосклонно принималъ онъ жертвы народа, и благосклонно внималъ поэтической жертвѣ Павлина. И Павлинъ размѣренными стихами писалъ: у меня нѣтъ жертвы для тебя, св. Феликсъ. Тебѣ приносятъ овецъ и свиней, и вотъ тебѣ мой рассказъ о свиньѣ. Пригналъ къ твоему празднику крестьянинъ изъ Абеллы свинью. Хорошимъ былъ онъ хозяиномъ и такъ ее откормилъ, что всѣ любовались. Но бѣсъ скупости не дремалъ. И пожалѣлъ крестьянинъ свиньи для тебя. Раздавать бѣднякамъ такое мясо, — не жирно ли будетъ, подумалъ онъ про себя. Обойдутся они, небось, чѣмънибудь и похуже. И закололъ крестьянинъ свинью и разсекъ, кишки и требуху отдалъ священникамъ, а мясо сложилъ въ сумы и поѣхалъ домой. И вдругъ ни съ того ни съ сего, среди бѣла дня на гладкой дорогѣ, споткнулся его конь и сбросилъ крестьянина черезъ голову на земь. Лежитъ онъ на дорогѣ, ощупалъ руки и ноги, — цѣлы и нигдѣ ничего не болитъ, а встать онъ съ мѣста не можетъ. Словно кто его веревкой къ землѣ привязалъ. Конь обернулся и назадъ поскакалъ, неся къ твоей базиликѣ священникамъ мясо. И только что роздали его бѣднымъ, всталъ скупой крестьянинъ съ дороги и пришелъ исповѣдывать грѣхъ. И благодарилъ онъ тебя за прощенье, за то, что онъ всталъ здоровымъ безъ лѣкарствъ и костоправовъ, болѣе жестокихъ, чѣмъ ниспосылаемыя людямъ болѣзни.

И еще писалъ Павлинъ къ одному изъ слѣдующихъ праздниковъ:

Жилъ въ окрестностяхъ Нолы бѣдный крестьянинъ

съ женой. Всего имѣнья было у нихъ только пара воловъ. На нихъ крестьянинъ пахаль свою полосу и ихъ же отдавалъ внаймы богатымъ сосѣдямъ. Этой платой и перебивалась семья круглый годъ, спасаясь отъ голоду. Крестьянинъ благодарилъ тебя, св. Феликсъ, и твоему надзору поручилъ воловъ, единственное свое достояніе. И вотъ, въ глухую ночь свели ихъ со двора воры. Обѣгалъ крестьянинъ окрестности въ безплодныхъ поискахъ и пришелъ къ тебѣ помолиться. Вотъ, говорилъ онъ въ молитвѣ, помоги мнѣ, св. Феликсъ, въ бѣдѣ, а то мнѣ съ женой пришло пропадать. Последнее вѣдь мое достояніе украли. Да и ты, св. Феликсъ въ моей бѣдѣ виноватъ, твоему вѣдь надзору поручилъ я воловъ. Развѣ не могъ ты толкнуть меня въ бокъ, когда я спалъ и пришли воры? Я бы ужъ отучилъ ихъ чужихъ воловъ воровать, а вотъ теперь приходится помирать съ голоду. Я вѣдь знаю тебя, святой: ты навѣрное заботишься теперь о томъ, чтобы злодѣи покаялись передъ Богомъ, а о волахъ пожалуй забудешь. Устрой же такъ, чтобы они каялись, если это ужъ надо, а воловъ мнѣ моихъ назадъ вороти. Такъ молился крестьянинъ, и святой внялъ молитвѣ его. Проснувшись утромъ, увидалъ крестьянинъ воловъ своихъ въ хлѣву здоровыхъ и цѣлыхъ, и принесъ святому свою благодарность.

И каждый годъ, не пропуская ни одного, писалъ Павлинъ стихи въ честь святого, считая ихъ своей жертвой. Жилъ онъ безвыѣздно въ Нолѣ, отлучаясь лишь разъ въ годъ въ Римъ къ празднику св. Петра, чтобы поклониться его гробницѣ.

* * *

А Римъ жилъ другой, разгульной и праздною жизнью, среди зрѣлищъ, придворныхъ интригъ, споровъ и несогласій. Большинство было въ немъ христіанами, но были и язычники, занимавшіе высокія должности наравнѣ съ христіанами.

Префектомъ Рима былъ одно время Веттій Агорій Претекстатъ, верховный жрецъ Весты и Апполона, отсто-

явшею передъ императоромъ элевзинскія таинства. Христіанская община озабочена была при немъ выборомъ Римскаго епископа. Два священника — Урсинъ и Дамазъ — соперничали въ этомъ дѣлѣ между собой. Христіанская община раздѣлилась. Одни стояли за Урсина, а другіе за Дамаза. Собирались для обсужденія этого дѣла въ храмахъ, на площадяхъ и на улицахъ, вступали въ споръ и для окончательнаго доказательства въ драку, кончавшуюся иногда смертоубійствомъ. Префектъ Рима вмѣшался по должности, собралъ христіанскую общину, и держалъ къ ней Претекстатъ грозную и властную рѣчь.

Вы, — говорилъ онъ, — собираетесь въ храмахъ, на площадяхъ и на улицахъ. По поводу выборовъ вступаете вы въ споръ и драку, доходящую до убійства. Это нарушаетъ законы имперіи и грозитъ общественной безопасности и покою. Но вы слышали, граждане, что свѣтлый Аполлонъ другъ мира и тишины, да и богиня Рома, покровительница города, не допускаетъ раздора. Вы знаете также, что имперія пользуется по милости боговъ миромъ, почему и затворенъ храмъ грознаго Януса. Итакъ выбирайте кого хотите свободно и мирно. Но такъ какъ вы не можете рѣшить вашего дѣла въ присутствіи двухъ соперниковъ, то выбирайте заочно, ибо одного изъ нихъ я вышлю временно съ ликторами за черту города.

Такъ рѣшилъ Претекстатъ, выслалъ Урсина изъ города и, утомленный дѣлами, выѣхалъ отдыхать къ морю, на вилу свою въ Пуццуоли, а христіане выбрали папой Дамаза.

Такая шумная жизнь не привлекала поэта, и Павлинъ проживалъ въ маленькой Нолѣ, украшая базилику и принося святому ежегодную поэтическую жертву.

Но настало тяжелое время. Въ народѣ пошли страшные слухи, говорили, что варвары перешли Рейнъ, и шопотомъ произносилось грозное имя Алариха.

И вотъ въ Нолѣ появились римскіе бѣженцы. То были аристократы, потомки знатныхъ фамилій. Въ Римѣ жить стало опасно. Уже по ночамъ на склонахъ Апенинъ

свѣтились костры и раздавались дикія пѣсни невѣдомыхъ варваровъ.

То шелъ Радагайзъ, свирѣпый язычникъ, придвинувшій къ Флоренціи передовые отряды. Испуганные бѣженцы толпились у Нолы, а Павлинъ попрежнему писалъ стихи Феликсу, моля его защиты среди грозныхъ нашествій. Внялъ Феликсъ молитвѣ, и на этотъ разъ св. Петръ защитилъ свой городъ. Съ радостью узнали бѣженцы въ Нолѣ, что Стилихонъ перешелъ съ легіонами горы, обошелъ и въ страшныхъ бояхъ погубилъ Радагайза и отѣснилъ при Палленціи непобѣдимаго Алариха. Воротились бѣженцы въ Римъ, но не надолго. Опять двигался медленно, но неотразимо, словно грозная туча на Римъ Аларихъ. И защищать городъ было ужъ некому: Стилихонъ былъ убитъ по приказанію императора.

Въ эти смутные дни выбрали жители Нолы Павлина епископомъ. Но Римъ былъ взятъ Аларихомъ, а вандалы разсыпались вокругъ Нолы. Теперь Павлину было не до стиховъ. Цѣлыми днями толпились около него женщины, прося выкупа плѣнныхъ, пересылавшихся въ Африку. И Павлинъ выкупалъ, выкупалъ до тѣхъ поръ, пока не растратилъ на это всего имущества своего и церковнаго. И когда ничего уже не осталось, пришла вдова просить выкупить сына, Павлинъ пошелъ къ варварамъ и, обмѣнявъ себя на плѣннаго, возвратилъ матери сына.

Такъ говорятъ старыя хроники. Впослѣдствіи выкупъ возвратилъ епископа Нолѣ, но объ его жертвѣ, объ ежегодныхъ стихахъ и добровольномъ рабствѣ, рѣдко вспоминаютъ люди въ хлопотливой и суетной жизни.

КРАСОТА.

(ГРУЗИНСКАЯ ЛЕГЕНДА).

1.

Въ нѣкоторомъ царствѣ чудный былъ городъ столичный. Былъ онъ богатъ непомерно, а старины такой, что людямъ и не за память. Говорятъ, что основаніе ему положилъ Михаилъ архангелъ для Адама и Евы, изгнанныхъ изъ райской обители. Царствомъ правила царица Магдана и прочила его малолѣтнему сыну царевичу Рустамелу. Царевичъ возрасталъ на всей своей волѣ и словно птица небесная ничего не зналъ о людскихъ горестяхъ. Такъ протекали года, и достигъ царевичъ отроческаго возраста въ двѣнадцать лѣтъ, злымъ на зависть, а добрымъ на радость. Былъ онъ храбръ и могучъ словно левъ и прекрасенъ, какъ солнце. И примѣтила разъ царица, что сынъ ея сталъ задумываться и грустить. Стала она его о томъ спрашивать, а онъ поблѣднѣлъ и молчалъ. Потомъ самъ ее сталъ вопрошать, говоря:

„Ты хочешь знать, что меня мучить? Скажи же мнѣ, гдѣ мой отецъ. У всѣхъ моихъ сверстниковъ есть отцы, у меня одного нѣтъ отца. Скажи же мнѣ, гдѣ мой отецъ?“

„Твой отецъ умеръ“.

„Умеръ? Что это значитъ? Что это такое — смерть?“

„Онъ въ землю вернулся“.

„Воротится ли онъ назадъ?“

„Нѣтъ, онъ не вернется. А мы, когда настанетъ нашъ

срокъ, умремъ и возьметъ всѣхъ насъ мать сыра-земля. Никто не избѣжитъ смерти. Такова воля Божія“.

„Но я не хочу быть зарытымъ. Не просилъ я жизни у Бога. Это Онъ мнѣ ее даровалъ, чтобы назадъ отнять. Это несправедливо, и я не хочу смерти. Я найду такую страну, гдѣ нѣтъ смерти и гдѣ людей не беретъ мать сыра-земля“.

И изъ царства своего отъ плачущей матери Рустамель ушелъ странникомъ и пошелъ куда глаза глядятъ искать по землѣ страны, незнающей смерти..

2.

Странствовалъ онъ годъ, и другой и третій, а все не нашелъ страны, гдѣ люди не умираютъ. Такъ прошло девять лѣтъ. Рустамель почти уже всю землю прошелъ и забрелъ въ голую, сѣрую степь. Кругомъ нѣтъ живой души, ни людей, ни звѣрей, ни птицъ небесныхъ. Одно солнце съ небесъ жжетъ раскаленную землю. И вдругъ, вдали, тамъ, гдѣ голубое небо сходится съ сѣрой землей, видитъ Рустамель черную точку. Подошелъ онъ къ ней поближе и видитъ, что это стоитъ олень на колѣняхъ, голову опустилъ, а рога его поднимаются къ облакамъ.

„Здравствуй, — молвилъ ему олень голосомъ чело-вѣческимъ. — Откуда ты идешь и куда?“

И рассказалъ ему Рустамель, зачѣмъ онъ странствуетъ по землѣ.

„Благодареніе Богу, — промолвилъ олень, — нѣтъ такой страны, гдѣ бы не было смерти. А я вотъ давно уже ея жду, а осужденъ жить и страдать въ этой пустынѣ, покуда рога мои не дорастутъ до самаго неба. Коли хочешь, останься со мной. Раньше моего не помрешь“.

„Я не хочу отсрочки. Я хочу жить вѣчно. Смерти-то я могъ бы дожидаться и дома“.

И оставилъ Рустамель оленя, и пошелъ странствовать дальше.

3.

Тянется, насколько видитъ глазъ, раскаленная степь безъ конца, а Рустамель все идетъ, и дошелъ туда, гдѣ синѣются горы. Внизу лѣса, а на вершинахъ острые утесы словно зубы врѣзаются въ облака. Пробился Рустамель сквозь лѣса дремучіе и дошелъ до скалистой вершины. Тамъ мертвая тишина и не слышно ни звука. Подъ ногами бездонная пропасть, а надъ головой мрачный утесъ. Только вдали что-то живое словно трепещется. Подошелъ Рустамель поближе и увидалъ огромнаго чернаго ворона. Сидитъ онъ на самой вершинѣ и клювомъ долбитъ, откалываетъ кусочки гранита.

„Издадека ли ты, — спрашиваетъ воронъ, — и куда держишь путь?“

Разсказаль ему все про себя Рустамель, и задумался воронъ.

„Нѣтъ, — говоритъ, — не слыхаль я про такую страну, гдѣ не знали бы смерти. Коли хочешь, останься со мной. Я присужденъ жить до тѣхъ поръ, покуда не засыплю пропасти камушками, что отламываю я своимъ клювомъ. Крупнѣе орѣха камушка клювомъ не отобьешь, и покуда я не засыплю пропасти, ты все будешь жить, Рустамель“.

„Нѣтъ, не того я ищу. Что за радость сознать приближеніе смерти со стукомъ каждаго камушка, что ты въ пропасть бросаешь?“

И пошелъ Рустамель дальше. Десятый годъ его странствій кончался, когда онъ перешелъ горы и дошелъ до конца земли.

4.

Передъ нимъ безъ конца безъ краю неоглядное море, лишь волны плещутся у его ногъ съ тихимъ ропотомъ. А вдали, гдѣ море сходится съ небомъ, свѣтится что-то неземнымъ блескомъ. И не могъ отвести очей Русталемъ отъ того свѣта, и все смотритъ на него заколдованный. И самъ онъ не знаетъ, какъ это вышло, только подхва-

тила его съ земли нездѣшная сила и понесла къ этому, лаской манящему свѣту.

5.

Въ легкой пѣнѣ засверкалъ передъ нимъ дворецъ изъ алмазовъ. А по срединѣ дворца на розовомъ облакѣ сидѣла красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, что затмѣваетъ собой солнечный блескъ. Повернулась къ нему красавица и промолвила:

„Зачѣмъ ты пришелъ сюда, смертный?“

„Я не знаю, кто ты, но я вѣрю и чую, что это тебя искалъ я по свѣту, черезъ тебя я страдалъ и для тебя пришелъ на край свѣта“.

„Ты ищешь безсмертія, и не обмануло тебя твое сердце. Только у меня и со мной можно не познать смерти. И въ первый день творенія я была такой, какъ теперь, и такой же буду въ послѣдній часъ міра. Зовутъ меня Красотой. Во мнѣ счастье для всякой жизни и для всего міра. Но жить во мнѣ и для меня одной, повѣрь мнѣ, выше силъ человѣка. Безсмертія сохранить въ себѣ люди не могутъ. Изъ земли ты созданъ, должникъ ты землѣ, и въ землю отыдешь. Непобѣдимая для людей сила земли заставляетъ ихъ платить ей долги. Если хочешь, оставайся со мной. Покуда ты не соскучишься, ты не будешь въ долгу у земли. Порогъ моего дворца недоступенъ для смерти.“

Ничего не смогъ отвѣтить на то Рустамель. Какъ въ заколдованномъ снѣ не могъ онъ отвести очей отъ сіяющей передъ нимъ Красоты.

6.

Тысяча лѣтъ прошло словно тысяча малыхъ секундъ. И затосковалъ Рустамель безысходной тоской, точно копилась она цѣлое тысячелѣтіе. И взмолился онъ Красотѣ:

„Вотъ ужъ давно не видалъ я ни матери, ни родныхъ, ни друзей, ни страны, гдѣ родился и выросъ. Давно я уже

бросилъ для тебя все, что мнѣ дорого. Пусти меня хоть на минуточку повидать моихъ близкихъ, и я вернусь къ тебѣ навсегда“.

Вздыхнула на эти слова Красота и промолвила:

„Знаю я силу земли. Не дано ее побѣдить людямъ. Ступай, и будетъ твоя доля общею долею людей. Только помни, что ты пробылъ со мной сотую часть кусочка вѣчности, — тысячелѣтіе для людей. Отъ тѣхъ, съ кѣмъ жилъ ты когда-то, теперь ужъ и косточекъ не осталось“.

„Что ты? Я пробылъ здѣсь только минуту“.

„Ступай и узнаешь. Но если, вернувшись въ вашъ міръ, ты захочешь пережить земной жизнью года, что прошли безъ тебя, понюхай вотъ этотъ красный цвѣтокъ. Если же ты поймешь благодать смерти для людей, — вотъ тебѣ другой бѣлый цвѣтокъ. Тогда положи его себѣ на лицо. Ступай себѣ съ миромъ. Ступай.“

7.

На берегу моря бѣлый, раскаленный солнцемъ песокъ, голые утесы и скалы, а у берега вѣчный шумъ и угрожающій ревъ морскихъ волнъ. Надъ волнами мелькаютъ бѣлыя крылья морской птицы, и въ ея жалобномъ крикѣ долго-долго слышитъ Рустамель слово: прощай, прощай, прощай! Скрылась птица морская и замерло вдали прощальное слово.

8.

Опять страчникомъ идетъ Рустамель по доламъ и горамъ. Вотъ дошелъ онъ уже до того мѣста, гдѣ воронъ зарабатывалъ себѣ смерть. И нѣтъ уже тамъ ни пропасти, ни утесовъ. Все сравнялось въ сплошную долину. Воронъ спряталъ голову подъ крыло и лежитъ на маленькомъ камушкѣ. Тронулъ его Русталемъ, и воронъ рассыпался прахомъ. Заслужилъ, видно, онъ свою смерть. Набрелъ Рустамель въ пустынь на разсыпанныя желтыя кости

оленя. Его рога коснулись неба, развалился его черепъ, и олень заслужилъ свою смерть.

9.

Съ тоскливымъ предчувствіемъ торопится Рустамель итти дальше. Вотъ и родная страна. Тѣ же горы, тѣ же долины и рѣки, только все, что отъ людей зависѣло, теперь незнакомо. Тамъ, гдѣ тянулась пустыня, выросли села и города, тамъ, гдѣ въ дремучихъ лѣсахъ даже звѣрей не было слышно, теперь раскинулись поля, и пахарь поетъ пѣсню за плугомъ. Да и люди стали другими. Рустамель дивится ихъ странной одеждѣ и не понимаетъ ихъ языка. Узнаетъ Рустамель горы родныя, гдѣ бѣгалъ онъ мальчикомъ, но гдѣ жъ теперь, среди этихъ горъ славная его царства столица?

Кругомъ все тихо, и повсюду гряда развалинъ. Уцѣлѣла среди развалинъ только старинная бѣдная церковь, да рядомъ съ ней жалкій домишко. На порогѣ сидитъ старенькій попъ, а кругомъ тишина и молчаніе.

Подошелъ къ нему Рустамель и спросилъ:

„Скажи мнѣ, отецъ, гдѣ же здѣсь городъ царицы Магданы? Жива ли она еще? Вѣдь ты-ее знаешь, конечно. А меня развѣ ты не узналъ? Я Рустамель, сынъ царя, вашъ будущій повелитель. Вѣдь ты помнишь, конечно, какъ я ушелъ странствовать, не хотѣлъ признать власти смерти. Недавно то было“.

И отвѣчалъ ему попъ:

„Прохожій, я съ трудомъ твои слова понимаю. Ты говоришь такимъ языкомъ, какой встрѣчается только въ нашихъ самыхъ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. Я слышалъ сказаніе о царицѣ Магданѣ. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ ея городъ и что былъ у нея сынъ Рустамель. Въ сказаніи говорится, что сынъ ея ушелъ и пропалъ, а царство погибло. Говорятъ, развалинамъ этимъ болѣе тысячи лѣтъ“.

Потупился въ тоскѣ Рустамель.

„Вѣчная тайна временъ. Кажется, только вчера я рѣз-

вился и бѣгалъ по этой землѣ, цѣловалъ родимую мать и забавлялся съ ребятами. А что я теперь? Позабытая сказка, спрятанная въ темномъ сказаніи. Вернись же ко мнѣ, прошлое время!“

И Рустамель понюхалъ красный цвѣтокъ.

11.

И пережилъ Рустамель сначала до конца всю тысячу лѣтъ, и прошла передъ нимъ эта тысяча, какъ минута.

12.

Увидали однажды на камняхъ что-то сѣрое, покрытое гробовой пылью, полувывсохшія кости съ присохшей на нихъ кожей. И эта страшная сѣрая куча еле слышнымъ шепотомъ призывала попа. Услыхалъ попъ голосъ, похожій на шелестъ высохшихъ листьевъ.

„Мой бѣлый цвѣтокъ, мой бѣлый цвѣтокъ! Дай мнѣ скорѣй радость и покой смерти“.

И смерть покрыла Рустамела крылами покоя. Собрались крестьяне и благочестиво предали мать-сырой землѣ того, кто прежде звался Рустамеломъ и кто такъ жадно искалъ безсмертія на землѣ.

ИЗЪ АЛЬБОМА ЖИРОНДЫ.

СРЕДИ ХОЛМОВЪ.

Среди холмовъ Жиронды дальней
Родныя снятся мнѣ селенья,
И все тѣснѣе и печальнѣй,
Все ближе милья видѣнья.
Чужое все: и сѣть тумана,
И солнцемъ залитыя лозы,
Рѣка съ дыханьемъ океана,
Вдали блистающія грозы.
Но мысль не скована пространствомъ;
Отъ этихъ радостныхъ холмовъ
Съ ихъ экзотическимъ убранствомъ
Она бѣжитъ въ страну отцовъ,
Туда, гдѣ ужасъ преступленья
Покрылъ крылами черный годъ,
Карая въ мукахъ искупленья
Лжецамъ повѣрившій народъ.
Пусть то, что сѣяли мы съ ложью
Теперь слезами не стереть,
Но сердцемъ чужа правду Божью,
Мнѣ бы хотѣлось умереть
Въ странѣ отцовъ, въ странѣ мнѣ милой,
Гдѣ правда снова оживетъ
И на безвѣстныя могилы
Благословеніе сойдетъ.

ПРАЗДНИКЪ.

— Гарсонъ, бѣлаго вина, пожалуйста.

Мы усѣлись за простой, ничѣмъ не накрытый столикъ, выставленный передъ кафе „Beau Sejour“. Цѣлый рядъ такихъ же столиковъ занимался публикой постепенно. Это было совсѣмъ своевременно: бродячіе музыканты, сопровождаемые толпой слушателей, приближались. Довольно мрачнаго вида кафе, съ бильярдомъ, лубочнымъ портретомъ президента Лубэ и царя Николая II-го, изображенными вмѣстѣ, съ давно потемнѣвшей патриотической надписью, — обычно бывало пустынно. Заходили рабочіе выпивать стаканчики аперетивовъ, да вечеромъ мѣстный кузнецъ, бочаръ да еще кое-кто изъ ремесленниковъ, сидели играть въ карты да распить бутылочку-другую вина. Но теперь — дѣло другое.

Сень-Капрэ празднуетъ тринадцатаго августа свой мѣстный праздникъ. Совершенно такой же, какой празднуютъ, поочередно, всѣ коммуны или села Жиронды. Незбѣжная карусель, съ лодочками и лошадками, на которыхъ крутится молодежь, безпроигрышныя лотереи, гдѣ вы можете за пятьдесятъ сантимовъ выиграть блюдечко, свистульку или перекошенный стаканъ — вещи, съ которыми потомъ обычно не знаютъ куда дѣваться. Но главная гордость и приманка всякаго мѣстнаго праздника, — это конечно, бальный залъ.

Залъ для танцевъ заранѣе строится изъ досокъ и украшается гирляндами. Будетъ два бала, — балъ дневной и ночной, и молодежь натаицуется вволю. Пусть старухи въ темныхъ наколкахъ ворчатъ, что нынѣшняя молодежь

не умѣетъ веселиться, пусть этой молодежи немного, потому что городъ тянетъ ее къ себѣ весельемъ и легкимъ хлѣбомъ, — за то та, которая есть, будетъ плясать до упаду. Кадрили, и вальсы и новые танцы будутъ смѣняться съ обѣда до ужина, а потомъ — ночной балъ до блѣдной полоски разсвѣта...

И вотъ, вечеромъ, въ антрактѣ между балами, мы сидимъ передъ кафе. Приближаются музыканты. Публика тѣснится передъ кафе, толпится за оградой старинной церкви, противъ которой пріютилось наше учрежденіе, — и все кругомъ приготовилось слушать. Кажется даже, что огромные кипарисы, окружившіе церковь и кладбище, да и сама старая-старая церковь, — насторожились. Музыка! Развѣ часто раздается она въ селѣ? Разъ или два въ годъ, и съ тѣмъ большей силой овладѣваетъ она слушателями. Что это? Отрывокъ изъ „Карменъ“ въ бѣдномъ, правда, исполненіи, но взгляните, какъ вдругъ ожили лица слушающихъ. И если кто остается равнодушнымъ, такъ это живые пюпитры. Въ самомъ дѣлѣ передъ каждымъ музыкантомъ стоитъ мальчикъ или дѣвочка съ раскрытыми нотами и скучающимъ видомъ. Но вѣдь они столько разъ это слышали. Они чувствуютъ себя, вѣроятно, профессионалами. Два жандарма лѣниво гуляютъ по улицѣ. Это тоже неизбежный аксесуаръ праздника. Но дѣлать имъ нечего. Остается, глядя на другихъ, спросить и себѣ бутылочку въ такую жару. За сосѣднимъ столикомъ слышны отрывочные разговоры объ урожаѣ винограда, о недостаткѣ рабочихъ рукъ, о дороговизнѣ. Все будничные, мужицкіе разговоры о текущей кругомъ жизни. Изрѣдка развѣ ктонибудь выругаетъ нѣмцевъ. Вздохнетъ и скажетъ:

— А все проклятые боши надѣлали.

А молодежь флиртуетъ. Слышатся недомолвки и наивные комплименты, въ которыхъ блескъ глазъ, говоритъ краснорѣчивѣе словъ... Со всѣхъ сторонъ приближается ночь. Кажется, что она надвигается по шоссе, гоня передъ собой тьму, падаетъ сверху. Въ полумракѣ надъ старинной колокольной проносятся тѣнями встревоженные ласточки. Настаетъ тишина. Все молчитъ кругомъ. — молчимъ и мы

оба, — я и мой товарищъ. И такъ хорошо думается въ этой тишинѣ. Мой другъ облокотился о столъ и о чемъ-то глубоко задумался.

— О чемъ это ты?

— Такъ. Хорошо. Только развѣ мы о здѣшнемъ съ тобою думаемъ?

Разумѣется, нѣтъ. Вотъ и теперь передо мной проносятся неясные образы. Не то большихъ базаровъ въ степномъ селѣ, не то этихъ мелкихъ, когда-то веселыхъ деревенскихъ ярмарокъ. Вспоминается запахъ дегтя и конопли, рѣзкіе звуки гармоники и отдаленный хриплый бой перепела въ заснувшей степи.

Когда, въ глубокой уже темнотѣ, мы уходили домой, ночной балъ только что начинался. Съ разныхъ сторонъ спѣшили къ нему влюбленные парочки, гулявшія по окрестностямъ...

На душѣ было легко и хотѣлось послать благословеніе всякой человѣческой радости, рѣдкой гостьѣ среди злобы, тоски и работы...

ПОТЕРЯННЫЙ СЮЖЕТЪ.

Англійскій чай, заваренный въ чайникѣ, разумѣется не веселое русское чаепитіе за самоваромъ. И вотъ такой-то чай пилъ я въ одиночествѣ, примостившись въ тѣни дерева въ жаркій и тихій лѣтній вечеръ. И виноградники по склонамъ холмовъ и бѣгущая внизу Гаронна, — все въ это время было мнѣ чуждо до странности. Мысль, не знающая ни визъ, ни путей сообщенія, ни пространства, витала далеко. Передъ ней вставали родныя степи съ тѣмъ просторомъ и плодородіемъ, которые, казалось, сулили довольство. И вставали, разбросанныя по этимъ степямъ, лохматые и бѣдные села. Что-то теперь тамъ? Все ли еще убиваетъ людей голодъ и все ли еще льется потоками кровь? О, если бы можно было тамъ теперь помогать и работать. Почему столько людей не имѣютъ права дышать роднымъ воздухомъ? Безотвѣтные, праздные, но невольные вопросы, печалью томящіе cadaго изъ изгнанниковъ, печалили и меня. И полный воспоминаній и грусти, пилъ я вечерній чай въ чужой странѣ.

И какъ разъ въ эту пору онъ вошелъ, протиснувшись какъ-то бокомъ въ калитку. Совсѣмъ молодой человекъ, совсѣмъ прилично одѣтый. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я русскій... Услыхалъ, что здѣсь русскій и пришелъ. Зовутъ меня Федичкинъ, Иванъ Петровичъ Федичкинъ.

Боже мой, русскій! Это такая радость, радость родного лица, родной рѣчи и навѣрное общаго горя.

— Садитесь пожалуйста. Выпьемъ чайку. За чаемъ,

сами знаете, по нашему обычаю разговоръ клеится лучше.

— Благодарю васъ, я съ удовольствіемъ. Вотъ встрѣтилъ земляка совсѣмъ неожиданно. И такъ поговорить хочется по нашему, по хорошему.

И онъ дѣйствительно разговорился. Мнѣ оставалось изрѣдка вставить словечко.

— Моя исторія, — говорилъ онъ, — съ большими приключеніями. Да и у кого изъ бѣженцевъ не было ихъ. Самъ я изъ города Харькова, тамъ и учился въ городскомъ училищѣ, а потомъ служилъ приказчикомъ въ мануфактурномъ магазинѣ. Н. Изволите знать? Какже, богатѣйшіе купцы, первые по нашему городу. Магазины на Сумской и на Екатеринославской и имѣніе въ Зміевскомъ уѣздѣ. Очень богатая фамилія. Ну я, разумѣется, человекъ бѣдный. Насъ у матушки-вдовы, — изъ бѣдныхъ торговцевъ она, — трое дѣтей, я, да двѣ сестры. Старшая, Лена, съ матушкой шитьемъ занимаются, а младшая, Катя, еще въ училище бѣгала. Я у нихъ, такъ сказать, главная помощь. И ничего себѣ, — жили. Я до ста рублей въ мѣсяцъ получалъ, по тогдашнему времени деньги хорошія. И вдругъ революція. Грабь, говорятъ, награбленное. Я говорю, эту мануфактуру не грабили, а съ товарными поѣздами изъ Москвы получали. Да куда тебѣ! Мануфактуру эту самую реквизировали, тутъ же большую часть растащили, хозяева куда-то бѣжали, а я попалъ въ красную армію. И мама и Лена только плакали. Лена меня передъ уходомъ образкомъ благословила, точно чувствовала, что не увидимся больше. Ну вотъ и сталъ я красноармейцемъ. Маркса никогда не читалъ, а воюю, за что — неизвѣстно. Жили мы всѣ грабежомъ, да и бѣлые грабили также. Сдались мы какъ-то въ плѣнъ и стали бѣлогвардейцами. Господи, что за все это время вынесли мы всѣ да и весь народъ, этого просто вообразить невозможно. И, наконецъ, мы бѣлогвардейскіе, разбѣжались и разсѣялись по всѣмъ землямъ. Для Россіи я сталъ теперь потерянный сюжетъ. Да и для Франціи, хотя я здѣсь и устроился хорошо, я еще не сюжетъ.

— Гражданинъ, поправилъ я его.

— Это все равно. А сколько таких сюжетовъ здѣсь погибло и погибаетъ, если бы вы знали. Я-то какъ-то вдругъ женился здѣсь. У тестя въ Бордо маленькій отель и быстро, живемъ очень хорошо, сытно, заходите какъ-нибудь къ намъ, сами увидите...

Когда, вдоволь наговорившись, мой гость уходилъ, мѣстная служанка замѣтила:

— Это тотъ русскій, который женился на нашей французкѣ. Я ее знаю. У ея отца былъ тутъ виноградникъ. Онъ его продалъ и переѣхалъ въ городъ. Очень ужъ она некрасива, да и исторія у нея была тутъ съ парнемъ однимъ...

Какъ-то недавно я навѣстилъ моего новаго знакомаго. Отель состоялъ изъ трехъ комнатъ, а внизу было быстро, — обыкновенный типъ французскаго кабачка. Толстая и очень некрасивая молодая женщина сидѣла за стойкой и считала сантимы. Федичкинъ наливалъ аперитивы обычнымъ посѣтителямъ — шоферамъ, рабочимъ, извозчикамъ. Все носило самый мирный характеръ и ясно было, что изъ-за этого не стоило ни подъ красными ни подъ бѣлыми знаменами драться. Федичкинъ во всякомъ случаѣ устроился и былъ бы совсѣмъ доволенъ, если бы не тоска по родинѣ, матери и Леночкѣ, о которой онъ никакъ не могъ добиться никакихъ свѣдѣній.

— Потерянный я сюжетъ и ничего больше, — грустно говорилъ онъ, угощая меня яичницей. — Замѣчаете, я и языкъ свой понемногу забывать начинаю.

Но родина не считала тогда, да и не могла считать могучихъ и ничтожныхъ, талантливыхъ и заурядныхъ потерянныхъ ею людей. Потому что поистинѣ человѣческая жизнь какъ трава, или цвѣтъ на травѣ, а итоги общественной жизни подводитъ исторія, которая все еще ничему не можетъ научить человѣчество.

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

Разговоръ, какъ это бываетъ между мало знакомыми людьми, перескакивалъ съ темы на тему. Я сидѣлъ въ маленькомъ ресторанѣ на самомъ берегу Гаронны за чашкой кофе, смотрѣлъ на пылающій закатъ солнца и разговаривалъ съ знакомымъ французомъ. Онъ очевидно старался меня занимать. И потому, подумавъ немного, вдругъ объявилъ мнѣ:

— Ручаюсь, что по поводу того, что я вамъ сейчасъ расскажу, вы непременно скажете мнѣ: не можетъ быть. И это потому, что жизнь иногда бываетъ гораздо фантастичнѣе самаго пылкаго человѣческаго воображенія.

И, прихлебнувъ кофе, французъ началъ рассказывать:

— Это случилось у насъ ровно сто лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ было даже на дняхъ въ мѣстной газетѣ. Жилъ тогда въ Бордо матросъ, по имени Кабрисъ. Во время войнъ великаго императора онъ попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Потомъ, какъ-то освободившись, сталъ служить на китоловномъ суднѣ и пошелъ въ дальнее плаваніе. И вотъ, можете себѣ это вообразить, (я могъ себѣ это вообразить) у острова Нукагивы ихъ судно разбилося о скалы и весь экипажъ былъ немедленно съѣденъ туземцами, потому что на Маркизовыхъ островахъ, вообразите себѣ и это (я вообразилъ себѣ и это) жили тогда людоеды. Съѣли они всѣхъ до одного кромѣ Кабриса, который приглянулся дочери ихняго короля Валкамайки. Вотъ и предложили тогда Кабрису на выборъ: или быть съѣденнымъ, или жениться на этой Валкамайкѣ. И вообразите себѣ, (я безъ труда это вообразилъ) онъ выбралъ женитьбу. И тогда

самъ король въ знакъ почета продѣлъ ему перо въ ноздрю и татуировалъ лѣвую щеку. Хорошо, должно быть, былъ французскій матросъ съ такимъ украшеніемъ. Такъ и сталъ нашъ Кабрисъ королевскимъ зятемъ, прижилъ дѣтей, жилъ совсѣмъ недурно и только вотъ никакъ не могъ привыкнуть къ человѣческому мясу. Но вѣдь бѣда приходитъ всегда неожиданно. И вдругъ къ острову присталъ вашъ знаменитый мореплаватель Крузенштернъ. Тутъ-то вотъ все и перевернулось вверхъ дномъ для нашего матроса. На островѣ начались какія-то дикарскія интриги, у Кабриса оказались враги и соперники и на него посыпались жалобы. Крузенштернъ разсудилъ скоро и просто. Взялъ онъ съ собой Кабриса, увезъ его дальше и безъ всякихъ съ нимъ совѣщаній и разговоровъ высадилъ на Камчаткѣ.

Вотъ и сталъ бордосскій матросъ пробираться черезъ всю Сибирь и Россію безъ денегъ, да и безъ языка, которому онъ кое-какъ по дорогѣ учился. Какъ-то онъ все-таки добрался до Петербурга, а ужъ тамъ совсѣмъ неожиданно сдѣлался учителемъ плаванія въ морскомъ училищѣ.

Согласитесь, что это болѣе чѣмъ удивительная судьба! (Я поспѣшилъ согласиться). Но его тянуло на родину и онъ ни за что не хотѣлъ остаться въ Россіи. Какъ то онъ все таки пробрался во Францію.

Но какъ и чѣмъ, спрашивается, могъ онъ здѣсь жить безъ родныхъ и знакомыхъ, безъ гроша денегъ послѣ такихъ удивительныхъ приключеній? И вотъ онъ сталъ показываться въ Бордо въ балаганѣ, представляя татуированнаго дикаря. Недолго однако довелось ему жить на родинѣ. Зимой простудился онъ въ Валансьенѣ и умеръ въ больницѣ, вспоминая, можетъ быть, жаркое небо Нукагивы и ласки дорогой ему Валкамайки.

Разсказъ былъ конченъ. Французъ прилебывалъ кофе и смотрѣлъ на меня вопросительно. Очевидно онъ ждалъ.

Я вынулъ тогда изъ кармана документъ, который и прочиталъ ему въ переводѣ.

„Августа 7-го 1919 года выдано сіе удостовѣреніе казаку хутора Мѣшкова станицы Казанской Гаврилѣ Тро-

фимову въ томъ, что онъ былъ разстрѣлянъ. Очнулся онъ промежъ труповъ въ подвалѣ и выползъ оттуда съ разбитой головой. За буржуйность передъ товарищами страдалъ и впредь его не разстрѣливать. Комиссаръ Иванъ Шигаевъ“.

Мой знакомый оттолкнулъ кофе, поднялся съ мѣста и произнесъ:

— Не можетъ быть.

Я рассказалъ ему потомъ, какъ этотъ казакъ бѣжалъ на лодкѣ по Черному морю, какъ онъ перебивался въ Турціи и на островахъ архипелага и съ какими приключеніями добрался, наконецъ, до Франціи... Мой знакомый былъ, разумѣется, совершенно правъ въ томъ, что жизнь иногда бываетъ гораздо фантастичнѣе самаго пылкаго человѣческаго воображенія. Особенно во время массоваго безумія, — во время войнъ, бунтовъ и революцій.

ОХОТНИКЪ.

Господинъ Жиродель имѣлъ двѣ специальности. Онъ былъ парикмахеромъ въ Камбѣ и кромѣ того дѣлалъ сабо, тѣ деревянные башмаки, которыми стучать въ Жирондѣ восемь мѣсяцевъ въ году до жаркаго мая, когда замѣняютъ ихъ туфлями. Поневолю приходится имѣть два ремесла, когда парикмахерская среди недѣли пустуетъ. Другое дѣло — суббота и праздничный день до обѣда. Тутъ все полно и устанавливается длинная очередь. И виноградаря, и поденные, и лавочники, и ремесленники, — всѣ хотятъ бриться. И на помощь господину Жиродель приходитъ тогда госпожа Жиродель. Она иногда бреетъ, но самыхъ нетребовательныхъ, но всегда раздѣляетъ трудъ своего мужа. Два щетинистыхъ лица обычно глядятся въ два зеркала. Одну щетину съ чрезвычайной быстротой снимаетъ господинъ Жиродель, а другого въ это время усердно намыливаетъ госпожа Жиродель. Онъ бреетъ, а она намыливаетъ. Такъ и идетъ это безостановочно, и лента ожидающихъ уменьшается, занимая освободившійся стулъ.

Госпожа Жиродель намыливаетъ угрюмо и молча. Господинъ Жиродель жестикулируетъ и болтаетъ безостановочно. Такъ ужъ это вездѣ устроено, что парикмахеры отличаются необыкновенной подвижностью и любознательностью. И господинъ Жиродель знаетъ рѣшительно все до мельчайшихъ подробностей въ жизни каждаго, кто живетъ не далѣе двадцати километровъ отъ его учрежденія. Госпожа Жиродель иногда скептически улыбается и при первой возможности удаляется къ своей кухнѣ и заботамъ объ единственной дѣвочкѣ, начавшей уже посѣщать школу. Въ самомъ дѣлѣ, сколько мелкихъ домашнихъ заботъ, такъ мало крошечныхъ радостей и такъ много большихъ

огорченій, а тутъ еще намыливаніе сѣдыхъ и черныхъ щетинъ и постоянная помощь при работѣ сабо. Развѣ пойдетъ тутъ на умъ веселая болтовня?

А господинъ Жиродель рассказываетъ своимъ посѣтителямъ, что благородное искусство парикмахера, въ которомъ онъ такой мастеръ, и производство сабо, — это только такъ, печальная необходимость зарабатывать деньги. Что же вы хотите? Надо же чѣмъ нибудь жить, когда имѣешь жену и ребенка... Жена оставляетъ на секунду чью-то намыленную щеку и глядитъ на него иронически. Ну и пусть ее глядитъ какъ ей будетъ угодно. А всетаки ремесло — это такъ, между прочимъ, а по призванію онъ настоящій охотникъ. И онъ начинаетъ рассказывать о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ въ ландахъ стрѣлялъ кабановъ. Одинъ выскочившій на него кабанъ былъ вотъ какой. И господинъ Жиродель съ бритвой въ рукѣ дѣлаетъ скачекъ въ парикмахерской, показывая размѣры ужаснаго звѣря.

— Ого-го-го! — весело гудятъ кругомъ посѣтители.

— И моя пуля пробила ему голову, — скромно добавляетъ господинъ Жиродель, наклоняясь къ намыленной щекѣ ожидающаго кліента.

— Гмъ! Но вѣдь ты стрѣлялъ не одинъ, — иронически замѣчаетъ супруга.

— Ну что-жъ, что я стрѣлялъ не одинъ. Я говорю именно про свою пулю, которая пронизала голову кабану.

И онъ торжествующе оглядываетъ посѣтителей словно хочетъ сказать:

— Подите жъ вы съ этими бабами! Извѣстно, что онѣ склонны думать, что мушоны ихъ хотятъ обмануть. Да и что онѣ вообще могутъ понимать въ охотѣ?

И господинъ Жиродель, не оставляя заботъ о кліентахъ, продолжаетъ свои героическіе рассказы.

А съ начала августа онъ замѣтно начинаетъ нервничать. Къ пятнадцатому, къ Успенъеву дню, ожидается разрѣшеніе охоты. Да и не одинъ онъ оживляется ожиданіемъ. Въ Камбѣ много охотниковъ, можетъ быть даже нѣсколько больше, чѣмъ дичи. Дичь составляютъ: мали-

новки, красношейки и воробьи. Какъ рѣдкость залетаетъ иногда дроздъ, изрѣдка попадетъ кукушка. Говорятъ, что внизу, у рѣки, будто бы можно встрѣтиться съ перепелкой. И когда иностранцы, видя на заборѣ крошечнаго виноградника надпись: „проходъ и охота воспрещены“, — удивляются, они обнаруживаютъ только непониманіе. Развѣ въ этотъ садикъ не можетъ залетѣть воробей? Скажите пожалуйста!

Пятнадцатаго августа большой охотничій праздникъ. Съ ранняго утра, вооруженные до зубовъ, разсыпаются охотники во всѣхъ виноградникахъ и окрестностяхъ Камбъ. Слышатся частые выстрѣлы и похоже, что гдѣ-то вдали ведетъ наступленіе непріятель. Къ вечеру Жиродель, измученный жаркимъ солнцемъ и такими же жаркими мечтами, останавливается отдохнуть. Онъ ложится на холмѣ въ тѣни густо растущихъ каштановъ. Солнце склоняется къ западу, и видна широкая, въ этотъ часъ огнемъ пылающая лента Гаронны. Внизу раскинулась деревушка Эсконакъ. Вдали, въ золотой пыли, темной массой выступаетъ городъ Бордо, врѣзаясь въ небо колокольной св. Михаила.

Жиродель счастливъ. Въ мечтахъ стрѣляетъ онъ кабановъ въ Ландахъ. Всѣ прочитанные имъ охотничьи рассказы, оживаютъ въ его памяти. То кажется ему, что онъ подкарауливаетъ львовъ африканской пустыни, то избиваетъ сотнями гусей въ холодныхъ озерахъ непостижимой ему Россіи... Такъ лежать—это счастье. Счастье отъ жаркаго солнца Жиронды и такого жаркаго воображенія гасконца. А жизнь — съ ея сабо, съ ея черными и сѣдыми щетинами, — какая это мелкая, томящая скука.

Вечеромъ возвращается Жиродель домой и, вынимая изъ сумки двухъ воробьевъ и малиновку, говоритъ женѣ торжествующе:

— Вотъ славная дичь. Это очень хорошо, если зажарить ее а ла брошь.

Госпожа Жиродель ставитъ на столъ бутылку вина, супъ изъ тыквы и говоритъ ласково:

— Ты однако порядкомъ усталъ. Садись скорѣй обѣдать...

ВЕРДЕЛЭ.

...Изъ Кадильяка мы рѣшили пройти пѣшкомъ около десяти километровъ. Стояла августовская жара необычайно знойнаго лѣта. Когда медленный и грязный трамвай подвозилъ насъ къ Кадильяку, надъ этимъ стариннымъ, утопающимъ въ виноградникахъ городкомъ стелился раскаленный, удушающій дымъ: это за рѣкой въ Ландахъ горѣли лѣса. На другой день стало свѣжѣе. За ночь покрупалъ маленькій, давно жданный дождь. Словно умытый стоялъ древній городокъ среди окружающей его зелени. Мы вышли на шоссе и замелькалъ передъ нами привычный пейзажъ: холмы и долины, готическія колокольни церквей, замки, — этотъ рѣдкій остатокъ старины, и виноградъ, виноградъ безъ конца. И когда мы спросили дорогу, то намъ отвѣтили:

— Все прямо, совсѣмъ прямо, до распятія, стоящаго на дорогѣ. Тогда повернете налѣво и сейчасъ же вы будете тамъ.

Этотъ путь — одинъ изъ извѣстныхъ въ Жирондѣ. Сколько людей проходятъ его пѣшкомъ издалека, сколько автобусовъ и телѣгъ, нанятыхъ людьми въ складчину, слѣдуютъ по этому же пути. И вотъ теперь, жадные до наблюдений, мы шли по немъ съ товарищемъ въ чужой сторонѣ. Обгоняя пѣшихъ и перегоняемые набитыми людьми телѣгами, мы шли въ Верделэ, эту святыню, этотъ маленькій Лурдъ Жиронды. Намъ хотѣлось видѣть этотъ храмъ и это изображеніе Богоматери, у котораго столѣтіями совершаются чудеса и къ которому столѣтіями же сносятъ люди свои надежды и вздохи, свои слезы и по-

каянiе. Мы шли молча, изрѣдка обмѣниваясь замѣчанiями. Мой скептически настроенный другъ выражалъ сомнѣнiе въ цѣнности покаяннаго настроенiя у людей.

— Сначала грѣшатъ, грѣшатъ безудержно, а потомъ испугаются возмездiя и начинаютъ каяться. А другiе каются на всякой случай. Если только есть или будетъ возмездiе, то на этотъ случай недурно.

— Всяко, вѣроятно, бываетъ, — возражалъ я. — Ложь навсегда останется ложью, но изъ всѣхъ человѣческихъ образовъ нѣтъ навѣрное болѣе трогательныхъ, чѣмъ образы кающейся грѣшницы и разбойника...

И мы все шли, шли впередъ, обгоняемые торопившимися людьми. Вотъ и крестъ на дорогѣ. Теперьhalbво не болѣе полукилометра, — и вотъ оно, это маленькое селенiе Верделэ.

Широкая аллея ведетъ прямо къ красивому храму, куполь котораго увѣнчанъ статуей Лурдской Богоматери. Въ храмѣ служба, смѣняющая другую и благоговѣйная тишина. Люди шепчутъ молитвы, и едва уловимъ этотъ шопоть, какъ шелестъ какой-то отдаленной травы. Тихо и медленно пробираясь, мы читаемъ на мраморныхъ доскахъ по стѣнамъ записи исцѣленiй. Есть и новыя, и старинныя и совсѣмъ древнiя. Вотъ эта, на примѣръ, архаическимъ начертанiемъ повѣствуетъ о томъ, какъ разслабленная Генриета де Пюйо, принесенная въ храмъ, помолясь передъ Мадонной, встала здоровой въ 1354 году... И еще другiя, много другихъ надписей, пестрящихъ годами вплоть до нашего времени.

Изъ храма идутъ поклониться распятiю на ближайшей холмъ. И этотъ путь называется крестнымъ, потому что вся дорожка къ распятiю обставлена нишами съ скульптурными изображенiями страданiй Христа. Здѣсь нѣтъ художественныхъ произведенiй. Грубо выражена наивная вѣра. И, наконецъ, на самой вершинѣ холма три огромныхъ распятiя. И на нихъ лежитъ отпечатокъ примитивно-наивной вѣры. Вотъ отчего, можетъ быть, одинъ изъ разбойниковъ бѣлый, а другой коричневый, съ звѣрскимъ лицомъ.

Поднявшись на этотъ холмъ, мы вдругъ оба остано-

вились отъ изумленія. Непривычный въ Жирондѣ пейзажъ разстилался подъ нами. Далеко-далеко, поскольку видѣлъ глазъ, лежала ровная долина, утопая въ сизоватомъ туманѣ, какъ наша родная, далекая степь. Мы долго любовались неожиданнымъ зрѣлищемъ и опять обернулись къ крестамъ. Передъ ними теперь никого уже не было. Передъ крестомъ Христа маленькая площадка, вытоптанная въ травѣ ногами молящихся. Сколько вздоховъ, надеждъ и молитвъ возносилось передъ этимъ крестомъ.

И вспомнился мнѣ почему-то вдругъ крестный ходъ въ нашемъ степномъ селѣ, и икона Богоматери, и вздохи, и шопоты и молитвы къ „заступницѣ усердной“... Должно быть мало для труда и повседневныхъ заботъ, злобы и нищеты, богатства и преступленій...

Къ вечеру того же дня, усталые, вернулись мы въ Кадильякъ.

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ.

Голые, безлистные виноградники. Голыя купы дубовъ, акаціи и каштановъ, разбросанныя по холмамъ. Дождь, надоѣдливый и холодный, смѣняющійся солнечнымъ блескомъ, подъ которымъ кажется крупными слезами плачуть безлистные виноградники. Это — зима. Холодный вѣтеръ тянетъ съ запада, съ океана. Онъ близокъ отсюда, — безграничный, таинственный и живой. Только два раза въ сутки дышитъ онъ тяжкимъ дыханіемъ. И когда выдыхаетъ онъ воздухъ, мутныя волны Гаронны бѣгутъ на нѣсколько десятковъ верстъ назадъ, а когда вдыхаетъ, онъ стремятся, торопясь, къ его груди. Уныль и грустенъ пейзажъ короткаго зимняго дня въ Жирондѣ. Но чуть перестанетъ дождь, мужчины выходятъ изъ дома. Вы слышите кругомъ, близкій и отдаленный, однообразный звукъ ножницъ:

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Идетъ обрѣзка винограда. О, это цѣлая наука! Старые виноградари знаютъ какъ это дѣлать и какой кустъ какъ и насколько обрѣзать. Только вотъ мало ихъ остается, этихъ старыхъ виноградарей, а молодежь бѣжитъ въ города. Да, что-то будетъ потомъ, если забросятъ многовѣковыя традиціи этой работы? А разъ настала зима, виноградъ надо обрѣзать:

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Утопая въ сабо по размякшей землѣ, я подхожу къ Жиро, моему старому пріятелю. Издали я вижу его согбенную фигуру и слышу лязгъ его ножницъ. Онъ старъ, ему восемьдесятъ три года, онъ останавливается, чтобы

отдохнуть и не прочь поговорить во время отдыха, и я люблю его слушать. Передо мной проходит тогда его долгая жизнь.

— Видите ли, вот такъ я цѣлую жизнь... Одинъ виноградъ и ничего больше. Но вѣдь я люблю его, очень люблю. Онъ живой, и съ нимъ круглый годъ надо нянчиться, какъ съ ребенкомъ. Обрѣзка, окопка, сульфатажъ — мало ли. И чтобы получить хорошее вино, — сколько заботъ. Но вѣдь лучше нашего вина нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Старъ вотъ только становлюсь. Вы знаете, я женился еще при императорѣ. Да, тогда былъ еще Наполеонъ III. И не знаю какъ вамъ сказать, — говорятъ, старики старое хвалятъ, — а жизнь тогда, кажется, была лучше. Главное, повѣрьте мнѣ, тогда больше работали и больше любили работу. И все было дешевле, теперь странно и думать, точно все было даромъ. Все вѣдь дѣло жизни — въ работѣ. А потомъ вдругъ случилась война. Вы вѣдь знаете, какъ насъ тогда разгромили нѣмцы. И правительство измѣнилось и новые порядки во всемъ пошли. Опять было наладилась жизнь, и вотъ опять эта война. Боже мой, все говорятъ проклятые боши. Конечно они. Но вѣдь и мы сами... Трудно это разобрать, и до сихъ поръ другъ на друга все сваливаютъ. Я такъ думаю, — дѣло Божіе. Только вотъ въ Бога-то мало вѣрятъ, развѣ женщины, да и то больше старыя. Трудно понимать дѣла человѣческія...

Онъ начинаетъ работать. Я присаживаюсь на камнѣ съ моими одинокими думами. Уходить не стоитъ. Все равно черезъ полчаса онъ присядетъ ко мнѣ отдохнуть.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

— Видите ли, я живу одинъ со старухой. Мы вѣдь и золотую свадьбу съ ней справили. И родные собрались и гости. Хорошо было. А потомъ опять работа и одиночество. Надо же чѣмъ нибудь жить. У меня, сударь, семья большая была, два сына и двѣ дочери, всѣхъ выкормилъ, слава Богу. Только со стариками дѣти теперь не живутъ. Всѣмъ нынче хочется побольше веселья, поменьше работы. Время такое. Одна дочь замужъ вышла, въ Парижъ поѣхала. Тамъ ее мужъ бросилъ. Устроилась она консьержкой

и ничего, живетъ хорошо, самостоятельно. Другая въ Бордо въ магазинѣ работаетъ, Одинъ сынъ тамъ же на фабрикѣ, а другой убитъ подъ Верденомъ. Такъ и прошла вся жизнь въ работѣ да въ заботахъ о дѣтяхъ. Старуха все тоскуетъ, да и мнѣ думается о дѣтяхъ, а вѣдь дѣло въ томъ, что мы уже отжили, а смерть когда приходитъ, то всѣ становятся одиноки.

— Тикъ... тикъ... тикъ...

Она пришла вдругъ, эта громадная, одинокая смерть. Зима прошла и стоялъ жаркій, ликующій майскій день. Старый Жиро мотыжилъ виноградъ, когда у него закружилась голова. Онъ тихо добрѣлъ домой и прилегъ. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ сосѣди знали ужъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ, что пріѣзжалъ докторъ и сказалъ, что онъ безнадеженъ. Дня черезъ два его хоронили. Нѣсколько крестьянъ, одѣвшись почище по случаю церемоніи, собрались у его домика. Въ предшествіи распятія медленно подошелъ кюрэ со своимъ клиромъ. Гробъ понесли на рукахъ въ церковь, спускаясь внизъ по шоссе, по сторонамъ котораго тамъ и сямъ пылали яркія розы. Я шелъ за гробомъ среди знакомой толпы. Только одной нарядно-траурной женщины не зналъ я. Это была ея дочь, пріѣхавшая изъ Бордо. Изъ всѣхъ дѣтей она одна оплакивала теперь отца и вспоминала, можетъ быть, свое простое, боногое, но счастливое дѣтство. На кладбищѣ, бросивъ горсть земли на гробъ старика въ могилу, которую сторожатъ безмолвные кипарисы, я оглянулся кругомъ. Ликовали нарядные залитые солнцемъ холмы Жиронды. Другіе люди, другіе руки будутъ теперь мотыжить виноградъ, обрѣзанный Жиро, такъ же, какъ раньше него дѣлали это другіе. Жизнь расцвѣтаетъ и угасаетъ всегда, всегда, только мѣняясь. Одинъ таинственный, безграничный и живой океанъ кажется неизмѣннымъ. Вотъ и теперь онъ вздохнулъ, какъ это дѣлаетъ онъ всегда два раза въ сутки и Гаронна, видная съ кладбища, катитъ къ нему мутныя, на этотъ разъ теплыя волны...

Да будетъ тебѣ легка земля, старый пріятель и собесѣдникъ изгнанника, случайно заброшеннаго на твою родину.

ПАМЯТИ МЕРТВЫХЪ.

Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ какъ кончилась война, а здѣсь все еще продолжаютъ хоронить ея жертвы. Въ залитой солнцемъ Шампани, на берегахъ Марны, и подъ Верденомъ откапываютъ люди и находятъ по какимъ-то признакамъ своихъ близкихъ. По городамъ, мѣстечкамъ и селамъ всей Франціи отправляютъ ихъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Пусть покоятся они на мѣстахъ своей родины. И по всѣмъ городамъ и селамъ Жиронды, то тамъ, то здѣсь, все еще прибываютъ ея дѣти, „за отечество животъ свой положившіе“, — *nos enfants morts pour la patrie*.

О времени прибытія возвѣщаютъ заранѣе. И съ утра, на ближайшей станціи собирается процессія. Мэръ и его совѣтъ, нотабли мѣстечка и кюрэ въ облаченіи. Кто нибудь изъ военныхъ несетъ трехцвѣтный флагъ, спортивная молодежь въ гимнастическихъ костюмахъ тутъ же со своими значками. Процессія направляется къ церкви. Послѣ заупокойной мессы толпа, оторвавшаяся отъ работъ, провожаетъ останки на кладбище. Короткая патріотическая рѣчь, глухой шумъ падающей въ могилу земли, и толпа расходится, — медленная и торжественная. И вездѣ, въ самомъ маленькомъ селеніи, идутъ сборы на памятникъ погибшимъ на войнѣ. Во многихъ такіе памятники уже поставлены и будутъ поставлены всюду. Есть и богатые и бѣдные, оригинальные и безвкусные, въ зависимости отъ затраченныхъ денегъ и отъ таланта художниковъ.

Рядомъ со мной, въ селѣ Борэшъ, около храма, на простомъ пьедесталѣ поставлена бѣлоснѣжная мраморная доска. Вверху ея, въ рамкѣ, блестятъ золотомъ высѣчен-

ныя имена борцовъ, павшихъ за родину. А ниже—простая надпись: „они будутъ жить вѣчно въ нашихъ сердцахъ“. О, разумѣется, это гипербола. Правъ Маркъ Аврелій, говорившій, что память о людяхъ едва ли жива въ двухъ поколѣніяхъ. Правъ и Н. С. Лѣсковъ, этотъ недостаточно оцѣненный современниками писатель и челоѣкъ, говорившій мнѣ незадолго передъ смертью: „пусть поставятъ надъ моей могилой деревянный крестъ, и когда онъ свалится, исчезнетъ обо мнѣ на землѣ память“...

Вечеромъ, когда заходящее надъ Гаронной солнце, освѣщаетъ этотъ мраморъ и искрится на золотыхъ лите-рахъ, я сижу и думаю. Я думаю о поляхъ Польши и вершинахъ Карпатъ, гдѣ покоятся кости моихъ соотечественниковъ. О, сколько ихъ! А потомъ, когда моя родина въ безуміи злобы обратилась въ братскую бойню, когда голодъ и эпидеміи косили народъ, люди гибли миліонами. Могло ли бы для всѣхъ этихъ близкихъ мнѣ жертвъ хватить памятниковъ. И мнѣ думается, что тамъ одного патріотизма для памяти жертвъ было мало. Нужна была бы беззавѣтная, всепрощающая любовь. Она одна бы могла поставить памятникъ — крестъ, благословляющій всѣ безвѣстныя могилы, близкія и далекія.

БУКЕТЪ.

Вся Жиронда живетъ виномъ. Вино — это ея трудъ, ея радость и слава. Но не всегда было въ такой славѣ ея вино, какъ теперь. И красивая легенда ходитъ въ странѣ о томъ, какъ это вино приобрѣло свои превосходныя качества.

Это было давно. Тогда городъ Бордо былъ еще столицей герцогства Гіэнскаго, а герцогъ былъ вассаломъ французскаго короля. При дворѣ короля были въ славѣ вина Анжу, а не бордосскія, потому что въ ихъ вкусѣ чего-то недоставало. Недалеко отъ города, на огромномъ пространствѣ раскинулись виноградники сеньора Корденсака. Сотни людей заняты были ихъ обработкой, и сотня муштинъ и женщинъ нужна была для сбора винограда, тянувшася отъ зари до зари.

Сеньоръ Корденсакъ былъ добрый пятидесятилѣтній малый, терпѣть не могшій войны съ ея опасностями и приключеніями. И если онъ приглашалъ друзей, такъ это не на турниръ, а на пиръ, гдѣ звенѣли не копья, а ложки и кубки. А грому военныхъ трубъ онъ несомнѣнно предпочиталъ веселый смѣхъ мѣстныхъ дѣвушекъ. Таковъ былъ сеньоръ Корденсакъ.

И вдругъ какъ-то лѣтомъ онъ почувствовалъ приступъ странной болѣзни. Кровь тяжело обращалась въ немъ, руки сжимались съ болью. Немедленно послали за ученымъ докторомъ, пересыпавшимъ свою рѣчь латынью и ходившимъ въ остроконечномъ колпакѣ. Ученый мужъ прибылъ.

Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на пунцовый носъ сеньора и вдругъ разсердился.

— Берегитесь, ваша свѣтлость, — сказалъ онъ. — Вы слишкомъ пристрастны къ вину.

Сеньоръ покорно и грустно опустилъ голову.

Ученый мужъ принялся говорить себѣ по латыни, а когда наговорился, сказалъ:

— Если вы не женитесь въ этомъ году, чтобы жить спокойно и не бѣгать за дѣвушками и не станете разбавлять вино водой, можете теперь же заказать могильщику мѣрку и приказать ему заняться работой. Dixi.

Сеньоръ Корденсакъ приказалъ отвезти домой ученаго мужа въ своей каретѣ и глубоко задумался. Черезъ часъ онъ принялъ рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что у него было правило вѣрить только на половину тому, что ему говорятъ. Поэтому онъ рѣшилъ жениться, что было все-таки не противно, и ни за что не разбавлять вина водой.

Приближалось время сбора винограда. И вотъ на площадяхъ города Бордо появились герольды въ гербахъ сеньора Корденсака и звуками позолоченныхъ трубъ собирали толпу. Они объявили, что сеньоръ приглашаетъ сто умныхъ дѣвушекъ въ возрастѣ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Послѣ сбора винограда онѣ должны стать въ рядъ каждая съ цвѣткомъ въ рукѣ, и знаменитый сеньоръ выберетъ себѣ среди нихъ невѣсту.

Двадцать дней тянулся сборъ винограда. Со всѣхъ концовъ собирались хорошенькія дѣвушки въ надеждѣ сдѣлаться женой сеньора. Даже дѣвушки знатныхъ фамилій переодѣлись крестьянками. Наконецъ, передъ вечеромъ, управляющій приказалъ имъ стать въ рядъ въ старой аллѣ каштановъ, чуть тронутыхъ золотомъ осени.

На высокомъ крыльцѣ замка показался сеньоръ. Тихо сошелъ онъ внизъ, какъ король, спускающійся съ трона, и медленно пошелъ вдоль ряда. Каждая дѣвушка отдавала ему свой цвѣтокъ, и у него собрался прекрасный букетъ. Такъ онъ дошелъ до конца, задумчивый, все еще не избравшій невѣсты. И вдругъ въ сосѣдней винодѣльнѣ онъ услышалъ звонкій женскій голосъ, пѣвшій простую пѣсенку.

Заинтересованный, онъ пошелъ въ винодѣльню. Тамъ, высоко подобравъ юбки, въ вѣнкѣ изъ виноградныхъ листьевъ хорошенькая дѣвушка давила ногами виноградъ, приплясывая подъ напѣвъ своей пѣсни.

— Отчего ты не стала въ рядъ вмѣстѣ съ другими, — спросилъ сеньоръ Корденсакъ, чувствуя, что кровь приливаетъ ему къ вискамъ.

— Вотъ-те на! — отвѣчала дѣвушка простонародной рѣчью. — Вѣдь управляющій звалъ только умныхъ дѣвицъ.

— Ну, а ты?

— Да я ужъ давно, ваша свѣтлость, перестала ей быть, — смѣясь сказала она.

Сеньоръ Корденсакъ остолбенѣлъ на минуту, потомъ въ гнѣвъ бросилъ букетъ ей подъ ноги и ушелъ въ замокъ, такъ и не выбравъ невѣсты.

Но потомъ, когда попробовали новое вино, оно оказалось прекраснымъ. Въ немъ былъ особенный вкусъ и ароматъ, отличающій его отъ винъ цѣлаго свѣта. Это былъ букетъ. Знаменитый букетъ, брошенный когда-то въ чанъ и навсегда надушившій вино Жиронды запахомъ добродѣтели ея хорошенькихъ дѣвушекъ.

НА БЕРЕГУ.

Красивое мѣсто — Аркашонъ. И главная его красота — океанъ. Это онъ привлекаетъ изящныхъ купальщицъ, лежащихъ на пескѣ огромнаго пляжа, это онъ своимъ воздухомъ даетъ отдыхъ уставшей груди своихъ посѣтителей. И за всѣ эти заслуги онъ сталъ дорогимъ и моднымъ курортомъ. Все лѣто живетъ онъ пестрой и бѣшеной жизнью, а на зиму замираетъ, словно и ему нуженъ отдыхъ. Тогда начинаются постройки и ремонты, — расширение собравшаго свои барыши курорта. Курортъ, разумѣется, назначается для богатыхъ, и за право отдыха въ этомъ мѣстѣчкѣ надо хорошо заплатить. Изъ русскихъ бѣженцевъ появляются на немъ тѣ, кто успѣлъ или сумѣлъ сохранить крохи бывшего богатства, старыя привычки и неупотребимую жажду жизни. Но ихъ мало, совсѣмъ мало. Да и у этой горсточки все время роятся мечты о предприятияхъ, ее гнететъ страхъ будущаго и мысль о томъ, что бы такое придумать, чтобы быть обеспеченнымъ. Страшно вѣдь оно, это неизвѣстное будущее. И много предприятий заводятъ бѣженцы всюду на свои послѣднія крохи. Все, кажется, пробовали открывать. Заводили чайныя и рестораны, разводили куръ и поросятъ, пробовали дѣлать искусственныя ноги и торговать сардинками. Все, кажется, перепробовали. И самое удивительное это то, что никто никогда не могъ понять, отчего всѣ эти предприятия лопались, унося послѣднія сбереженія. Но это ничего, надо же что нибудь выдумать, чтобы жить.

И въ Аркашонѣ есть предприятие. Маленькій магазинъ случайныхъ вещей.

Кольца и брошки, перстни и портсигары, — это вѣдь неизбежно продается по нуждѣ и не можетъ быть убыточнымъ для магазина. Стоитъ только наложить нѣкоторый процентъ, и жить на него можно. Магазины открыты въ складчину нѣсколькими богатыми людьми. Доброе дѣло, тѣмъ болѣе, что оно можетъ дать заработокъ по крайней мѣрѣ двумъ бѣженцамъ. Держать въ чистотѣ магазинъ и торговать вещами, когда на нихъ обозначены цѣны, не такъ уже трудно.

Но мѣста, разумѣется, достаются по протекціи. Все равно, что вынуть счастливый номеръ въ лотерею. И этотъ номеръ вынулся на этотъ разъ князю Анатолю Арчадинскому, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ безработному. Революціонный ураганъ сразу унесъ его огромное состояніе, оставивъ ему только лакея. Алексѣй служилъ въ домѣ давно, равнодушно перенесъ съ бариномъ всѣ приключенія бѣгства и теперь подавалъ ему совершенно разорванную рубашку все съ тѣмъ же серьезно-почтительнымъ выраженіемъ лакея хорошаго дома. Кромѣ почтительнаго выраженія онъ сохранилъ и апетитъ, такъ сказать дореволюціоннаго времени. Этотъ апетитъ причинялъ князю Анатолю немалыя затрудненія. Затрудненія кончились тѣмъ, что какой-то богатый родственникъ въ виду того, что „благородство обязываетъ“, сталъ присылать отдѣльно на содержаніе Алексѣя. А князь получилъ мѣсто продавца въ магазинѣ. Мѣсто должно было вполнѣ обеспечивать его обладателя. Жалованья не полагалось, но давалась небольшая каморка для жительства при магазинѣ и пропитаніе. Пропитаніе впрочемъ было несложнымъ. Оно состояло исключительно изъ макаронъ.

— И безъ масла и безъ сыра! — удивлялся каждый день князь Анатолий. — Кажется, здѣсь слѣдовалъ бы пармезанъ, — прибавлялъ онъ задумчиво.

Но макароны оставались макаронами безъ какихъ бы то ни было прибавленій.

Средства Алексѣя считались отдѣльно. Поэтому князь нанялъ ему комнату въ гостиницѣ и, принявъ отъ него утромъ разорванную рубашку, занимался своимъ дѣломъ.

Съ утра онъ протиралъ окна магазина, а въ полдень, послѣ макаронъ, перекладывалъ вещи, потревоженные посѣтителями.

Дѣлалъ онъ это серьезно и молча. Князь Анатолий молчалъ и все молчало кругомъ. И это было хорошо, потому что эти драгоценные камни могли бы рассказать много грустныхъ исторій.

Вотъ этотъ рубинъ, на примѣръ, что свѣтится теперь какъ капля крови на матовомъ золотѣ, могъ бы рассказать, какъ онъ былъ подаренъ на память о страстной любви и какъ надъ нимъ клялись сохранить его навсегда, какъ самое дорогое воспоминаніе жизни. А это жемчужное ожерелье? Оно рассказало бы, какъ мать дарила его дочери передъ свадьбой и какъ она неудержимо рыдала несмотря на то, что свадьба была сплошной радостью и весельемъ. Это ожерелье было продано на пароходѣ одинокой, брошенной женщиной, и кто теперь скажетъ, гдѣ она? Въ Турціи или Греціи ищетъ она мѣсто прислуги, изможденная, оборванная и полуголодная.

А вотъ этотъ маленькій бриллиантикъ?.. Но камни молчали, тая свои повѣсти любви, измѣнъ и страданій. Молчалъ и князь Анатолий и думалъ о томъ, что всѣ эти драгоценности больше женскія, мужскихъ очень мало. Такъ онѣ любятъ украшаться, и такъ всѣ ихъ балуютъ. За что, въ сущности?

Князь Анатолий, съ юности лишенный какого бы то ни было темперамента, не совсѣмъ понималъ это. Женщинъ онъ считалъ вообще ни къ чему и былъ убѣжденъ, что отъ другихъ людей онѣ отличаются только болтливостью.

Да и всю красоту ихъ, кажется, выдумали. Объ этомъ положительно сказалъ кто-то: Гегель или Шопенгауеръ, а можетъ быть, и самъ Кантъ. Но сказано во всякомъ случаѣ совсѣмъ философски. Ну да Богъ съ ними совсѣмъ. Надо бы зайти теперь въ кафе послѣ макаронъ этихъ, пройтись по пляжу. Да вотъ кстати ужъ отдать Алексѣю шестьдесятъ франковъ, оставшихся за мѣсяць отъ его содержанія. Ему хорошо, у него деньги отдѣльныя. А вотъ

у князя теперь послѣдніе франки и трудно придумать, откуда достать пополненіе... И князь, попросивъ пріятеля подежурить, вышелъ изъ магазина.

Алексѣй завтракалъ въ гостинницѣ. Онъ важно сидѣлъ, пошевеливая толстой цѣпочкой на животѣ и на подающихъ гарсоновъ глядѣлъ неодобрительно.

— Ну вотъ, — думалъ онъ, — полѣзъ теперь съ блюдомъ черезъ плечо! Гарсонъ прозывается тоже! Послужилъ бы ты у покойнаго стараго князя, онъ бы тебѣ такого гарсона показалъ! Нешто такая служба бываетъ!

Кушалъ Алексѣй впрочемъ съ большимъ аппетитомъ. А потомъ, послѣ кофе, все также важно пошевеливая цѣпочкой на животѣ, шелъ прогуляться по пляжу. Тамъ онъ ложился на солнечномъ припекѣ и думалъ. Трудно сказать вообще о чемъ думаетъ человѣкъ, когда мысли его отвлекаются окружающимъ, но мысли у Алексѣя были большей частью неодобрительныя. Вдали блисталъ океанъ, вблизи на песокѣ возились дѣти и лежали купальщицы, а Алексѣй думалъ:

— Вишь ты разлеглась и колѣнку вверхъ подняла, безстыдница! Да больно ужъ тоща что-то, ровно шкелеть! Да и всѣ онѣ здѣсь тѣла не держатъ. Отъ пищи должно быть. Ну, скажемъ какое это пропитаніе — устрица или ракушка. То ли дѣло у насъ, въ Орловской губерніи. Въ городѣ Амченскѣ... Бывало, выдутъ дѣвки на улицу, — веселья да гладкія. Смотрѣть любо-дорого! Ну теперь конечно тамъ голодъ...

И вспомнились вдругъ Алексѣю орловскія поля, и рощи и села, и даже какъ будто бы здѣсь, на берегу океана, вдругъ запахло прянымъ запахомъ коноплянниковъ... А князь Анатолій подходилъ въ это время къ нему по пляжу и кричалъ еще издали:

— Алексѣй, вотъ тебѣ приходится шестьдесятъ франковъ, оставшіеся у тебя за прошлый мѣсяць отъ твоего содержанія.

Вечеромъ Алексѣй приходилъ аккуратно въ каморку князя, чтобы его раздѣть. Это онъ ему приносилъ его

скромный обѣдъ. Князь посмотрѣлъ на неизбѣжныя макароны и сказалъ сегодня почему-то по итальянски:

— Макэрони конъ помидори.

Но макароны оставались макаронами безъ какихъ бы то ни было прибавленій.

Потомъ князь уходилъ прибирать магазинъ и долго работалъ тамъ, моя полы и протирая окна, а Алексѣй тутъ же, на его бумагѣ, писалъ письмо женѣ, оставшейся въ Малороссіи. Онъ тщательно выводилъ грубымъ и старательнымъ почеркомъ:

„Ты пишешь, что бѣлья у васъ много, что осталось въ княжескомъ домѣ въ сундукахъ. Ну только теперь голодъ, и я посылаю шестьдесятъ франковъ, по вашему это милліоны. А мы здѣсь живемъ такъ себѣ, только больно ужъ скучно. Аграфена вышла замужъ за княжескаго садовника, и это хорошо, потому что его домъ сталъ теперь ужъ не княжескій, а ихній. А потомъ ты пиши мнѣ не сюда, а въ городъ Парижъ, по прежнему адресу“.

Закончивъ письмо Алексѣй приготавливалъ постель и съ серьезно-почтительнымъ видомъ подавалъ князю совершенно разорванную рубашку. А когда онъ медленно возвращался въ свою гостиницу, луна поднималась надъ горизонтомъ и играла серебрянымъ столбомъ на волнахъ океана. Лунный свѣтъ переливался въ драгоценныхъ камняхъ магазинной витрины, но камни молчали, тая свои поѣсти любви, измѣнъ и страданій. Вдали яркими огнями свѣтился казино, гдѣ шла теперь игра и веселье. Все было тихо кругомъ и только шумно вздыхалъ океанъ. Алексѣй шелъ довольный, поигрывая цѣпочкой на животѣ. И вдругъ, неизвестно почему, отвѣчая на какія-то свои мысли, произнесъ громко:

— Ракушки! Тьфу! Или скажемъ тамъ устрицы. Какое же это пропитаніе? Такъ — барская пища.

ДѢТСКІЕ СИЛУЭТЫ.

БОРЦЫ.

Революція побѣдила. Это было совершенно ясно изъ того, что по улицамъ громыхали автомобили съ солдатами, у лавокъ стояли длинные хвосты голоднаго люда, по квартирамъ какъ лакомство, жарили картофельную желуху и изъ того, что министръ говорилъ, ни на минуту не переставая, засыпанный цвѣтами, какъ модная балерина. Голодъ съ каждымъ днемъ тѣснѣе сжималъ Москву, и по вечерамъ не выходили на улицу, рассказывая другъ другу объ уличныхъ грабежахъ. Но не объ однихъ грабежахъ говорили тогда по темнымъ квартирамъ. Разбирали иногда теоретически аграрный вопросъ, удивлялись газетному свѣдѣнію, что крестьяне въ сосѣднемъ уѣздѣ унесли изъ дому фортепiano, что не совсѣмъ вязалось съ теоріей.

Въ небольшой квартирѣ на Поварской жили попрежнему дружно. Либеральный адвокатъ съ женой и хорошенькой дочкой-подросткомъ Лидочкой да я, приютившійся у нихъ по старой дружбѣ, сбѣжавъ изъ разграбленнаго учрежденія на фронтъ. Вотъ и вся наша небольшая семья. Но знакомство было обширнымъ. Забѣгали адвокаты и писатели, офицеры и доктора, и всѣ растерянно говорили о событіяхъ, по разному возвѣщали о томъ, что теперь будетъ и что должно быть, и отъ этого совершенно не понимали другъ друга. Заходили и два юные родственника, — Коля Петровъ и Саша баронъ фонъ-Клугенъ и жадно прихлебывали чай въ прикусочку съ огрызками сахара. Между ними замѣтно было соревнованіе. Коля былъ кадетомъ, а ба-

ронъ гимназистомъ и поэтому любилъ щегольнуть латинской цитатой. Коля въ это время умоляюще глядѣлъ на Лидочку, словно извиняясь, что не умѣлъ сказать по латыни. Положительно они ревновали другъ друга. Лидочка изъ подъ длинныхъ рѣсницъ украдкой взглядывала на обоихъ—и на молодцеватаго румянаго кадета и на нѣсколько угрюмаго гимназиста и нельзя было рѣшить, мечтаетъ ли она объ одномъ изъ нихъ, или объ исчезнувшихъ съ рынка шоколадныхъ конфетахъ.

Впрочемъ Коля не остался у Саши въ долгу. Среди ожесточеннаго спора старшихъ объ отвѣтственномъ министерствѣ онъ всталъ и, покраснѣвъ, какъ морковь, сказалъ неожиданно:

— И я знаю цитату, только не по латыни: „Русскій бунтъ безсмысленный и безобразный“, сказалъ Пушкинъ, а вы забыли.

Объ этомъ, кажется, дѣйствительно позабыли. А событія шли своимъ чередомъ. Въ хмурые осенніе дни какъ-то сразу пересталъ министръ разговаривать, и большевики наступали на Москву. Въ небольшой квартиркѣ на Поварской обстановка нѣсколько измѣнилась. Рѣдко забѣгали знакомые. Окна были заложены подушками и тюфяками отъ залетавшихъ съ улицы пуль, мимо оконъ ходили на четверенькахъ и съ ужасомъ узнавали о томъ, что во дворѣ дома ребенокъ погибъ отъ шрапнели. Въ эти страшные дни и Коля и Саша появились въ квартирѣ, брякнувъ въ передней винтовками. Оба они съ юнкерами и такими же какъ и они подростками защищали Москву и забѣжали за кускомъ хлѣба съ Арбата, гдѣ шелъ беспорядочный, перерывчатый бой.

Либеральный адвокатъ, подвигавшійся отъ cadaго пушечнаго выстрѣла вправо и дошедшій теперь до партіи октябристовъ, сочувственно бросился къ нимъ.

— Но вѣдь это же безуміе. Боже мой, вы дѣти и никто кромѣ дѣтей не защищаетъ Москвы!

Дѣтей накормили наскоро всѣмъ, что только нашлось, и мой пріятель разсудительно произнесъ:

— Оставьте! Это безуміе! Вѣдь все ужъ пропало, если не нашлось никого кромѣ дѣтей.

— Сегодня они палили откуда-то по Кремлю, — сказалъ, словно не замѣчая увѣщеванія Коля. — Пробили куполь собора. И Архангельскій, говорятъ, задѣли и Успенскій. Наши молодцомъ держатся на Арбатѣ и если наши же подойдутъ отъ почтамта, мы ихъ прогонимъ.

Наступило молчаніе. Думалось о Кремлѣ, гдѣ отъ Ивана Калиты до Федора Ивановича тѣснятъ гробницы великихъ князей и царей „всея великія и малыя и бѣлыя Руси государей“ и о той Руси, по которой теперь не въ первый уже разъ разгуливаетъ грабежъ и насиліе... Хозяйка заплакала и вышла изъ комнаты. Черезъ минуту вернулась она изъ спальни, и заплаканная, перекрестила борцовъ двумя образками и надѣла имъ ихъ на шею. Лидочка все порывалась что-то сказать, жала руки обоимъ, но ничего не сказала. Борцы поцѣловались съ нами, весело брякнули винтовками и застучали по лѣстницѣ.

— Ну вотъ, — сказалъ мой пріятель. — Ну вотъ, видишь, вѣдь дѣти.

И замолчалъ, какъ молчалъ и я. И оба мы поняли, что молчимъ мы теперь отъ стыда.

Только на другой день къ вечеру увидѣлся я съ однимъ изъ борцовъ. Тихо вошелъ Коля въ корридоръ и поманилъ меня издали.

— Вотъ, — сказалъ онъ шепотомъ и сунулъ что-то мнѣ въ руку.

Это была окровавленная гимназическая фуражка барона, убитаго съ нимъ рядомъ на площади.

* * *

Судьба впоследствии привела меня встрѣтить Колю на югѣ. Попрежнему дѣти и юнкера да офицерская молодежь, среди которой теперь былъ Коля, защищали Россію. Попрежнему былъ онъ румянъ и веселъ, и только черные усики говорили объ его возмужалости. Вспомнили мы съ нимъ и Арбатскую площадь, и Лидочку, оставшуюся съ матерью въ Москвѣ и моего пріятеля, сосланнаго боль-

шевиками на Соловки для окончательнаго поправѣнія. Чаще же всего вспоминали мы погибшаго Сашу. Грустныя и тяжелыя воспоминанія!

— Ну что-жъ, что было, то было,—сказалъ Коля. — А всетаки мы рано или поздно дойдемъ до Москвы.

И хотѣлось мнѣ тогда, какъ и теперь, чтобы его голосъ слышала вся Россія, — и та, что тоскуетъ объ ней въ тяжелой бѣженской жизни и та, что страдаетъ на раззоренной и опозоренной родинѣ. Вѣдь всегда встаютъ въ воспоминаніи тѣни борцовъ и погибшіе за родину дѣти, то вѣдь есть еще мѣсто надеждѣ. Не правда ли?

МЫСЛИТЕЛЬ.

Въ крошечномъ садикѣ превосходныя, яркія розы въ перемежку съ качанами капусты и развѣшаннымъ на проволоку бѣльемъ. Обычная въ окрестностяхъ Парижа картинка тѣхъ маленькихъ домиковъ, гдѣ любитъ ютиться русское бѣженство. Въ солнечный день хорошо дѣтямъ, здѣсь они какъ будто среди природы. Восемилѣтній Коля, переставъ вообразать себя ковбоемъ, что-то копаетъ лопатой, а двѣнадцатилѣтняя Оля съ книжкой сидитъ на скамейкѣ. Она положила свою книжку и возмущается.

— Представь, въ нашемъ лицѣ совсѣмъ не учатъ Закона Божьяго и дѣвочки есть у насъ совсѣмъ некрещенныя. Заговорила я съ подругой о Богѣ, а она у меня спрашиваетъ *à quoi ça sert, ton Dieu?* Какъ это для чего?

Коля пыхтитъ нѣкоторое время, ковыряя лопатой, а потомъ говоритъ.

— Это онѣ ничего не знаютъ. А няня говоритъ, что Богъ наказываетъ за грѣхи. Вотъ и у насъ вдругъ дядю Петю убили, и вдругъ всѣхъ ограбили и вдругъ мы всѣ убѣжали.

— Богъ всегда наказываетъ за грѣхи, — говоритъ задумчиво Оля. — И прежде пошелъ дождь и сдѣлался потопъ, и всѣхъ потопило. Это было тогда, когда вошелъ въ ковчегъ Ной *avec toute sa famille*.

Наступаетъ молчаніе. Коля бѣгаетъ взадъ и впередъ, размахивая лопатой, потому что онъ уже опять сталъ ковбоемъ.

— У насъ вмѣсто Закона Божія учатъ морали, — говоритъ Оля.

— Это что же? Это труднѣй арифметики?

— Ахъ, это совсѣмъ не то. Это о томъ, что нельзя обижать другихъ, потому что это невыгодно, потому что стануть обижать и тебя.

— Какъ же это онъ меня обидитъ, если я сильнѣе его. Я, напримѣръ, великолѣпно ѣзжу верхомъ и могу нападать на кого мнѣ угодно. Что ты мнѣ сдѣлаешь, — говоритъ Коля, угрожая лопатой сестрѣ.

— Ахъ, да отстань, — говоритъ Оля, запрокидывая голову кверху.

Нѣкоторое время дѣти смотрятъ на ревущій надъ ними аэропланъ. Аэропланъ летитъ низко, потомъ взмываетъ вверхъ, и словно задѣвая бѣгущее облако, скрывается изъ виду. Но долго еще слышенъ дѣтямъ его затихающій, прерывистый ревъ. И опять тишина.

— Вотъ начнетъ онъ на насъ бомбами сыпать. Что мы ему сдѣлаемъ? Прямо въ домъ попадетъ и маму убьетъ и няню, она теперь въ кухнѣ чулки стираетъ, что она ему сдѣлаетъ? А у васъ учатъ, что нельзя обижать, потому что достанется самому.

И подумавъ немного, Коля рѣшительно объявляетъ.

— Нѣтъ, няня съ аэропланомъ не сладитъ.

Наступаетъ молчаніе. Коля пыхтитъ, ковыряя землю, а Оля беретъ за книжку. Утилитарная нравственность, повидимому, осуждена окончательно, а прочитать всетаки надо. Какъ это скучно.

ПОЭТЪ.

Шестилѣтній мальчуганъ тяжело оправлялся отъ простуды, почти всю зиму, до самой весны. Теперь ему хорошо въ родной семьѣ писателя въ Ландахъ, на берегу океана. Лѣсъ, солнце и океанъ и, главное, окружающая его любовь, заботы о немъ и разговоры съ нимъ, всегда такіе живые и интересные. Онъ знаетъ, что дѣдушка русскій писатель и сочиняетъ рассказы и книги. Въ маленькой парижской квартирѣ видѣлъ онъ у него и другихъ писателей, но тѣ совсѣмъ не такіе; придутъ къ вечеру, попьютъ чаю съ печеньемъ, шумно поговорятъ о чемъ-то и разойдутся. А дѣдушка его постоянно ласкаетъ и обо всемъ говоритъ съ нимъ. И все рѣшительно знаетъ — и всякія сказки, и какъ живетъ лѣсъ, и какъ живутъ люди. А когда онъ говоритъ о Россіи, то мальчугану кажется, что онъ любитъ одинаково и его и Россію. Отъ этой-то любви такъ и хорошо съ нимъ.

Нехорошо вотъ только то, что мама осталась въ Парижѣ и нескоро еще пріѣдетъ. Она шьетъ разныя платья дамамъ, красивыя, шелковыя и блестящія. Дамы приходятъ съ ранняго утра, подолгу разсматриваютъ платья и еще дольше разговариваютъ о нихъ съ мамой. Онъ ее и не пускаютъ сюда, а какъ бы хорошо было здѣсь съ ней. Но она все таки пріѣдетъ. Надо ей написать обо всемъ. Надо написать, какъ онъ живетъ, и какъ здѣсь хорошо и какъ онъ о ней думаетъ...

Мальчуганъ садится за столъ и выводитъ крупными, непослушными буквами:

„Мы ходили съ тобой гулять. Видали много цвѣтовъ.

Гуляемъ въ лѣску съ тобой, мама, хорошо. Кругомъ цвѣты и сосенки качаются отъ вѣтра. Въ дремучихъ темныхъ лѣсахъ мы гуляемъ. И сколько цвѣтовъ, прямо горы цвѣтовъ, это верескъ. И ковры природные въ лѣсахъ по названію мохъ, бархатный мохъ. Красота изъ красотъ. Вотъ пошли мы въ садъ и цвѣтовъ, и цвѣтовъ и тишина изъ тишиновъ. И вотъ тебѣ разсказъ, который я выдумалъ“.

Къ яркому дѣтскому воображенію, къ наивной и милой картинкѣ Ландъ, пронизанной любовью къ мамѣ, не хочется прибавить ни одного слова...

ВЪ ТУМАНЪ.

Шавиль между Парижемъ и Версалемъ. Тѣсной гурьбой жмутся дома и домики среди садовъ и крошечныхъ огородовъ. Платаны и каштаны осѣняютъ сады, а въ огородахъ рядомъ съ капустой всетаки розы, розы вездѣ, превосходныя, яркія розы. Цѣлую зиму виситъ надъ Шавилемъ сѣрое небо и опускаетъ холодные дожди и туманы. Копошится тихая мѣщанская жизнь съ мелкой торговлей, съ заработкомъ насущнаго хлѣба. И три желѣзнодорожныхъ линіи прорѣзаютъ Шавиль. Парижъ—Версаль. Съ одного конца міровая столица, съ другого — городъ, бывшая резиденція могущественныхъ королей. И еще по срединѣ бѣжитъ трамвай — Версаль—Лувръ, точно соединяя два чуда искусства, два умолкнувшихъ королевскихъ дворца.

Вечеромъ Шавиль пустъ, темень и тихъ. Освѣщенные поѣзда несутся по немъ съ грохотомъ, пробѣгая огненными полосами. Въ саду у линіи желѣзной дороги свѣтятся окнами домъ. Въ немъ — общежитіе русскихъ мальчиковъ. Откуда они? Съ береговъ Волги и Дона, съ Чернаго моря и изъ далекой Сибири. Учатся во французскихъ школахъ Версаля и Шавиля, въ русской школѣ Парижа. А здѣсь ихъ пріютъ, ихъ молодая семья, потому что нѣтъ средствъ жить и учиться при родителяхъ. Да и у всѣхъ ли они есть, эти родители? И великая война и смута многихъ оставили сиротами.

Надо учиться, надо на завтра приготовить уроки. И сидятъ мальчуганы за столами, читаютъ, вычисляютъ и пишутъ. Ученики французскихъ школъ, кончивъ свои хит-

рые „девуары“, берутъ русскую книгу. Родной языкъ забывается, да и въ свободное время здѣсь преподаются національные предметы, которыхъ не знаетъ французская школа. Надо приготовить и ихъ. Мальчуганъ читаетъ, потомъ разсматриваетъ въ книжкѣ картинки. Это — Александръ Невскій, а это — св. Сергій, благословляющій Дмитрія. Подхожу къ мальчугану.

— Я уже знаю. Вотъ только года мнѣ запомнить. Было татарское рабство, и Иванъ Калита носилъ мѣшокъ съ деньгами для нищихъ. Съ татарами онъ дружилъ, потому что княжество было маленькое, а онъ собиралъ Русь. А когда Москва стала большой, Дмитрій пошелъ на татаръ и святой Сергій благословилъ его. Въ Куликовской битвѣ татаръ разбили, и Мамай убѣжалъ. Это было... годъ я сейчасъ вамъ вспомню...

Мальчикъ подумалъ и годъ дѣйствительно вспомнилъ. Я ухожу и думаю, что вотъ онъ теперь маленькій и растеть на чужбинѣ, въ Шавилѣ. Онъ узнаетъ теперь прошлое родины, которое все пропитано борьбой съ чужимъ рабствомъ. То половцы, то татары, литовцы и поляки... И онъ видитъ, что рабство свергается только мечемъ. Вотъ онъ растеть, и кто знаетъ — не придется ли и ему взять въ руки мечъ съ благословенія святого Угодника русскаго?..

Но Шавиль теперь тихъ, и дружна и беззаботна въ немъ русская молодая семья. Съ грохотомъ несутся мимо свѣтящіеся поѣзда и падаетъ густой пеленой туманъ надъ маленькимъ городомъ. Въ двухъ шагахъ ничего не видно, какъ не видно никому впередъ путей человѣческой жизни...

В С Х О Д Ы .

... „Ну, хоть расскажу про дюны. Ахъ, вы, дюны, мои дюны! Сколько птицъ надъ вами пролетѣло! Сколько вы разовъ видали — убивали птичекъ, дорогихъ пѣвуньевъ... Ахъ вы, дюны желтые, ахъ вы дюны зеленые!

А по вамъ, по зеленымъ горамъ, вѣтся вѣтеръ. Сколько пуль находишь тамъ на пескѣ! Какъ найдешь, такъ вспомнишь пѣвунью... А на морѣ красота, синія волны плескаютъ барашками. И пѣна бѣлая, какъ снѣгъ. А вдали, въ сини-океанѣ, только брызги плещутъ отъ волнъ. А пойдешь — сколько ракушекъ ты найдешь. Всѣ живутъ. Смотришь, сколько есть красивыхъ ракушекъ, которыя выплеснуты волнами и — мертвыя. И видишь ты на берегу могучаго океана-царя, самый красивый. Красота“.

Это письмо десятилѣтняго мальчика нашель я, разбираясь въ бумагахъ. Грамотность, кажется, заставляла бы желать большаго. И вотъ еще — откуда онъ беретъ этихъ „разовъ“ и „пѣвуньевъ“. Въ эмиграціи какъ-то не сразу складывается языкъ даже въ русской семьѣ. Онъ тяжело и мужественно борется со школой французской.

Я перечиталь письмо еще и еще разъ, и вдругъ на меня повѣяло чистой поэзіей. Словно всталъ передо мной океанъ и брызнуло въ лицо соленой волной. И ясно я увидалъ мальчика, собирающаго ракушки, жалѣющаго „пѣвуньевъ“ и вливающаго въ себя красоту. Какіе хорошіе всходы шевелятся и пробиваются въ его душѣ? Да и у одного ли это такъ? Сколько дѣтей въ зарубежьи, да и тамъ, на родинѣ, жадно подходятъ къ умиротворяющей красотѣ. Здѣсь по крайней мѣрѣ, нѣжные всходы топчутся

не намѣренно. Суета и тяжесть жизни въ погонѣ за кускомъ хлѣба не даютъ, быть можетъ, времени замѣтить мимоидущую красоту. И нѣжные всходы заглушаются терніемъ. А тамъ — они при дорогѣ. И приходитъ „врагъ чловѣковъ“. Разрушеніе эстетики.

Долой красоту. Буржуазныя выдумки. Хватай жизнь съ другой стороны, наслаждайся ею, какъ животное.

Жаль жизнью растроченныхъ всходовъ и еще болѣе жаль намѣренно вырванныхъ и растоптанныхъ... Найдено мною въ бумагахъ письмо воскресило въ моей душѣ образъ мальчика на берегу океана, и онъ промелькнулъ передо мной, какъ безконечно дорогой силуэтъ. Но вѣдь и его ждетъ жизнь вмѣстѣ съ борьбой за всходы, навѣянные красотой. А тамъ, на родинѣ? Не до послѣдняго же еернышка выключетъ врагъ то, что заложено въ душѣ чловѣка. Этимъ иногда утѣшаешься. Не напрасно ли?

Надо бороться, надо бороться...

№ 23.

Въ предмѣстьи, совсѣмъ уже слившемся съ Парижемъ, есть лицей, носящій имя историка Франціи. Одинъ изъ самыхъ большихъ лицеевъ въ странѣ. Огромныя зданія, вмѣщающія болѣе тысячи мальчиковъ, стоятъ на холмѣ. А внизу, на цѣлыхъ шестнадцати гектарахъ, раскинулся паркъ съ лужайками для игръ, съ фонтаномъ и цвѣтами, съ тѣнистыми аллеями. По четвергамъ посѣщаютъ родственники тѣхъ изъ воспитанниковъ, что живутъ въ лицей. И тогда по аллеямъ гуляютъ разныя поколѣнія, обязанныя, быть можетъ, тому же лицейю національной окраской своихъ убѣжденій. Точно молодая поросль этого парка, цвѣтущая подъ защитой деревьевъ. Я брожу въ этомъ паркѣ, думаю горькую думу изгнанника, а красота, какъ она это дѣлаетъ всегда и вездѣ, умиротворяющимъ чувствомъ охватываетъ душу. Теперь весна. Нѣжно распускаются липы, гордо выбрасываютъ метелки каштаны, и платаны уже явно вѣрятъ веснѣ. Передъ фонтаномъ цѣлый рядъ тополей. Они покрыли зеленымъ пухомъ въ небо летящія пирамиды... Гдѣ моя мысль, куда улетѣла она — свободная, не нуждающаяся даже въ визахъ, придуманныхъ для чего-то людьми?

Боже мой! Вѣдь и на Украинѣ растутъ такіе же тополя, и въ предгорьяхъ Крыма своими пирамидами молятся они небу. О, моя родина! Зачѣмъ въ безуміи облила ты кровью свою красоту, зачѣмъ въ нищетѣ и униженіи растоптала тобой же нарожденный народъ и заставила горькими слезами плакать твоихъ изгнанниковъ о тебѣ!...

Но надо итти. Уже безъ пяти минутъ три часа. Зво-

нокъ въ этотъ день будетъ только въ четыре. Занятій въ лицѣ по четвергамъ нѣтъ. Отъ двухъ до четырехъ только для желающихъ частныя уроки. Надо итти. Я прохожу безконечно длинными корридорами съ бѣльевыми складами, кладовыми, столовой. Нѣскольکو поворотовъ, и опять корридоры съ номерами многочисленныхъ классовъ. Иду. Вотъ и онъ, № 23 съ полустеклянной дверью, выходящею въ корридоръ. Останавливаюсь, боясь помѣшать. И среди напряженнаго молчанія слышу я голосъ, просто, безъ всякаго пафоса, рассказывающій о милосердномъ самарянинѣ, перевязавшемъ раны врагу. Русскій языкъ отчетливо и ясно раздается по всему классу. И потомъ слова великопостной молитвы... „Не осуждати брата моего...“ Шумъ шаркающихъ ногъ поднимающагося класса. Теперь моя очередь. Расцвѣтъ культуры кievской Руси и зарожденіе великой русской литературы для старшихъ, а для маленькихъ изложеніе, которое они называютъ composition.

И когда ухожу я, проходя мимо пирамидальныхъ тополей, на душѣ моей легче и мысли мои веселѣй. Омраченная несчастьемъ родина живетъ въ душѣ моей и будетъ жить всегда, какъ жила она и счастливой. Но она же живетъ и въ душахъ вотъ этихъ, занесенныхъ на чужбину, дѣтей. И не даромъ такъ горятъ глаза ихъ, когда слышатъ они о ней. Пусть старѣютъ деревья прекраснаго парка, молодая поросль поднимается.

ОРДИНАРЕЦЪ.

Ему уже шесть лѣтъ. Въ его семью заходитъ иногда старый раненый генераль, и потому онъ сталъ ординарцемъ.

Генераль рассказываетъ о войнѣ, о томъ, какъ онъ былъ раненъ, какъ потомъ, въ революцію, грабили и убивали людей, какъ онъ самъ насилу убѣждалъ отъ смерти, и вотъ живетъ, хоть бѣдно, а все же живъ... на свободѣ.

Ива слушаетъ о войнѣ — и словно видитъ ее передъ собой. Видитъ передвиженіе войскъ по полямъ между перелѣсками, видитъ, какъ на ворономъ конѣ скачетъ съ донесеніемъ къ генералу ординарецъ.

— А гдѣ же теперь твой ординарецъ? — спрашиваетъ онъ генерала.

— Не знаю. Остался тамъ. Можетъ быть, его и убили.

— Нѣтъ, тебѣ нельзя безъ ординарца. Какъ же такъ? Генераль, а безъ ординарца.

Генераль смѣется. Дрожать отъ смѣху его сѣдые усы, такъ что онъ насилу можетъ проговорить:

— Ну, будь ты моимъ ординарцемъ.

Такъ и сталъ Ива ординарцемъ и вѣрно служить своему генералу.

Служба у ординарца извѣстно какая — внимательная, всегда на-чеку. Теперь попробуйте выйти изъ комнаты, позабывъ потушить электричество! Ива сейчасъ кричитъ: штрафъ! Онъ кладетъ сантимы въ копилку и говоритъ мнѣ:

— Вы не глядите, что у копилки гляняный носъ отломался. Копилка хорошая. Я въ нее и свои пять фран-

ковъ положилъ. Денегъ въ ней много. Это все въ пользу инвалидовъ. Мой генераль всѣмъ велитъ собирать для другихъ инвалидовъ. А я — ординарецъ.

— Молодецъ, хорошо служишь! — говорю я.

— Какъ же не собирать инвалидамъ, когда они теперь работать не могутъ? Насъ же они защищали.

— Ты тогда еще не родился.

Ива задумывается, а потомъ говоритъ:

— Все равно. Теперь я родился. А вотъ выросту, — пойду на большевиковъ на сраженіе.

— Какъ же ты будешь сражаться?

— А такъ. Можно слоновъ взять. Вѣдь слоны сильны, сильнѣй лошадей. Мы всѣ возьмемъ слоновъ и придемъ. Что тогда? И тогда я возьму Троцкаго и поставлю его вверхъ кармашками!

— Ка-къ?..

— Вверхъ кармашками. Вѣдь они убиваютъ людей и берутъ себѣ деньги. Деньги то тогда изъ кармашковъ назадъ и посыпятся!

Взрослые улыбаются и неожиданности стратегическихъ приемовъ, и результатамъ будущей побѣды маленькаго ординарца. А когда я ухожу, чтобы въ уличной суетѣ спѣшить къ мѣсту работы, я думаю о томъ, что жизнь давно придавила въ насъ пылкую дѣтскую фантазію, и она тащится по землѣ на отяжелѣвшихъ крыльяхъ, какъ раненая птица. Пусть такъ, это въ порядкѣ вещей. Но, кто вынулъ отзывчивость изъ человѣческихъ душъ, эту простую и милую отзывчивость къ чужому страданію и горю?.. Штрафы за позабытое электричество... свои и чужіе сантимы въ копилку для инвалидовъ... Будь счастливъ, маленькій ординарецъ генерала.

И я спѣшу зарисовать твой силуэтъ, потому что онъ будитъ человѣческую совѣсть.

НА ОТДЫХЪ.

Не всякому бѣженцу выпадаетъ на долю нѣсколько дней отдыха внѣ душнаго города. Модные курорты, солнечные пляжи и блескъ океана, — это для людей если не богатыхъ, то по крайней мѣрѣ какъ-нибудь обезпеченныхъ.

А для людей ежедневной работы — хотя бы простая французская деревня съ воздухомъ, не отравленнымъ бензиномъ и съ предвечерней, убаюкивающей тишиной. Просто для того, чтобы могли отдохнуть натянутые, какъ струны, нервы и успокоиться мысли, огорчающія и жалящія среди жизненной суеты.

Впрочемъ, деревень, какъ извѣстно, вблизи Парижа не полагается. Всѣ онѣ называются городами, несмотря на то, что насчитываютъ двѣ-три улицы. Но зато около нихъ рядомъ съ полями капусты, овса и пшеницы, рядомъ съ каждымъ клочкомъ земли, засаженнымъ овощами, непременно торчатъ нѣсколько фабричныхъ трубъ. Тамъ вырабатывается все то, что совершенно необходимо для жизни огромнаго города. Тутъ и транспортный матерьялъ и какія-то украшенія для коробокъ, и коммунисты. Коммунизмъ размножается около этихъ трубъ, вскормленный завистью и пропагандой, обѣщаніемъ легкаго труда съ грабежомъ для начала.

И, быть можетъ, поэтому въ этомъ тихомъ и мирномъ городкѣ, гдѣ судьба послала мнѣ нѣсколько дней отдыха, мэръ числился коммунистомъ. Сидитъ онъ, впрочемъ, совершенно мирно въ очень уютной и мирной мэріи, пока что мирно подписывая какія-то канцелярскія бумаги. А прямо противъ него, какъ и во всякомъ городкѣ и селѣ

Франціи, на крошечной площади стоит маленькій памятникъ въ память дѣтей городка, „на брани животъ свой за отечество положившихъ“. На этотъ разъ — это небольшая гранитная пирамида съ именами убитыхъ въ послѣднюю войну и съ растопыреннымъ гальскимъ пѣтухомъ-побѣдителемъ на вершинѣ. И кажется иногда, что мэръ и пѣтухъ обмѣниваются враждебными взглядами.

— Вотъ когда кончится то, что я здѣсь выражаю, — вашъ вѣками выработанный патріотизмъ, — тогда и кончится Франція, — словно хочетъ промолвить растопыренный пѣтухъ.

Мэръ подписываетъ какое-то удостовѣреніе, и если бы не эта спѣшка, онъ могъ бы, вѣроятно, отвѣтить:

— Удивительная птица. Потому и растопыренная, что полна предрасудковъ. На что мнѣ твое отечество, если я вмѣсто работы буду дѣлить чужія богатства, и не будетъ у меня президента, а будетъ Интернаціональ.

Лучше пройти скорѣй мимо мэрии. Горько дѣлается на душѣ отъ подсказаннаго фантазіей разговора между человѣкомъ и птицей. Горько и оттого, что нѣтъ памятника для безкrestныхъ могилъ, покрывшихъ страну отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Тихаго океана до непроходимыхъ Карпатъ. Но онъ явится, и явится въ видѣ креста, благословляющаго и прощающаго...

Зато хорошо, безобидно и тихо на берегу рѣки. Кругомъ сложены копны пшеницы. Сноповязалка дожинаетъ послѣднія полосы. На Уазѣ пыхтитъ буксиръ, лѣниво и медленно таща за собой тяжелыя барки. Въ тѣни ивъ, на грязноватомъ берегу, поближе къ неподвижному камышу, словно прикованы къ своимъ удочкамъ рыболовы. Они безотрывно глядятъ на свои пробки, спокойные и безучастные ко всему окружающему. И все кажется простымъ, понятнымъ и неподвижнымъ, какъ на картинѣ художника. Кажется, что всегда будетъ пыхтѣть буксиръ на одномъ мѣстѣ и будутъ сидѣть рыболовы, смотря на свои пробки. Впрочемъ, можно ихъ оживить, шопотомъ и сочувственно спросивъ объ уловѣ. И тѣмъ же сочувственнымъ шопотомъ вамъ отвѣтятъ любезно:

— О, да. Случается иногда. Рѣдко, конечно, но все же случается.

И не безъ затаенной гордости даже покажутъ въ сачкѣ нѣсколько небольшихъ рыбокъ, скромныхъ до того, что названія ихъ невозможно запомнить.

И чувствуется, что дѣло здѣсь не въ уловѣ, а вотъ въ этой мирной природѣ, въ этомъ красивомъ закатѣ, старающемся позолотить зеленую воду Уазы, въ этомъ свѣжемъ вечернемъ воздухѣ, когда такъ легко и вольно дышится груди. А вмѣстѣ съ темнотой, ползущей со всѣхъ сторонъ и падающей сверху, засыпаетъ спозаранку и городъ. И сонъ послѣ отдыха дѣлается отраднѣй и крѣпче. И чаще снятся и запахъ березы, и безкрайній степной горизонтъ, и многоводныя рѣки, и безмѣрныя поля той страны которую теперь лишили даже и имени, но къ которой несутся воспоминанія и благословенія русскихъ изгнанниковъ, разсѣянныхъ по всѣмъ странамъ земли...

Хорошо отдохнуть.

БЛИЗКІЯ ТѢНИ.

(ИЗЪ КНИГИ „ДАЛЕКІЕ ДНИ“).

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Некрасовъ, Плещеевъ, Полонскій, Фетъ, — вытверживались нами въ хрестоматіяхъ, плѣняли насъ поэтическимъ словомъ, а, главное, были нашими старшими современниками, овѣяными славой, которой по справедливости гордилось русское образованное общество. Съ какимъ восторгомъ мы, юноши, встрѣчали на эстрадѣ величественную фигуру Плещеева, съ какимъ трепетомъ слушали его пѣвучую, нѣсколько на французскій манеръ декламацию: „Впередъ безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья! Зарю святого искупленья ужъ въ небесахъ завидѣлъ я“, звучало съ эстрады и дѣйствительно звало куда-то отзывчивыя и горячія юношескія сердца. Это не забывается, какъ не забываются порывы и переживанія, связанныя съ исканіями и трепетомъ молодости...

Вернувшись въ номеръ гостиницы, гдѣ подолгу проживалъ я при посѣщеніяхъ Петербурга, нашелъ записку Плещеева, приглашавшаго меня къ себѣ по поводу напечатаннаго мною стихотворенія въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“. Записка упоминала о томъ, что соберется нѣсколько человѣкъ. Помню, какъ эта записка произвела во мнѣ впечатлѣніе какого-то смутнаго и сладкаго страха, помню, какъ на другой день я шелъ, почему-то замедляя шаги и на Преображенской площади остановился съ біеніемъ сердца въ первомъ этажѣ передъ дверью квартиры Плещеева, прислушиваясь къ раздававшимся изъ-за нея голо-

самъ. Квартира была небольшой и небогато обставленной. То былъ періодъ трудовой и скудной жизни Плещеева, когда онъ жилъ литературной работой, редактируя художественный отдѣлъ журнала „Сѣверный Вѣстникъ“, политическимъ редакторомъ котораго былъ Н. К. Михайловскій. О неожиданномъ, свалившемся на него въ старости на слѣдствѣ, не было тогда и рѣчи. И въ этой небольшой квартирѣ встрѣчало посѣтителя простое и привычное радушіе русской семьи. Семья А. Н. Плещеева состояла тогда изъ жены, Александры Михайловны и двухъ дочерей, о которыхъ трудно было сказать, которая изъ нихъ красивѣе. Сынъ А. Н. Плещеева, Александръ Алексѣевичъ, жилъ отдѣльно, и на этотъ разъ его не было. Небольшое общество, которое я засталъ тамъ, возбуждало во мнѣ, юношѣ, почтительное благоговѣніе: я помню въ числѣ гостей Я. П. Полонскаго и П. И. Вейнберга, съ замѣчательнымъ остроуміемъ рассказывавшаго какія-то исторіи, вызывавшія веселый и неудержимый смѣхъ. И странно было съ непривычки видѣть длиннобородую, библейскую фигуру Вейнберга, къ которой будто бы и не шло такое веселіе. Но такимъ былъ по существу переводчикъ Гейне, и его присутствіе, какъ я въ этомъ потомъ убѣдился, всегда и вездѣ заражало общество неудержимымъ весельемъ.

Небольшое общество сидѣло за чайнымъ столомъ, радушно угощалось хозяйкой, ведя непринужденный, дружескій разговоръ. Я чувствовалъ себя стѣсненнымъ среди людей, къ которымъ относился съ благоговѣніемъ и, по видимому, это-то и направило ко мнѣ ласковыя слова всѣхъ присутствующихъ. И всетаки я былъ обрадованъ и ободренъ приходомъ В. А. Фаусека, тогда приватъ доцентамъ университета, а впослѣдствіи директора Высшихъ женскихъ курсовъ, моего близкаго друга. Онъ былъ уже своимъ въ этомъ талантливомъ обществѣ, а къ концу вечера и я уже сталъ чувствовать себя въ немъ своимъ. Въ ту пору въ нашихъ литературныхъ кругахъ вообще легко и просто сходились между собой люди. И не одно привычное русское радушіе было, думается теперь, этому причиной. Пусть душа людей остается всегда неизмѣнной, но вѣдь быть и

нравы общественныхъ круговъ мѣнялись и мѣняются на нашихъ глазахъ. Тогда не стремились къ рекламѣ и, мечтая о славѣ, не гнались за мимолетнымъ и шумнымъ уличнымъ успѣхомъ, рождающимъ затаенное недоброжелательство къ другимъ и питающимъ личное самолюбіе. Во всякомъ случаѣ къ А. Н. Плещееву это никакъ не могло относиться. Онъ былъ поистинѣ добрымъ человѣкомъ, и вся фигура его казалась исполненной доброжелательствомъ къ окружающему. Въ рядахъ тогдашней литературы онъ былъ извѣстенъ какъ покровитель литературной молодежи, успѣхамъ которой радовался онъ искренно, и эта черта останется навсегда особенно показательной для его духовнаго облика. Въ ней сказывается и человѣкъ и настоящій служитель искусства.

Дружба съ молодыми писателями, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ, служить тому доказательствомъ. Какъ относился онъ къ В. М. Гаршину и къ Надсону, которыхъ мнѣ довелось только однажды видѣть у него, всѣмъ извѣстно. Но въ послѣдствіи, часто навѣщая поэта, я встрѣчалъ у него цѣлый рядъ литературной молодежи. Тамъ встрѣчалъ я въ числѣ другихъ и Мережковскаго и Чехова, съ которымъ подъ сѣнью гостепріимнаго крова Плещеева и началось наше долгое знакомство и дружба.

Вызывая теперь въ своей памяти образъ Плещеева, какъ человѣка, я думаю, что на немъ ярко лежалъ отпечатокъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Разумѣется къ представителямъ этой эпохи ни Плещеева, ни Полонскаго всецѣло отнести невозможно, по началу своей дѣятельности они могли быть только младшими ея современниками. Но идеализмъ сороковыхъ годовъ, даже болѣе того, внутреннее благородство, проявлявшееся во внѣшнихъ сношеніяхъ сохранило то поколѣніе, представитель котораго былъ теперь моимъ радушнымъ хозяиномъ. Иныя, болѣе радикальныя вѣянія развернувшася нигилизма на двинулись на русскую интеллигенцію. На Плещеевѣ лежалъ, быть можетъ, ярче чѣмъ на другихъ современникахъ (Полонскій, Случевскій и др.) отпечатокъ того времени, — стремленіе къ политической свободѣ съ нѣкоторымъ ук-

лономъ къ умѣреннымъ социалистическимъ теоріямъ, и все это съ поразительной искренностью и безконечнымъ желаніемъ добра и родной странѣ и всѣмъ окружающимъ.

Образъ такого именно человѣка сохранила мнѣ навсегда моя память. Ошибки не только возможны, но и неизбежны для каждаго живущаго человѣка. Но нравственный образъ человѣка создается не ими, а добротой и любовью по отношенію къ другимъ. И еще искренностью. И въ то время А. Н. Плещеевъ выдѣлялся среди современнаго ему общества своей чуткой отзывчивостью. То было время, готовившее уже страшныя переживаемыя нами событія. А. Н. Плещеевъ такой подготовкѣ былъ чуждъ. Дѣятели страшнаго времени тогда еще не проявлялись властно, а только еще чудились на пророческихъ страницахъ Достоевскаго и Лѣскова, вызывая отвращеніе людей типа А. Н. Плещеева. Въ нихъ какъ-то тогда даже не вѣрилось...

Первый вечеръ моего посѣщенія закончился весело. Вздумали придумывать на заданныя слова рифмы. Я молчалъ, стѣсняясь играть рифмой въ присутствіи трехъ поэтовъ и даже замѣтилъ, что это мнѣ стыдно. И среди всеобщаго смѣха Вейнбергъ сказалъ, что и ему стыдно, и что „какъ человѣкъ пристыженскій онъ говоритъ: вивать Ладыженскій“. Такая рифма, представлявшая шутку, едва ли бы удивила послѣдующихъ поэтовъ, старавшихся поразить улицу невѣроятными словообразованіями.

Посѣщенія Плещеева сдѣлались для меня одной изъ большихъ радостей во время наѣздовъ въ Петербургъ. Вспоминается и одно посѣщеніе, связанное съ тогдашними масляничными балаганами. Гостей на этотъ разъ у А. Н. Плещеева никого не было. Втроемъ съ женой А. Н. Плещеева скромно позавтракали мы не безъ блиновъ, разумѣется, и за чаемъ занялись тихой бесѣдой. Предметомъ нашего разговора была литература, которой хозяинъ вѣрой и правдой прослужилъ всю свою жизнь. Среди молодыхъ Плещеевъ восторженно отмѣчалъ Чехова. Оцѣнка современной литературы смѣнялась иногда замѣчаніями и воспоминаніями о тѣхъ авторахъ, къ блестящей плеядѣ которыхъ принадлежалъ и онъ самъ. Въ воспоминаніяхъ его

вставало передо мной и дѣло Петрашевскаго, по которому онъ былъ привлеченъ и осужденъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ.

Такимъ образомъ, передо мной проходили неуловимыя и забвенныя настроенія ушедшей въ вѣчность эпохи въ жуткихъ переживаніяхъ современника.

Такъ въ глубоко интересной для меня бесѣдѣ мирно текло наше время, пока уставшій хозяинъ не сказалъ мнѣ:

— Пойдемте пройтись. Я мало выходилъ съ самой болѣзни, а теперь на улицѣ хорошо.

Такому предложенію я очень обрадовался: пріятно было погулять съ чувствовавшимъ себя весело и бодро Плещеевымъ. Мы вышли на Литейный и пошли по направленію къ Пантелеймону. Здѣсь мы перешли мостъ и шли мимо Инженернаго замка. А. Н. Плещеевъ передавалъ мнѣ то, что слышалъ отъ близкихъ ему людей о трагической смерти Императора Павла. Разсказъ съ неизвѣстными тогда мнѣ подробностями былъ поистинѣ страшенъ и странно и жутко не гармонировалъ съ доносившимся до насъ веселымъ шумомъ толпы. Это было масляничное гулянье на Марсовомъ полѣ, гдѣ въ ту пору строились для этого балаганы. Мнѣ жаль теперь этихъ ушедшихъ въ вѣчность народныхъ забавъ. Всѣ эти балаганы съ ихъ масляничными дѣдами и раешниками, съ ихъ петрушками и попытками исторической пьесы — были подлиннымъ, и главное, публичнымъ выраженіемъ художественнаго народнаго творчества, котораго не замѣнятъ никакіе кинематографы.

— Пойдемте-ка на балаганы. Знаете, я вѣдь ихъ очень люблю, а давно уже не видалъ, — сказалъ мнѣ Плещеевъ.

Предложеніе обрадовало меня, тоже питавшаго нѣкоторую слабость къ народнымъ зрѣлищамъ. И вотъ мы пошли, пробираясь сквозь густую толпу на Марсовомъ полѣ, останавливаясь передъ всякими наивными забавами и все протискиваясь впередъ къ балагану Малафеева, считавшемуся однимъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ. Балагана достигли мы не безъ затрудненія и всетаки намъ удалось достать два мѣста на одной изъ переднихъ скамеекъ. Шла какая-то историческая пьеса, содержаніе кото-

рой я теперь уже позабылъ, но которая изображала времена Грознаго.

— Позвать сюда боярина Плещеева! — загремѣлъ на сценѣ Грозный въ халатѣ, украшенномъ золотыми позументами.

Я невольно взглянулъ на А. Н. Плещеева. Настоящій бояринъ. Съ большой сѣдой бородой и благородной боярской осанкой. И всегда онъ такой, и дома, и на улицѣ и на эстрадѣ. А теперь онъ отъ души смѣется въ балаганѣ надъ наивной попыткой народной исторической пьесы, радуется вмѣстѣ съ окружающимъ насъ народомъ, а потомъ говоритъ мнѣ:

— Что жъ, это вѣдь правда. Мы очень древняго боярскаго рода, изъ котораго происходилъ митрополитъ Алексій. Авторъ очень основательно могъ взять нашу фамилію для персонажа своей исторической пьесы.

И раньше всегда внѣшній обликъ Плещеева казался мнѣ, какъ и всѣмъ его знавшимъ, — боярскимъ. Теперь же, когда мы возвращались домой, и А. Н. Плещеевъ добродушно раздавалъ подаяніе нищимъ у Пантелеймоновскаго моста, сходство казалось уже поразительнымъ...

Вызвавъ въ воспоминаніяхъ образъ Плещеева, я думаю, что молодежь многому бы научилась въ жизни, если бы при изученіи литературы яснѣе представляла себѣ писателя, какъ человѣка. Безъ внутренней духовной свободы и безъ высоты идеала невозможно никакое художественное творчество. Степень его силы — есть уже дѣло таланта... Къ старости пришло къ Плещееву неожиданное богатство, скрасивъ его послѣдніе годы. И уже скоро роскошный памятникъ въ московскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ сталъ надъ его могилой. А невдалекѣ приютилась могила Чехова, дарованіе котораго онъ такъ лелѣялъ. И всякій разъ, когда я вспоминаю объ А. Н. Плещеевѣ, меня охватываетъ радость за то общеніе, которое онъ мнѣ давалъ, и вспоминаются по поводу его утери слова другого поэта о милыхъ спутникахъ жизни:

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію — были.

Н. С. ЛЪСКОВЪ.

Въ верхнемъ этажѣ дома на Сергіевской улицѣ въ маленькой квартирѣ помѣщалась Редакція дѣтскаго журнала „Игрушечка“. Я не помню точно ни времени ни повода моего появленія въ ней. Повидимому я, недавно дебютировавшій въ литературѣ, получилъ отъ кого либо изъ сотрудниковъ журнала приглашеніе зайти на редакціонное засѣданіе и познакомиться съ редакторомъ-издательницей журнала. То было время, когда журналъ отъ его основательницы старухи Пассекъ переходилъ къ ея родственницѣ А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой. Журналъ въ ту пору малочисленности подобныхъ изданій имѣлъ уже нѣкоторый успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ литературныхъ кругахъ. Но близкая къ этимъ кругамъ Пассекъ уже не въ состояніи была одна редактировать его по своему преклонному возрасту. Мнѣ пришлось видѣть ее нѣсколько разъ въ той же редакціи. Это была глубокая, древняя старушка, необыкновенно благообразная, настоящая лѣтопись своего времени, съ большими связями въ литературной средѣ уходившей въ вѣчность, и съ большой любовью къ дѣтямъ, къ поколѣнію, идущему ей на смѣну. Стремленіе къ дѣятельности не покидало ее до конца, и вотъ только старость дѣлала ее невозможной. На нее и жаловалась она мнѣ съ добродушно-комическимъ оттѣнкомъ при первомъ знакомствѣ.

— Не вижу я ничего. Слѣпнуть стала я окончательно. Съ лупой еле рукописи разбираю. На дняхъ отличное клише Миланскаго собора въ журналѣ помѣстила, а вто-

ропяхъ со слѣпу подпись перепутала, ну и напечатали подь соборомъ „мостъ черезъ Волгу“.

Немногочисленные дѣтскіе журналы того времени возникли несомнѣнно изъ подлинной любви къ дѣтямъ и сопровождались интересомъ къ литературной работѣ. Матерьяльныя требованія какъ то стыдливо отступали при этомъ назадъ, заставляя и издателей и сотрудниковъ довольствоваться буквально грошами. Впослѣдствіи на моихъ глазахъ начало развиваться издательство дѣтской литературы, рассчитанное на матерьяльный успѣхъ и широкое распространіе. Какъ далеко оно было отъ Ишимовой моего дѣтства и Пассекъ, встрѣченной въ юности. Букашки и таракашки въ самыхъ неожиданныхъ рифмахъ съ цѣлымъ арсеналомъ пошлости ворвались въ журналистику вмѣстѣ съ безконечными дамскими повѣстями и романами, настоящей приготовительной школой бульварныхъ романовъ. Откровенное ремесло требовало прежде всего заработка...

Александра Николаевна Тюфяева была сравнительно молодой еще женщиной, но матерью уже трехъ дѣтей — мальчика и двухъ дѣвочекъ. Сколько нибудь официальной редакціонной обстановки мнѣ не пришлось встрѣтить при этомъ первомъ моемъ посѣщеніи. Самоваръ и чай за чайнымъ столомъ вмѣстѣ съ дѣтьми, мирный разговоръ на самыя случайныя темы и вмѣстѣ съ тѣмъ обсужденіе содержанія ближайшаго номера журнала и обсужденіе поступившихъ рукописей, — все это носило чисто дружескій характеръ, дѣлая и знакомыхъ семьи друзьями журнала. Чаше другихъ за этимъ столомъ появлялся и П. В. Засодимскій. Въ дѣйствительности отсутствіе у него таланта искупалось въ дѣтскихъ разсказахъ добродушіемъ и любовью къ дѣтямъ, что и создало ему кратковременный успѣхъ въ этой области, какъ бы совсѣмъ независимо отъ псевдонародничества въ повѣстяхъ и романахъ. Но кромѣ сотрудниковъ маленькаго журнала за тѣмъ же чайнымъ столомъ можно было встрѣтить и крупныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей въ качествѣ гостей дома.

Меня, тогда еще совсѣмъ молодого, интересовала привѣтливая хозяйка, какъ типъ никогда еще мною не видан-

ный ни въ глуши моей родной деревни, ни въ городѣ. То было время, когда еще мнѣ „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“, и когда такъ жадно хотѣлось осмыслить и, можетъ быть, обобщить разнообразныя впечатлѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, кто была она, наша привѣтливая хозяйка, Александра Николаевна Тюфяева? Простая, добродушная русская женщина, съ характернымъ гостепріимствомъ и суетой по хозяйству, съ врожденнымъ стремленіемъ къ уюту, который создается только семьей. Здѣсь она была поистинѣ въ своей сферѣ, какъ и огромное большинство русскихъ женщинъ. Но вотъ подите же, насъ всѣхъ угощала несомнѣнная героиня, въ которой самый внимательный глазъ не могъ бы примѣтить рѣшительно ничего геройскаго, ни единой черты. А между тѣмъ передъ нами сидѣла гарибальдійка, въ ранней юности еще дѣвицей-подросткомъ въ мужскомъ костюмѣ продѣлавшая вмѣстѣ съ Гарибальди походъ на Римъ. Представить себѣ это было можно только воображеніемъ. Да и ему не легко было увидѣть русскую дѣвушку въ красной рубашкѣ гарибальдійца, гордо декламирующую о погибшихъ товарищахъ:

Eran trecenti, eran djiovanie forti —

E sono morti.

А между тѣмъ все это было настоящей дѣйствительностью, и этотъ походъ съ Гарибальди, и это увлеченіе чужимъ освобожденіемъ вплоть до жертвеннаго порыва, — настоящей русской дѣйствительностью. Можно искать причинъ всему этому въ вѣяніи идеализма сороковыхъ годовъ. Но, думается, этимъ указанъ былъ бы лишь ближайшій толчокъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось недостаточнымъ этого для революціонерки въ чужой странѣ. Только послѣ, приглядѣвшись къ редакціонной работѣ хозяйки, къ ея любви къ мельчайшимъ чертамъ русской жизни, понялъ я, что ее могла привлекать идея торжества націонализма, хотя бы чужого. Замѣчательно, что социализмъ былъ ей чуждъ окончательно. Національной свободой для нея исчерпывалось все. И это роднило ее съ наиболѣе положительными

типами Лѣскова, вродѣ Рейнера, ихъ общаго знакомаго, какъ оказалось потомъ.

За чайнымъ столомъ Тюфяевой я и встрѣтилъ чело-
вѣка въ домашнемъ костюмѣ и мягкой рубашкѣ. Очевидно
онъ былъ здѣсь своимъ, старымъ знакомымъ. Но на немъ
невольно сосредоточивалось вниманіе окружающихъ, и это
онъ владѣлъ разговоромъ. Это и былъ Н. С. Лѣсковъ.
Разговоръ былъ дѣйствительно интересенъ. Простымъ, но
необыкновенно красочнымъ языкомъ рассказывалъ онъ,
вспоминая свои странствованія по Россіи, и передъ слуша-
телями вставалъ подлинный бытъ народа, мнѣ, деревен-
скому жителю, знакомый и близкій, но являвшійся теперь
новымъ, углубленнымъ оригинальнымъ духовнымъ освѣ-
щеніемъ. Блестки юмора врывались иногда въ воспоминанія
Лѣскова, но тотчасъ же и гасли, уступая мѣсто трагизму
души челоуѣка. Такимъ было мое первое впечатлѣніе отъ
знакомства съ Лѣсковымъ. Припоминается мнѣ теперь,
какъ въ этомъ рассказѣ неожиданно заняла мѣсто и род-
ная мнѣ Пензенская губернія, гдѣ по распоряженію англи-
чанина построены были крѣпостными для себя каменные,
желѣзомъ крытыя избы и какъ, несмотря на всѣ настоянія,
крестьяне продолжали жить въ курныхъ, закопченныхъ
избенкахъ рядомъ съ построенными...

Лѣсковъ былъ уже тогда пожилымъ и больнымъ че-
ловѣкомъ и въ эту первую нашу встрѣчу и въ послѣду-
ющія, довольно впрочемъ рѣдкія, жаловавшійся на одышку
и болѣзнь сердца. Это не мѣшало ему однако съ непере-
даваемымъ юморомъ называть себя дебютантомъ въ лите-
ратурѣ. То было время, когда журналы наперерывъ ждали
его рассказовъ на любимыя имъ апокрифическія темы

— А вѣдь было время, — говорилъ онъ мнѣ, —
когда меня въ грязь топтали, а главное, дружно замалчи-
вали. А теперь вотъ я словно бы дебутирую.

Въ дѣйствительности либеральныя и соціалистическія
тенденціи, ворвавшіяся въ русскую интеллигенцію, а черезъ
нея и въ литературу, насильственно и надолго наложили
на нее свою печать. Съ независимыми художниками вое-
вала критика, а крупныхъ замалчивала. И въ этой „фигурѣ

умалчиванія“ таился признакъ сердитаго безсилія. Не избѣгъ замалчиванія ни Достоевскій, ни Лѣсковъ, ни другіе. Помнится, юношей слышалъ я въ литературныхъ кругахъ странную поговорку: „Писемскій утонулъ въ „Взбаламученномъ морѣ“, Лѣскову итти „Некуда“, а Достоевскій взбѣсился“...

Теперь, когда русская жизнь далеко оставила позади художественно-пророческія изображенія Лѣскова, его образы кажутся подлинными и краски правдивыми. А тогда говорили о памфлетѣ, о пасквилѣ, о клеветѣ. Такъ художественное познаніе жизни и художественная интуиція всегда правдивѣе мнѣнія властной толпы изъ кого бы она ни состояла: изъ черни, изъ передовыхъ людей или, какъ это случается иногда, изъ интеллигентской черни. Но такое отношеніе, казалось бы, не могло не ранить, не оскорблять душу писателя. И Лѣсковъ несомнѣнно пережилъ эту драму человѣческой несправедливости и преодолѣлъ ее любовью къ людямъ и къ родной природѣ, любовью, безъ которой было бы непонятнымъ его обращеніе.

„Всѣ вы, всепрощающіе, всезабывающіе незлобные русскіе люди, и сама ты, наша плакучая береза, наша ораная, Русь просторная“.

Характерно для Лѣскова и то, что среди сложной жизненной драмы онъ искалъ положительныхъ русскихъ типовъ не только въ религіозномъ типѣ отшельника, но и въ „праведникахъ“, разсѣянныхъ незамѣтно по всей поверхности жизни.

Всякій разъ общеніе съ Лѣсковымъ оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе. А когда передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, видѣлъ я его незадолго до его кончины, онъ говорилъ мнѣ:

— Я хотѣлъ бы только, чтобы надъ моей могилой поставили простой деревянный крестъ. Въ нашемъ климатѣ онъ не простоитъ долго. А когда онъ упадетъ, исчезнетъ, вѣроятно, и воспоминаніе обо мнѣ. Недолга человѣческая память.

Вызывая въ воспоминаніяхъ образъ этого человѣка, мнѣ пріятно думать о рѣдкихъ съ нимъ встрѣчахъ, о впечатлѣніяхъ общенія съ нимъ и о томъ, что истинный талантъ зачастую переживаетъ самые прочные памятники.

С. А. НАЙДЕНОВЪ.

Наслѣдникъ богатаго купца съ характерно безпутной, на русскій ладъ жизнью, толстовецъ, ищущій жизненной правды, актеръ, кочующій по провинціи съ смѣшными и опять таки безпутными приключеніями и, наконецъ, драматургъ, давшій русской литературѣ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ одна, выстраданная и пережитая, коснулась значительнаго и глубокаго въ душѣ челоуѣка, — таковы этапы жизненнаго пути С. А. Найденова.

Вѣчно мѣняющійся бытъ уходитъ такъ быстро, что уже слѣдующее поколѣніе съ изумленіемъ останавливается передъ его деталями. Гдѣ теперь старокупеческій бытъ, словно на мѣди выгравированный для потомства Островскимъ? Но въ воспоминаніяхъ и въ литературѣ осталась жизнь провинціальныхъ купцовъ-богачей. Въ огромныхъ и мрачныхъ домахъ съ нерастворявшимися парадными комнатами проходила эта замкнутая жизнь. Вѣчные расчеты, учетъ огромныхъ оборотовъ, сборы на Нижегородскую ярмарку съ кутежами въ развеселомъ Кунавинѣ, — вотъ что наполняло эту жизнь. Молодое поколѣніе въ такихъ домахъ жило своей особенной, мало интересной для старшихъ жизнью. Суровая черта почтенія, а чаще страха отдѣляла отцовъ отъ дѣтей. Но уже жизнь выводила дѣтей изъ затвора. Мальчики и дѣвочки ходили въ гимназію, словно отбывавшая повинность. Никто изъ старшихъ этимъ не интересовался. Интересовались тѣмъ, чтобы мальчики постепенно вошли во вкусъ расчетовъ и оборотовъ, чтобы въ свое время начать жизнь старшаго поколѣнія. А въ новое поколѣніе проникали новыя вѣянія, разшатывались

нравственныя основы, сдерживавшіяся властнымъ укладомъ старой „чинной“ жизни, не интересуя отцовъ и ставя ихъ передъ разладомъ съ дѣтьми.

Такое приблизительно дѣтство и раннюю юность провелъ С. А. Найденовъ, съ настоящей своей фамиліей Алексѣева. Прошло это дѣтство въ Казани, гдѣ родственные торговые дома Алексѣевыхъ и Щетинкиныхъ гремѣли на все Поволжье. Огромная торговля посудой, снабженіе этой посудой чуть ли не всей Персіи, все это было и былшемъ поросло... Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ получилъ С. А. Алексѣевъ послѣ смерти отца большое состояніе и магазины въ Саратовѣ, но къ торговлѣ оказался окончательно неспособнымъ. Убытки шли за убытками, состояніе таяло и быстро исчезло. Изъ такихъ людей вырабатывается иногда типъ Любима Торцова, — человѣка съ высокими идеалами и безпутной жизнью. Но не то суждено было Найденову. Купеческій сынъ оказался совсѣмъ непрактичнымъ фантазеромъ, а, главное, фантазеромъ очень довѣрчивымъ. Впослѣдствіи не безъ юмора рассказывалъ онъ мнѣ, какъ разваливалось дѣло въ его неумѣлыхъ рукахъ, какъ чтобы его поправить, онъ съ какимъ-то компаньономъ придумалъ торговлю рябчиками въ Москвѣ, для чего отправилъ на Уралъ компаньона. Кончилось тѣмъ, что закупавшій рябчиковъ компаньонъ закутилъ и исчезъ на долгое время, а два вагона рябчиковъ застряли гдѣ-то въ дорогѣ и послѣ телеграммъ ожидавшаго ихъ въ Москвѣ Найденова пришли съ испорченнымъ товаромъ, разоривъ его окончательно. Неисчерпаемыя русскія богатства столкнулись на этотъ разъ съ неисчерпаемымъ русскимъ безпутствомъ.

Но не безпутство потянуло къ себѣ Найденова, а толстовство въ поискахъ праведной жизни. Такую жизнь онъ и пытался осуществить одно время, вступая на путь, гдѣ ждало его разочарованіе. Гдѣ-то, если не ошибаюсь, въ Пермской губерніи основалась колонія, куда и направился полный вѣры въ идею и смутныхъ надеждъ С. А. Найденовъ. Совмѣстная жизнь съ людьми иногда благодушными, неприспособленными къ простой работѣ, смутно тоску-

ющими по какому-то идеалу и ссорящимися по совершенно ничтожнымъ поводамъ, — такова оказалась колонія въ добродушно-юмористической передачѣ Найденова, и въ этомъ сказалась та правда, отъ которой мечта не привилась къ жизни.

Тогда потянула его красота сцены, красота воплощенія типовъ, выкованныхъ художественной литературой. И вотъ — молодой Алексѣевъ дѣлается ученикомъ драматической школы московской Филармоніи. Школу эту онъ окончилъ и сталъ провинціальнымъ актеромъ. Началась безпутная бродячая жизнь съ анекдотами, которымъ нисколько не удивился бы все еще безсмертный въ русскомъ актерствѣ Аркашка. Скоро понялъ Найденовъ, и что талантъ его не великъ, и что такая жизнь не по немъ: слишкомъ велики были запросы его вѣчно искавшаго, пламенѣвшаго духа. И вотъ тогда-то ему неудержимо захотѣлось воплотить въ художественныхъ образахъ и пережитое и передуманное. Захотѣлось ярко показать людямъ эту жизнь въ условіяхъ близко знакомой ему сцены. Сама собой выковывалась пьеса въ душѣ. А жизнь въ это время плохо сложилась для автора. Денегъ у него не было, время ангажементовъ онъ пропустилъ. Оставаясь сидѣть въ мебелированной комнатѣ въ Москвѣ, выпрашивать приглашенія въ какой нибудь театръ, да дописывать пьесу. И съ этимъ надо было спѣшить, чтобы поспѣть на конкурсъ, объявленный Суворинскимъ театромъ въ Петербургѣ. Обѣдать стало не на что, приходилось питаться чаемъ съ хлѣбомъ и колбасой. А пьеса писалась. Набрасывая листъ за листомъ, образы выходили все ярче и ярче. Наконецъ-то пьеса переписана и отправлена въ Петербургъ: „Дѣти Ванюшина“ Сергѣя Найденова.

И опять потянулись голодные недѣли, скучныя и однообразныя. И вдругъ сразу, — и приглашеніе въ Орель на конецъ сезона и телеграмма изъ Петербурга о томъ, что пьеса получила премію. Премія (кажется, 500 р.) — это уже капиталъ, на который можно жить сытно. Но вѣдь пьеса будетъ поставлена въ столичномъ театрѣ, обойдетъ, по крайней мѣрѣ, втеченіе одного сезона Россію, — это

уже нѣкоторое обезпеченіе. Жребій брошенъ, надо ъхать въ Петербургъ и ставить пьесу на сцену.

Пьеса имѣла успѣхъ исключительный. Сотни разъ она прошла на столичныхъ театрахъ, да и теперь еще не сходитъ съ репертуара по всей Россіи. Она обезпечила безбѣдную жизнь С. Найденову. Что же это за пьеса? Великій Гете говорилъ: „черпайте полной рукой изъ жизни и творите изъ этого матерьяла художественные образы“. Такъ на этотъ разъ и поступилъ Найденовъ. Изъ выстраданнаго, во многомъ личнаго, создалъ онъ пьесу. Подлинная жизнь сквозитъ въ его драмѣ. Прототины настолько ясны были для современниковъ, что авторъ не позволилъ ставить свою драму въ Казани. Но рознь отцовъ и дѣтей, вся глубокая трагедія мелкой, переполненной ложью и страданіями человѣческой жизни, прошла передъ зрителями, зова къ другой, болѣе справедливой и человѣчной жизни... Въ этомъ и ея литературное значеніе и ея несомнѣнно заслуженный успѣхъ. Съ ея появленіемъ С. А. Найденовъ занялъ свое мѣсто въ исторіи русской литературы и сцены.

Извѣстность пришла къ нему сразу. Я сказалъ извѣстность, — потому что время появленія пьесы совпало съ нѣкоторымъ переломомъ въ нравахъ русской литературы. Прежде въ литературѣ завоевывали славу потихоньку, шагъ за шагомъ, сторонясь отъ извѣстности и даже, какъ будто бы, ея стыдясь. Теперь публичныя выступленія по разнымъ поводамъ, портреты во всѣхъ витринахъ, газетныя замѣтки о частной жизни, — словно выводили писателя на улицу, сближали съ толпой. Былая скромность Глѣба Успенскаго и Короленка, стыдливость Чехова были какъ будто не въ модѣ. И если это такъ, то С. А. Найденовъ былъ въ этомъ отношеніи старомоднымъ. Нѣсколько угрюмый и замкнутый въ себѣ, онъ не любилъ выступленій и не гнался за извѣстностью, зная ея настоящую цѣну.

Познакомился я и подружился съ Найденовымъ вскорѣ послѣ постановки „Дѣтей Ванюшина“, значить въ пору его внезапной извѣстности. Казалось, она стѣсняла его той требовательностью и тѣми ожиданіями, которыя она налагаетъ.

— Вотъ будутъ погонять и требовать пьесу за пьесой. А я написалъ то, что видѣлъ и переживалъ, чего не могъ я не написать, потому что это сжилось съ моей душой.

Надъ каждой мыслью, надъ каждымъ образомъ Найденовъ работалъ упорно и долго. Я часто видѣлся съ нимъ, часто говорилъ на всевозможныя темы и часто получалъ его письма. Въ письмахъ писателя высказываются наиболѣе ярко не только интимныя стороны его характера, но и та, не всегда видимая читателямъ основа творчества, вытекающая изъ его міровоззрѣнія. Вотъ почему мнѣ жаль теперь, что революція уничтожила въ отнятомъ у меня деревенскомъ домѣ много писемъ Найденова, Мамина, Чехова и другихъ. Будущій біографъ полнѣе возстановилъ бы по нимъ образъ писателя и пути его творчества. Въ моихъ же воспоминаніяхъ они, эти пропавшія письма, еще ярче рисуютъ и интимную жизнь въ вѣчность ушедшаго друга и ту искренность, съ которой онъ упорно искалъ жизненной правды.

„Богатый человѣкъ“, „Стѣны“ и нѣсколько другихъ пьесъ слѣдовали одна за другой. Надо сказать правду, что ни одна изъ нихъ успѣхомъ не пользовалась. Казалось, писатель весь высказался въ первомъ своемъ произведеніи. Это и указывало на исключительную субъективность его дарованія. Да и здоровье его какъ то сразу и вдругъ пошатнулось. Пришлось переселиться на югъ, въ Ялту, и творческой мысли и удѣлять то немного, что оставалось отъ физическихъ страданій.

Въ девятнадцатомъ году, живя въ Ялтѣ, я каждый день видѣлся съ нимъ, моимъ давнимъ другомъ. И трогательно было видѣть въ немъ, уже прикованномъ къ постели, новые творческіе замыслы.

В. М. ЛАВРОВЪ

Русская жизнь нерѣдко отличалась тѣмъ, что представляла оригинальные и сложные характеры, совершенно неожиданные въ той средѣ, изъ которой они происходили. Къ такимъ характерамъ принадлежалъ и Вуколъ Михайловичъ Лавровъ, редакторъ и издатель журнала „Русская Мысль“. Значеніе журнала „Русская Мысль“ извѣстно, и онъ займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской журналистики своего времени. Собрать вокругъ этого журнала крупнѣйшія имена художественной литературы и публицистики, — такова была задача его редактора, принадлежащая ему въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ его соредактору — В. А. Гольцеву. И надо сказать правду, во все время этой редакціи художественная сторона журнала ярко преобладала надъ публицистикой. Всѣмъ этимъ и обязанъ былъ журналъ В. М. Лаврову, съ которымъ познакомился я въ качествѣ сотрудника, а въ скоромъ времени сблизился.

Происходилъ В. М. Лавровъ изъ богатой купеческой семьи елецкихъ мукомоловъ. Какъ воспитывался онъ и гдѣ получилъ, повидимому, формально незаконченное образованіе, я не знаю. Во всякомъ случаѣ это былъ широко и разносторонне образованный человекъ. Увлечение художественной литературой вмѣстѣ съ большимъ состояніемъ принесъ онъ съ собою въ Москву, бросивши несвойственное ему торговое дѣло. Въ его характерѣ не было ни практичности, ни торговой сметки. Довольно яркимъ доказательствомъ этого служилъ крахъ книжнаго магазина, основаннаго имъ при журналѣ. Магазинъ этотъ, имѣвшій всѣ шансы на успѣхъ, просто прогорѣлъ оттого, что книги

растаскивали, а денежные суммы раскрадывали какіе-то люди, которымъ довѣрялъ Лавровъ, никогда не провѣряя ихъ дѣйствій. Отъ купечества остался ему широкій размахъ натуры, смѣлость въ предпріятіи да еще специальное гурманство дома и въ ресторанахъ, напоминавшее героевъ романа „Въ лѣсахъ“.

Откуда онъ добылъ настоящую страсть къ литературѣ съ ея тонкой оцѣнкой, любовь къ предметамъ старины, къ рѣдкой посудѣ и мебели, — трудно сказать. Во всякомъ случаѣ это былъ очень своеобразный эстетъ съ чисто русскимъ, купеческимъ властнымъ характеромъ, съ древней религіозностью, проявлявшейся порывами, съ здравымъ смысломъ въ вопросахъ соціалистическихъ теорій, которымъ онъ видимо не довѣрялъ сплошь. Поклонникъ Тютчева и Лѣскова (а много ли ихъ тогда было даже въ литературной средѣ) сидѣлъ теперь рядомъ съ Гольцевымъ, какъ парадоксальное противорѣчіе жизни русской интеллигенціи. Любовь къ театру, дружественныя связи съ артистами Малаго театра и преклоненіе передъ традиціями этого театра естественно дополняли оригинальный духовный образъ редактора „Русской Мысли“.

Въ литературѣ В. М. Лавровъ извѣстенъ какъ переводчикъ польскихъ произведеній, какъ проводникъ польской литературы въ русскую. Надо отдать справедливость этимъ переводамъ въ томъ, что они сдѣланы хорошо и съ чрезвычайной любовью. Романы и рассказы Г. Сенкевича, повѣсти Элизы Ожешковой и другихъ изъ книжки въ книжку появлялись въ журналѣ, знакомя русское общество съ духовными достиженіями родственнаго по крови народа. В. М. Лавровъ былъ поистинѣ большимъ знатокомъ польской литературы и поклонникомъ польской культуры. Отъ этого и не страннымъ казалось, когда онъ властно и отрывисто говорилъ пріятелю, точно командуя.

— Учись польскому языку. Необходимо да и не трудно.

Страннымъ казалось то, что онъ такъ о не удосужился посѣтить Польшу, неоднократно собираясь туда. Съ польскими писателями онъ переписывался, и слезы, настоящія слезы, блестѣли на его глазахъ, когда онъ читалъ мнѣ

письма Э. Ожешковой, благодарившей его за точный переводъ и обѣщавшей прислать новую, еще не напечатанную повѣсть. Такое полонофильство елецкаго купца-эстета сыграло, повторяю, положительную роль въ знакомствѣ русскаго общества съ польской литературой. А тонкая и, главное, любовная оцѣнка художественныхъ произведеній вообще привлекала въ журналъ и Эртеля, и Мамина, и Чехова и многихъ другихъ. Вѣдь то было время съ такимъ настроеніемъ интеллигенціи, когда публицистическая часть журнала считалась едва ли не интереснѣе, выражаясь по старому, изящной словесности... Лавровъ любовно разбирался въ ея деталяхъ и говорилъ съ комической сокрушенностью.

— Чтожь дѣлать? Нѣтъ для каждой книжки по Тютчеву, Достоевскому и Толстому. Приходится смотрѣть чтобы ввали пограмотнѣй.

Такой же интересъ проявлялъ В. М. Лавровъ и къ стихамъ, тщательно разбираясь въ нихъ и перечитывая по нѣскольку разъ въ то время, когда на стихи въ большинствѣ журналовъ смотрѣли какъ на какую-то неизбежную типографскую затычку. По поводу стиховъ проявлялъ онъ нѣкоторое старовѣрство, и демонстрируя въ редакціи до непонятности лѣваго символиста, говорилъ возмущенно.

— Не понимаю. Не поймутъ и другіе, да и самъ онъ навѣрное не понимаетъ, А Верлена вотъ понимаю. Да вѣдь тамъ электрической фонарь вмѣсто солнца и поддѣльная пальма вмѣсто природы... А вѣдь нашъ-то здоровенный малый изъ средней Россіи и живетъ съ ярославской здоровой дѣвицей, а туда же къ непостижимой утонченности потянулся. Кабы пооригинальнѣй былъ, такъ и понятнымъ русскимъ языкомъ бы заговорилъ.

Записываю то, что припомнилось, не для характеристики отношенія В. М. Лаврова къ символизму вообще, а для требованія оригинальности, подсказаннаго ему его самобытной русской натурой.

Публицистическую часть журнала велъ пріятель Лаврова — В. А. Гольцевъ. Убѣжденія В. А. Гольцева сводились къ необходимости конституціи. Эта конституція

считалась имъ панацеей отъ всяческихъ золъ и поистинѣ сдѣлалась его идоломъ. Что бы онъ ни говорилъ или писалъ, все сводилъ онъ къ этой свѣтлой и ожидаемой гостѣ. Политическое убѣжденіе ярко превращалось у него въ настоящую непререкаемую вѣру, давая поводъ для сочиненія анекдотовъ со стороны насмѣшливыхъ сотрудниковъ по журналу.

В. А. Гольцевъ привѣтствовалъ, разумѣется, всякое открытіе новой школы или библіотеки, просвѣщавшее народъ и приближавшее его, какъ онъ говорилъ, къ конституціи. И одинъ изъ тогдашнихъ анекдотовъ пресерьезно рассказывалъ о томъ, какъ побѣжавши на телеграфъ привѣтствовать открытіе въ какомъ-то захолустьи женскихъ кулинарныхъ курсовъ, Гольцевъ, задумавшись на минуту, послалъ телеграмму:

„Жарьте разумное, доброе, вѣчное“.

В. М. Лавровъ былъ равнодушнымъ къ политикѣ, которой отдаться, повидимому, ему мѣшалъ эстетизмъ. И вспоминается мнѣ, какъ за параднымъ ужиномъ у одного богатаго либерала, когда произносились тосты, связанные, разумѣется, съ политикой, Лавровъ шепталъ своему сосѣду,

— Пріѣзжай ко мнѣ въ Старую Рузу. Теперь весна. Выйдешь рано утромъ, а скворцы поютъ, пташки уморительно прыгаютъ...

— Вуколь Михалычъ! — раздается укоризненный голосъ оратора.

— Виноватъ, простите пожалуйста.

И тотчасъ же пониженнымъ шопотомъ обращеніе къ сосѣду.

— Пріѣзжай же скорѣй. А здѣсь все одно и то же, и всѣ они врутъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что общая судьба тогдашней русской литературы поставила этого праваго либерала во главѣ умѣреннаго либеральнаго журнала. Но основой жизни Лаврова менѣе всего была политика, а скорѣй всего красота. Любоваться художественнымъ творчествомъ, воспринимать красоту природы и тонко цѣнить достиженія духовной культуры, — вотъ что, повидимому,

составляло главный интересъ его жизни. Въ маленькой дачѣ Рузскаго уѣзда это былъ человѣкъ разводящій цвѣты и заслушивающійся пѣніемъ птицъ, а въ редакціи — внимательный цѣнитель литературы. И въ то же время это былъ человѣкъ замкнутый въ себѣ, причудливый, тяжелый и по купечески властный въ семьѣ.

Припоминается мнѣ одна изъ послѣднихъ съ нимъ встрѣчъ. Это было тогда, когда уже сильно хворая, онъ все больше и больше отходилъ отъ журнала. Я пріѣхалъ въ Москву послѣ знаменитаго московскаго возстанія, когда еще спиленные телефонные столбы валялись на улицахъ, а окна зіяли пустотой разбитыхъ артиллеріей рамъ. Встрѣтилъ я Лаврова въ ресторанѣ, куда зашелъ онъ поужинать. Онъ показался мнѣ больнымъ и сильно осунувшимся. Мы сѣли за отдѣльный столикъ, обмѣниваясь впечатлѣніями. Теперь передо мной былъ не либераль, а смущенный, огорченный, почти убитый человѣкъ.

— Чтожь, итти по пути революціи? Продолжать ту же нашу линію, что сотню лѣтъ тянетъ наша интеллигенція? Разнуздать звѣрство и хамство, уничтожить всю красоту, всю правду и весь смыслъ жизни?

Долго, облегчая свою скорбь, говорилъ на эту тему негодовавшій В. М. Лавровъ, а я молча слушалъ его. Повидимому онъ далеко провидѣлъ впередъ. Да и что могъ возразить ему я, только что пріѣхавшій изъ Саратовской губерніи, гдѣ уже пылали помѣщичьи усадьбы, а изъ библиотекъ, картинъ и музыкальныхъ инструментовъ складывались костры?..

Видѣлъ я его еще разъ совсѣмъ больнымъ, оставившимъ уже журнальную дѣятельность. И теперь, вызывая въ памяти образы прошлаго, я останавливаюсь на немъ. Я вспоминаю угрюмую замкнутость и дружескую порывистость В. М. Лаврова, вспоминаю его влюбленность въ красоту и властность характера, вспоминаю всю сложность его натуры и думаю о Россіи, думаю о забытой могилѣ оригинальнаго русскаго человѣка, бывшаго спутникомъ моей жизни.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Смѣшная исторія	3
Смерть отца Григорія	10
Мечъ Могомета	22
Эюбъ-оруженосецъ (стихи)	34
На островѣ	36
Джавидъ	44
Жертва поэта	49
Красота	57
И з ъ а л ь б о м а Ж и р о н д ы.	
Среди холмовъ (стихи)	64
Праздникъ	65
Потерянный сюжетъ	68
Не можетъ быть	71
Охотникъ	74
Верделэ	77
Простая жизнь	80
Память мертвыхъ	83
Букетъ	85
На берегу	88
Д ѣ т с к і е с и л у э т ы.	
Борцы	93
Мыслитель	97
Поэтъ	99
Въ туманѣ	101
Всходы	103
№ 23	105
Ординарецъ	107
На отдыхѣ	104
Б л и з к і я т ѣ н и.	
А. Н. Плещеевъ	112
Н. С. Лѣсковъ	118
С. А. Найденовъ	123
В. М. Лавровъ	128

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

- 1 и 2. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“, т. I и II.
- 3, 4 и 16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій домъ“, романъ, т. I, II и III.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“. 1914-1918 гг.
7. Б. К. Зайцевъ. — Разказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въѣздъ въ Парижъ“, разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтія.“
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

17. Д. С. Мережковскій. — „Атлантида — Европа“.
18. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. I.
20. А. И. Купринъ. — „Колесо времени“, разказы.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
19. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. II.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“.

Печатается:

2. Е. А. Елачичъ. — „Разказы“.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

